

ВЕЛИКИЕ ПРОРОКИ

ЖАК ДЕ МОЛЕ

ВЕЛИКИЕ ПРОРОКИ

Е. ЖАРИНОВ

ЖАК ДЕ МОЛЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ОЛИМП АСТРЕЛЬ

Москва

1999

УДК 929
ББК 84
Ж34

Серия основана в 1998 году

Жаринов Е. В.

Ж34 Жак де Моле. — М.: «Олимп», «Издательство Астрель», «Издательство АСТ», 1999. — 192 с. — (Великие пророки).

ISBN 5-7390-0911-1 («Олимп»)

ISBN 5-271-00208-X («Издательство Астрель»)

Магистр ордена тамплиеров — основателей масонства — мистик и пророк Жак де Моле был сожжен на костре святой инквизиции. Потомки поражались тому, с какой удивительной точностью сбываются его предсмертные пророчества. О тайнах тамплиеров и предсказаниях де Моле рассказывает эта книга.

УДК 929
ББК 84

© «Олимп», 1999

© Оформление. «Издательство Астрель», 1999

Пролог

Тому, кто размышляет о четырех вещах — о том, что вверху, о том, что внизу, о том, что есть до и что есть после, — лучше было бы не родиться.

Talmud, Hagigah 2.1

Есть на земле места, завораживающие взор и душу, где высшие силы напрямую общаются с человеком. В Германии это гора Хартц, где Гёте вместе с Мефистофелем устроил для своего Фауста Вальпургиеву ночь, в Великобритании — Стоунхендж и озера Шотландии, во Франции — южные провинции Лангедока, место жизни и гибели знаменитых катар.

Наша история начинается во Франции, там, где и родился Великий Магистр ордена тамплиеров Жак де Моле — воин, мистик, пророк.

В начале XIV века не писали портретов, и как выглядел де Моле, мы не знаем, но бессмертная тень его в этом не нуждается. Прах к праху, как

говорится, а вечное пребывает в вечном. Попробуем же по мере сил воссоздать образ этого человека, бывшего Великим Магистром одного из самых известных в истории ордена тамплиеров.

Рассказ наш начинается с того, как сельский священник уже в конце XIX века, оказавшись в одном из упомянутых нами заколдованных мест на юге Франции, занялся раскопками и в суетном любопытстве своем потревожил Тайну.

А произошло все так.

1 июня 1885 года в деревушке Ренне-ле-Шато появился новый 33-летний приходский священник по имени Беранжер Соньер. Был он высокого роста, сутуловат, с черными вьющимися волосами и глубоко посаженными карими глазами.

Деревушка насчитывала всего 200 душ и располагалась непосредственно у Пиренеев, недалеко от Каркасона. Настоящая дыра, куда Соньера, несмотря на ум и таланты, проявленные в духовной семинарии, сослали за дерзкий нрав и непокорность.

В представлении местных крестьян все усилия религии сводились к тому, чтобы наполнять небесные сундуки, выкачивая деньги из карманов прихожан. Религия напоминала им огромный торговый дом, где кюре являлись приказчиками, хитрыми, пронырливыми, оборотистыми, и обдeldывали дела Господа Бога за счет простых людей.

Для молодого человека с амбициями оказаться в такой дали от цивилизации означало лишь верную духовную смерть, ибо сама обстановка тут — от-

менные виноградники, мягкий теплый климат и жирная, плодородная земля, в которой уже в апреле вызревала клубника, — располагала к безделью и опасному для молодого пытливого ума благодушию. Спасло Соньера то, что он сам был родом отсюда и умел не поддаваться одурманивающей душу истоме.

Каждое воскресенье Соньер проводил с удочкой на реке и всегда встречал там другого рыболова, аббата из соседнего прихода Анри Буде, маленького, худого, подвижного и вечно небритого старичка. Часто проводили они по полдня, сидя рядом и свесив над водой ноги, и скоро между ними возникла тесная дружба.

Бывали дни, когда они совсем не разговаривали. Иногда беседовали, но чудесно могли понимать друг друга и без слов, так как у них были общие вкусы и близкие переживания.

Анри Буде был старше и опытней. Он хорошо знал историю здешних мест и многое рассказывал Беранжеру. Он говорил молодому другу о том, что земля Каркасона таит в себе опасный соблазн души. Даже сейчас где-то по соседству, в районе тех же Пиренеев, прошел громкий процесс, на котором высшие церковные власти осудили трех братьев-священников. Под влиянием своего родного места, которое называлось Вдохновенный холм, они впали в ересь и стали совращать с пути истинного вверенную им паству. Братья Байяры учили прихожан молиться некой черной Деве, богине

древних вестготов, храм которой находился в их родных местах.

Старый аббат рассказал Соньеру и о многом другом, в частности о живших когда-то в этих местах катарах, о замке Бланшфор, основанном еще в XII веке и ставшем резиденцией четвертого Великого Магистра ордена тамплиеров, рассказал и о том, что именно по этой долине проходил когда-то путь паломников, которые шли из Северной Европы через Пиренеи в Испанию, в святой город Сантьяго-де-Компостела.

Однажды июньским днем 1891 года Буде пригласил к себе Соньера и специально под разными предложениями задержал своего молодого друга.

Все произошло вечером после неожиданно налетевшей грозы. Перед самым закатом небо прояснилось. Лучи сквозь окно проникли в комнату и залили ее необычным светом, коснулись двух рюмок, так и оставшихся недопитыми на обеденном столе, и сделали их янтарными. Умолкнувший во время грозы мир за окном вновь наполнился звуками.

За столом тем временем воцарилось неловкое молчание. Следовало либо разойтись, либо продолжить явно затянувшуюся беседу.

— Давайте говорить откровенно, — начал аббат.

— Начистоту, — согласился Соньер и почувствовал, как дрожь нетерпения прошла по всему его телу.

— Вы, наверное, сами уже успели почувство-

вать, что наши места не совсем похожи на все то, что мы можем встретить повсюду в милой доброй Франции?

— Еще как почувствовал, дорогой Буде.

— Помните, я совсем недавно рассказывал вам о несчастных братьях Байярах?

— Отлично помню. Они молились черной Деве на своем Вдохновенном холме.

— Абсолютно верно. А откуда, по-вашему, исходит представление о Богородице?

— Первым известным в Европе был образ черной кельтской Богородицы.

— Вы правы. Когда в молодости святой Бернар молился перед черной Богородицей, то его, в отличие от братьев Байяров, никто не предавал анафеме. Святой молился кельтской богине в церкви Сен-Вуарля, и она выдавила из груди три капли молока, которые скатились на уста будущего основателя ордена тамплиеров. И заметьте, именно Бернара великий Данте помещает в «Божественной комедии» в раю, в центре Розы. А при этом ересь присутствует в самом основании нашей католической церкви, во всей ее истории, и ересь эта родом из здешних мест.

— Я боюсь за вашу душу, дорогой Буде. Не слишком ли вы увлеклись подобными рассуждениями?

— Кого вы хотите обмануть, дорогой Соньер? Я же чувствую, что эти мысли посещали и вас. Уж больно хорошо мы научились понимать друг друга

во время наших речных месс. Сколько мы пропустили при этом служб в церкви, а?

— Да, но вы сами знаете, дорогой Буде, что крестьяне — плохие прихожане. Не служить же, в самом деле, в пустом храме, когда на улице такая благодать?

— Не думаю, что подобные речи пришлись бы по душе епископу.

Тема, затронутая Буде, явно была не из приятных. Каждый из приятелей знал, что, предпочитая рыбалку службе, он нарушает принятые правила, но говорить об этом не очень-то хотелось. После неловкой паузы Буде продолжил:

— Впрочем, я не вижу здесь ничего плохого, дорогой Соньер. Вам никогда не приходило в голову, что это и не рыбалки вовсе, а обряд, который мы совершаем помимо своей воли. Помните легенду о «короле-рыболове»?

— Это что-то связанное с поисками Святого Грааля, да?

— Я так и знал, что вы осведомлены в подобных вопросах и читали «Парсифаля» Вольфрама фон Эйшенбаха. Может быть, не будем разыгрывать друг перед другом святую инквизицию, а перейдем сразу к делу? — заключил маленький аббат и озорно подмигнул своему собеседнику.

— Что вы имеете в виду, дорогой Буде?

— То же, что и вы, дорогой Соньер. Мы с вами прекрасно осведомлены о том, что это место было резиденцией катар и тамплиеров.

— Да, вы мне уже поведали об этом на реке.

— Мы посвященные, Соньер, мы сорвали покрывало Изи́ды. Лучше быть зубом, чем травинкой. Вот мой девиз.

Эти слова так не гармонировали с обликом маленького аббата, что Соньер не мог удержаться от улыбки. Буде заметил его реакцию, но нисколько не смутился:

— Я предлагаю проникнуть в бездну. Я предлагаю отдаться тому, что давно уже влечет нас к себе. Посмотрите, посмотрите только на эту башню!

На небе к этому времени появилась огромная луна и осветила всю окрестность. В серебряном свете мрачные силуэты замка Бланшфор, казалось, приобрели еще больше таинственности.

— Именно здесь жил один из Магистров ордена тамплиеров. Копните только — и вы обнаружите в этих землях не христианские святыни, а памятники вестготов и бог знает что еще.

— Нельзя ли, дорогой Буде, поподробнее рассказать мне об этих тамплиерах? — примирительным тоном произнес Соньер, не в силах оторвать глаз от таинственного силуэта башни, что возвышалась на соседнем холме.

— Охотно. Начало истории известно. Во времена крестового похода Балдуин стал королем Иерусалима. И вот в 1118 году сюда прибывают девять человек под предводительством некоего Гуго де Пейна и формируют ядро нового ордена Нищих Рыцарей Христа. Король Балдуин уступил новому братству замок возле места, где, по преда-

нию, находился Храм Соломона. Отсюда — другое название тамплиеров: храмовники. Орден монашеский и рыцарский одновременно. Они приняли некоторые монашеские обеты: нестяжательства, целомудрия и послушания, к которым добавилась защита паломников и местных христиан от мусульман. Но военная деятельность ордена возобладаала над монашеской.

— Но кто такой этот Гуго де Пейн? — вмешался Соньер.

— Своевременный вопрос, мой друг. Он был рыцарем. Можно сказать, из здешних мест.

— Неужели?

— Да, он родом из Шампани. После возвращения из Иерусалима крестоносец вступил в контакт с аббатом Сито и помог ему в монастыре начать чтение и перевод некоторых древнееврейских текстов. Подумать только, раввины из Верхней Бургони были приглашены в Сито к белым монахам-бенедиктинцам, и кем? Самим святым Бернаром, чтобы изучать тексты, которые Гуго нашел в Палестине. Видите, как все переплетено в нашей истории.

— Вы же сами сказали, что тамплиеры были монашеским орденом. Бернар и покровительствовал им. Ведь они отправились воевать Гроб Господень.

— Верно, только монахи эти вели себя довольно странно. Известно, когда посланник дамасского эмира посетил Иерусалим, тамплиеры предоставили ему для молитв небольшую мусульманскую ме-

четь, переделанную в христианскую церковь. Однажды туда вошел какой-то франк. Возмущенный присутствием в святом месте мусульманина, он принялся оскорблять его. Однако тамплиеры прогнали брата по вере, проявившего подобную нетерпимость, и принесли свои извинения мусульманину. Такая лояльность по отношению к врагу в конечном счете сослужила им плохую службу, поскольку в дальнейшем их, кроме всего прочего, обвиняли в связях с тайными сектами мусульман.

— Наверное, в этом есть своя правда. Тамплиеры не имели возможности получить основательное монастырское воспитание, — решился высказаться Соньер.

— Абсолютно верно. Я рад, что вы понимаете меня. Разум тамплиеров, воинов-монахов, не мог уловить некоторые теологические тонкости Лоуренса Аравийского, и вскоре рыцари даже стали надевать на себя легкую шелковую одежду шейхов. Однако проследить за их деятельностью в этот период довольно трудное дело, поскольку христианские историографы, такие как Гийом де Тир, не упускали ни единой возможности, чтобы очернить их. Ясно одно: тамплиеры в своих поисках истины отклонились от догм и вступили на весьма опасную почву мистицизма. Возьмем, к примеру, все ту же черную Богородицу. Великий Фулканелли решил по-особому прочесть иконы в соборах, принадлежащих ордену, и пришел к удивительному заключению: для него стала совершенно очевидной связь

между кельтской Богородицей и алхимическими изысканиями. Черная Богородица символизирует собой начало, над поисками которого трудились те, кто искал философский камень...

После разговора с Буде Соньер решил сам посмотреть на знаменитую черную Богородицу, о которой так много говорил аббат. Дождавшись подходящего момента, он сел в поезд и отправился к Вдохновенному холму.

Отсутствовал Соньер около месяца. По возвращении домой он сильно изменился: помрачнел и перестал даже ходить на рыбалку, зато его часто видели в лесу и в других глухих местах Ренне-ле-Шато. Крестьяне рассказывали, что их кюре мог подолгу стоять у какого-то камня, на котором еще была заметна полустершаяся надпись.

Священник завел знакомства со стариками и полюбил расспрашивать их о далеком прошлом. Соньер стал носить с собой тетрадь, чтобы записывать туда услышанные предания. Он по-прежнему навещал своего друга аббата. Они читали старые полуистлевшие манускрипты и о чем-то жарко спорили.

Но чем бы ни занимался Соньер, как далеко ни уходил от своего дома в поисках неведомого, он почти всюду мог видеть колокольню своей церкви Марии Магдалины. И в самом деле: каждая часть приходского храма, открывавшаяся наблюдательному взору, отличалась от всякой другой постройки

Ренне-ле-Шато, включая и величественный замок Бланшфор.

Вряд ли Соньер мог объяснить даже самому себе, почему он решил заняться реконструкцией старого храма, заложенного еще вестготами в VI веке. Скорее всего, церковь сама потребовала от священника чего-то подобного, решив приоткрыть людям свою Тайну.

Как бы там ни было, но работы начались в 1891 году. Но лишь 3 марта 1892 года в три часа пополудни Тайна дала знать о себе. К этому времени Соньеру удалось подпереть крышу ветхого храма, что позволило сдвинуть алтарную плиту, покоившуюся на двух балках. Тут кюре и заметил, что одна из балок была слишком уж легкой. Она оказалась полой внутри.

Священник через небольшое отверстие просунул туда руку и извлек четыре опечатанных деревянных цилиндра. В таких футлярах обычно хранили пергаментные свитки.

Соньер спрятал находку в складках одежды и поспешил домой. Оказавшись у себя, он запер дверь на засов, закрыл ставни, затем зажег свечу и дрожащими руками взломал первую печать.

Уже с утра аббат Анри Буде чувствовал себя не в своей тарелке. В тот момент, когда Соньер начал вскрывать первую печать, Анри совершал свой обычный моцион перед обедом, и вдруг острая боль пронзила грудь. Аббат в бессилии прислонился к дереву.

...Соньер не знал, что происходит с его другом в данный момент, и продолжал трудиться над сургучом.

Буде все-таки удалось добраться до дому. На пороге его встретила экономка и, увидев побледневшего аббата, помогла ему подняться на второй этаж и уложила его в постель.

— Не хотите ли вы чего-нибудь? Быть может, дать вам бульону?

— Бульон? О нет!

— Тогда, может быть, налить вам вашего лекарства?

— Нет, я боюсь лекарств. Принесите лучше подушку с хмелем и пошлите за доктором.

Экономка вернулась через минуту с подушкой, набитой хмелем, и положила ее под голову Буде. Затем она отправилась за доктором.

Первые два свитка не представляли из себя ничего особенного. Это оказался генеалогический список семьи Бланшфоров, который начинался с 1244 года. Соньер занялся следующим футляром.

А к старому Буде в это время пришел доктор. При виде врача аббат закашлялся, и на платке выступила кровь. Доктор покачал головой и принялся осматривать больного. Нос у Буде заострился, под глазами легли тени, а лоб покрылся мельчайшим потом.

...Наконец Соньер взломал еще одну печать. Этот пергамент был написан на латыни и начинался с какой-то цитаты из Нового Завета. Но вдруг четкость письма нарушилась, строки стали налезать друг на друга, слова слились в какие-то сплошные каракули. Текст заканчивался арабскими цифрами.

После осмотра больного врач вышел вместе с экономкой в коридор.

— Он очень плох, — сказал вполголоса лекарь, кивая на дверь спальни. — Моя помощь здесь не понадобится. Лучше бегите за священником.

Экономка никак не ожидала такого заключения. Она даже вскрикнула, но тут же зажала рот руками. Старая женщина была очень предана своему аббату. Она проводила доктора до двери, а затем вернулась к умирающему.

Соньер вскрыл последний из найденных футляров и развернул пергамент. Он также был составлен по-латыни. При этом некоторые из букв специально были выведены выше основной строки. На них-то Соньер и обратил внимание.

Постепенно буквы сложились в следующую фразу: «Это сокровище принадлежит Дагоберу II и Сиону, и там оно погребено».

«Черт побери этих лекарей, — ругалась про себя экономка. — Только и могут, что выносить смертный приговор. А человек просто устал. Отлежится и вновь завтра на ногах будет».

— Кто там? Дайте свету побольше! Это вы, госпожа Лоране?

— Я, господин аббат. Сейчас принесу большой подсвечник.

Буде видел, как в трясущихся руках служанки начали загораться свечи.

— Поставьте здесь и идите, — приказал умирающий.

Вдохновленный успехом, Соньер вновь решил вернуться к предыдущему пергаменту. Написанная на латыни абракадабра напоминала шифр. Поначалу следовало разбить текст на слова и переписать их в соответствии с правилами орфографии. Но и эта процедура не принесла успеха.

Тогда Соньер обратился к цифрам и стал подсчитывать частоту употребления определенных букв. Числа соответствовали тем, что в определенном порядке были вынесены в самый конец. Аббат распределил выделенные буквы так, как это было указано в ключе. В результате получилось следующее: «Пастухи» и никаких «Соблазнов», чьи Пуссен и Тенирс держат ключи. Мир DCLXXXI (681), крестом и конем божьим, Я завершаю или заклинаю этого демона, хранителя полдня. Голубые яблоки».

Соньер наконец оторвался от работы и посмотрел на часы. Была уже глубокая ночь, и тревожить Буде в такой час не стоило: пускай старик спокойно поспит до утра...

За окном поднялся сильный ветер, и вновь, как

всегда в таких случаях, закрипел старый дуб во дворе. Забыв даже помолиться, Соньер как убитый свалился на постель, решив отложить все до лучших времен.

Буде вздрогнул, и кровь хлынула у него из горла, заливая белье. В первый момент он испугался, но тотчас же почувствовал чрезвычайное облегчение и даже подумал: «Вот хорошо...» — и больше ничего уже не видел, только мелькнула напоследок ослепительно яркая полоса реки, словно в жаркий летний полдень, да затрещали кузнечики в траве, а затем все стало светлым-светлым.

Под утро Беранжеру Соньеру привиделось во сне, будто старый Буде поднимается по высокой лестнице на крышу собственного дома, а она тем временем становится все выше и выше, как лестница Иакова. И вот плеч старого друга уже коснулось легкое облако, и луч солнца позолотил его голову.

Затем взор Соньера вновь спустился к земле, и он увидел у самого основания лестницы фигуру рыцаря с длинной бородой и с такими же длинными прядями седых волос. На рыцаре поверх кольчуги была грубая холщовая накидка белого цвета с вышитым на груди и спине красным крестом. Неожиданно рыцарь повернулся к Соньеру, освободил одну руку и жестом пригласил его последовать за его другом на небо.

Беранжер почувствовал, как ужас сковал все

его тело. В одно мгновение все вокруг помрачнело, синие молнии засверкали среди туч, подул ветер, который перешел в самый настоящий шквал, сверху раздался крик падающего Буде, а лицо Магистра исказилось гневом. И с каждым новым раскатом грома оно становилось все ужаснее и ужаснее. Гром тем временем нарастал...

И тут Соньер проснулся, сквозь остатки сна осознавая, что это не очень громко, но настойчиво стучат к нему в дверь.

Соньер вздохнул с облегчением и наконец-то смог, хотя и с трудом, разлепить тяжелые веки. Раскрыв широко глаза, он понял, что громовые раскаты — это настойчивый, хотя и не очень громкий стук в дверь.

Мартовский день еще только-только занимался. Накинув халат, священник спустился вниз. На пороге стояла женщина, окутанная, как саваном, холодным утренним туманом. Соньер долго не мог понять, в чем дело. С трудом вслушиваясь в то, что она говорит сквозь всхлипывания, он наконец разобрал смысл: ночью его друг аббат Анри Буде отдал душу Богу.

С того дня призрак аббата Буде стал посещать дом Беранжера Соньера.

Прошло еще несколько месяцев, и Соньер, чувствуя, что сходит с ума, отправился на исповедь к епископу города Каркасона, захватив с собой найденные в церкви Марии Магдалины пергаменты.

Сокровища тамплиеров

Въезд в Париж

Тайна, на которую случайно наткнулся Беранжер Соньер и которая чуть не стоила ему рассудка, своими корнями уходила в далекое прошлое. Чтобы хоть как-то приблизиться к ней, мы должны из века XIX, где застигли нас все вышеупомянутые события, перенестись в век XIV, чтобы понять, что удалось раскопать бедному каркасонскому священнику, чей дом стал посещать призрак внезапно скончавшегося друга.

Шесть веков тому назад жизнь человека была гораздо более мимолетной и не ценилась так, как нынче; люди были ближе к смерти, и поэтому городское кладбище служило и местом свиданий, и местом развлечений, и местом деловых встреч. Никого при этом не смущал смрадный запах, исходящий из открытых братских мстил, которые просто невыгодно было зарывать. Проститутки искали

здесь богатых клиентов и находили их, влюбленные целовались и объяснялись в любви.

Memento mori — помни о смерти! Вот девиз эпохи. Находились святые, которые добровольно замуровывали себя в маленьких кельях на кладбище, оставляя лишь небольшое отверстие для воздуха и жалких подачек, чтобы подольше продлить собственные страдания. Сам король назначил что-то вроде жалованья для двух отшельниц, поселившихся таким образом на кладбище Невинноубиенных младенцев в Париже.

Зато человек в ту эпоху не знал, что такое одиночество. Начиная с рождения и до самой смерти он был включен в жизнь общины и принадлежал либо к цеху ремесленников, либо к купеческой гильдии, либо к рыцарскому ордену, либо к монашескому братству.

Никогда человек не чувствовал себя одиноким, и не было у него возможности хоть чуть-чуть побыть одному. Даже в спальне нельзя было укрыться от любопытных глаз. Богатые и благородные супруги предпочитали проводить ночи в компании со своими слугами, детьми и собаками, которых любили не меньше, чем детей.

Даже смерть не давала уединения. Если покойник был грешен, то его вполне могли достать из могилы и наказать, как живого. Так, голова мэтра Одара де Бюсси по особому повелению Людовика XI была извлечена из могилы и выставлена на рыночной площади Эдена, покрытая алым капюшоном, отороченным мехом.

Мир загробный и мир реальный существовали бок о бок и не имели границ. Когда Франциск Ассизский появился в папском дворце, чтобы передать устав своего монашеского ордена, то понтификс к этому часу уже успел скончаться. Вручать бумаги было некому. Но святой приказал вложить пергамент в руку покойного, произнеся при этом: «Разве, скончавшись, он разучился читать?»

Можно сказать, что уединение в описываемую эпоху было знакомо лишь отшельникам. Но отшельниками становились немногие, хотя среди них могли быть не только бедные монахи, но и кающиеся короли, и рыцари, и даже купцы.

Та или иная корпорация, цех, братство или орден несли полную ответственность за каждого своего члена. Его грех становился общим грехом, его святость — общей святостью, а при внезапной смерти именно община брала на себя ответственность за жизнь вдовы и ребенка. Великий Данте до конца дней своих так и остался членом цеха аптекарей славного города Флоренции и, говорят, очень гордился этим званием.

Такое чувство общности подкреплялось еще и религиозным чувством. Всех объединяло одно — жизнь Христа. Она становилась тем образцом, которому следовало подражать в каждом, даже самом малом, проявлении повседневности. Так, Генрих Сузо за трапезой, когда ел яблоко, обыкновенно разрезал его на четыре дольки. Три он съедал во имя Святой Троицы, четвертую же посвящал «дитятке Иисусу» и посему оставлял эту дольку с ко-

журой, «ибо малые дети едят яблоки неочищенными». В течение нескольких дней после Рождества четвертую дольку и вовсе оставляли в покое, так как младенец Иисус в это время был еще совсем мал, чтобы есть яблоки. В этот период четвертая неочищенная долька оставалась нетронутой за каждой трапезой и посвящалась Деве Марии, «дабы через мать яблоко досталось сыну».

Но это еще не все. Любое питье Генрих Сузо старался выпить в пять глотков, по числу ран на теле Господа нашего. И всегда следовало сделать в конце двойной глоток и почтить тем самым рану в боку Иисуса, откуда истекала и кровь и вода.

Жизнь была проникнута религией до такой степени, что возникала постоянная угроза исчезновения расстояния между земным и духовным, между Богом и дьяволом. Например, церковь издавна поощряла почитание телесных останков святых, и монахи монастыря Фоссануовы, где умер Фома Аквинский, из страха, что от них может ускользнуть бесценная реликвия, обезглавили, выварили, препарировали тело своего покойного учителя, чтобы ни один кусочек святой плоти не ушел на сторону.

Или другой пример. Прежде чем предать земле тело скончавшейся Елизаветы Тюрингской, толпа ее почитателей не только оторвала и отрезала частички плата, которым было покрыто ее лицо; у нее отрезали волосы, ногти и даже кусочки ушей и соски.

Да что там толпа. Так же действовали короли! По случаю торжественного празднества Карл VI

раздал ребра своего предка, Людовика Святого, высокопоставленным гостям и двум своим дядьям, герцогу Беррийскому и герцогу Бургундскому. Несколько прелатов получили ногу. После пиршества они приступили к разделу конечности почитаемого святого.

В повышенной религиозности словно скрывалось тайное богохульство. Уже в XIV веке в ходу были статуэтки Девы Марии, которые представляли собой вариант старинного голландского сосуда. Это была маленькая золотая фигурка, богато украшенная драгоценными камнями, с распахивающимся чревом, внутри которого можно было видеть изображение Троицы.

Слова, которые благодаря авторитету блаженного Августина и Фомы Аквинского звучали непререкаемо: «Все, зримо свершающееся в этом мире, может быть учиняемо бесами», приводили христианина, исполненного доброй воли и благочестия, в состояние величайшей неуверенности.

Повсюду вспыхивали эпидемии ведовства. Многие короли заводили собственных чернокнижников и чародеев. Почти все они, чтобы навести порчу, лепили восковые фигурки и протыкали их иглами. Это был распространенный вариант политической борьбы.

Один из инквизиторов утверждал, что каждый третий христианин запятнал себя ересью. По его мнению, каждый, обвиненный в сношении с дьяволом, действительно виновен, ибо Господь не мог допустить, чтобы кто-то в подобном деле мог быть

невинно осужден. Инквизитор этот не сомневался, что по одному виду человека в состоянии определить, замешан тот в колдовских действиях или нет.

Начало XIV века было ознаменовано тем, что зимой 1306 года неожиданно замерзло Балтийское море. Эта аномалия повторилась в следующем, 1307 году, и холодный полярный воздух дохнул на всю Европу. В теплых морях начались небывалые бури, топившие целые флотилии, а Каспийское море вышло из берегов, унося с собой тысячи жизней.

В 1315 году дожди были такими сильными, что казалось, «разверзлись хляби небесные, и окна небесные отворились». Всеобщее похолодание и дожди привели к сокращению посевов; голод, бледный всадник Апокалипсиса, появился на горизонте. В монастырских летописях мы находим рассказы о людях, пожиравших собственных детей. Были несчастные, которые устраивали себе трапезу из тел повешенных, чьи трупы болтались в петле без присмотра.

У современников этих событий существовало одно объяснение — кара Господня за грехи человеческие. По общему мнению, конец света неумолимо приближался. Откуда им было знать, людям уходящего средневековья, что начало XIV века совпало с так называемым коротким ледниковым периодом, длившимся вплоть до 1700 года. И что могли дать им эти знания? Земная ось неожиданно сдвинулась и потревожила людской муравейник.

Следует отметить, что накануне всех описанных

нами катастроф произошло еще одно очень важное, но, к сожалению, не отмеченное большой историей событие. После долгого и утомительного пути, подобного Страстям Господним, подобного поискам Святого Грааля, пути, свершенного из Святой Земли во Францию, на котором путников повсюду подстерегали опасности и лишения, Великий Магистр ордена тамплиеров летним утром 1306 года достиг наконец Лиль-де-Франса, увидел милые сердцу равнины и замер в восхищении.

Как мог выглядеть стареющий рыцарь?

Святой Бернар, один из основателей ордена, писал: «Борода их всегда растрепана, моются они редко, и следы пыли перемешиваются на них со следами жары и кольчуги». В то время люди монашеского звания культивировали здоровую грязь, чтобы унижить собственное тело. Святой Макарий, например, жил на столбе, и, когда с его тела падали черви, он подбирал их и навешивал обратно, говоря при этом, что сии создания Божии тоже имеют право на радость жизни.

Солнце Палестины наверняка сделало кожу Магистра пергаментно-смуглой, покрыло морщинами. Он должен был постоянно жмуриться, чтобы спасти свое и без того уже ослабленное ярким солнцем зрение. Его тело, возможно, было покрыто коростой от грязи и не смываемого годами пота.

Там, в Палестине, рыцари узнали от арабов о шелке, и он стал их настоящим спасением. Европейские рыцари продолжали уродовать свое тело грубой холщовой материей. Но на шелковую руба-

ху все равно, несмотря на 50-градусную жару, следовало надеть гобиссон, сшитый из тафты или кожи, набитый шерстью, паклей и волосом, чтобы ослабить удар и защитить тело от железных колец брони, которые могли войти в плоть и причинить ей страдание не меньшее, чем от вражеского удара.

Нести такую броню на себе, несмотря на убийственный зной, уже было подвигом, свершаемым во имя Господне. Это были их вериги, форма их каждодневного покаяния и монашеского служения Господу. Но из всего этого железа, я думаю, смотрело на мир в тот знаменательный летний день 1306 года лицо Человека. Лицо страдальца, мудреца и воина, а пот, о котором говорил святой Бернар, придавал бронзовый отлив всей его благородной внешности.

Что же могло предстать пред взором рыцаря?

Земля. Милая сердцу земля. Увитая виноградной лозой, буйно и цепко растущей даже на склонах холмов, она ждала восхода солнца и дышала не остывшим за ночь теплом. Но здешнее солнце не обжигало, как на Святой Земле. Магистр впервые смог открыть широко глаза и увидеть восход во всем его блеске и красно-Сине-золотом величии. Пред ним предстало начало начал.

«Какое совпадение! Какое совпадение!» — медленно, словно сквозь сон, проговорил Магистр, чувствуя, что погружается в особое душевное состояние внутренней сосредоточенности. Еще задолго до европейской моды на все восточное тамплиеры, благодаря своим тесным контактам с арабами

и другими народами Палестины, уже вполне овладели техникой медитации. Сочетание кроваво-красного, золотого и небесно-голубого цветов означало страдание и жертвоприношение. Именно эти цвета доминировали во время церковной службы на Страстную пятницу, когда Господа нашего сначала бичевали, заставляли нести крест на Голгофу, а затем распинали. Каждая церковная служба в этот день словно вновь и вновь повторяла все детали Страстей Господних, обращаясь с этой целью к трем завораживающим душу цветам: красному, синему и золотому.

Магистр Жак де Моле застыл, сидя на своем арабском скакуне на самой вершине холма. Он находился в состоянии транса, пытаясь распознать в неожиданно открывшихся ему символах то, что неизбежно ждало его в будущем. Магистр уже не замечал мерцавшей внизу серебристой глади рек и озер, мирно пасшихся овец и зеленых виноградников. Он не видел буйного разноцветья трав, не слышал аромата плодов, зреющих под этим добрым солнцем. Внутренний мир Магистра был сейчас недоступен для внешних впечатлений. Кроваво-красный, золотой и небесно-синий — эти цвета освещали ему дорогу в темных лабиринтах неведомого, откуда являлись ему видения будущего.

Но тут рядом кто-то вздохнул с таким облегчением и радостью, что звук этот невольно рассеял мрачные видения и вернул де Моле из небытия к реальной жизни.

Магистр повернул голову туда, откуда донесся вздох.

Молодой брат Тибо подъехал вплотную и в восхищении от увиденного позволил себе явную бестактность — нарушить покой Магистра во время его блужданий в высших сферах. Это восхищение было столь естественным, в нем выразилась такая непосредственность молодости, что Магистр не ощутил в себе ни малейшего недовольства. Будущее подождет, если настоящее способно в такой мере покорить чье-то сердце.

Де Моле испытывал к молодому брату Тибо особые чувства, которые не всегда отличались только отцовской привязанностью. Жизнь воина, да еще воина-монаха, вынужденного вести образ жизни, исключаящий всякое женское присутствие, становилась непосильным бременем даже для рыцаря, закованного в броню и одетого в тяжелую одежду, набитую конским волосом.

Носить на себе тяжелые вериги было одно, а восхищаться красотой молодости — совсем другое. Здесь даже самые крепкие латы, самый лучший щит оказывались бессильными. И тамплиеры сдавались целыми гарнизонами. В Иерусалиме, в Триполи, в Антиохии, в Провансе и в других местах они бросались в объятия друг другу, испытывая при этом не совсем братские чувства.

— Посмотри, дорогой Тибо, — произнес Магистр с улыбкой. — Это наша земля, которую мы все вынуждены были покинуть и куда мы все вер-

немея или уже вернулись, чтобы остаться здесь навечно.

— Какое небо, какие цвета! Наверное, так выглядит рай небесный, — прошептал юноша, и на губах его заиграла улыбка.

— С одним лишь различием, дорогой мой брат, что этот рай нам следует завоевать сегодня.

— Я не совсем понял вас, Магистр. Разве Париж не является нашей собственностью?

— Нет. Король живет еще в Лувре, а Лувр долго не будет принадлежать ордену. Однако подобные разговоры при виде Лиль-де-Франса довольно опасны. Лучше сообщите братьям, что мы, перед тем как спуститься в долину, сделаем небольшой привал.

По команде братья спешили. При этом каждый знал, что делать в следующий момент. В ордене был точно установлен порядок дня в отношении молитв, посещения церкви, трапез и т. д., а также точной регламентации были подвергнуты известные военные обычаи в походе, на поле битвы, поэтому в очень короткое время на вершине холма появился боевой лагерь с шатром Магистра в центре и по периметру была выставлена охрана.

Жак де Моле в критическую минуту решил обратиться к мнению своего совета. Выбранный Великим Магистром без каких бы то ни было возражений со стороны братьев, де Моле принадлежал ордену всем существом своим. Будучи выходцем из бедной бургундской семьи, де Моле мог рассчитывать лишь на себя. В противном случае ему оста-

валось повторить судьбу многих и многих благородных людей Франции, без следа исчезнувших в ее виноградниках. Быть благородным в ту эпоху означало иметь благородных родителей, дедов и прадедов — и так до первого всадника, который появился в роду в незапамятные времена и который уже давно превратился в легенду.

К XIV веку общее число благородной части населения Франции превышало чуть больше одного процента. Самыми богатыми из них считались те, кто получал от своих владений доход, равный 10 тысячам ливров в год. Это были крупные сюзерены. Следующими шли рыцари, которые имели одного или двух вассалов и чей доход составлял всего 500 ливров в год.

Внизу этой пирамиды находились бедные воины, у которых не было ничего, кроме благородного происхождения, дома и куска земли. Их доход составлял всего 25 ливров в год. Эти несчастные вполне могли стать прототипами будущего Дон Кихота Ламанчского на его тощем Россинанте. Им оставалось рассчитывать лишь на свой меч и на то, что их военное искусство могло понадобиться влстительному сюзерену, который решил отправиться в Святую землю.

Там, в далекой Палестине, карьера бедного воина могла претерпеть самые фантастические взлеты. А здесь, во Франции, его ждали лишь унижение и нищенское существование, если он был благороден не только по своему происхождению, но и в душе. В случае же, когда благородство было

зафиксировано лишь на пергаменте, подобные рыцари, чтобы не умереть с голоду, занимались виноделием, содержали трактиры, торговали, собирали налоги и прочее.

И без того немногочисленное сословие растворялось без следа среди людей низкого звания и уже не помышляло ни о каких высоких целях, кроме заботы о хлебе насущном.

Еще в 1294 году до Магистра каким-то чудом через казначея ордена дошла копия завещания, которое оставил после смерти друг его детства Гийо. Это с ним, с Гийо, юный Жак мечтал о будущей жизни воина, с ним обсуждал возможное путешествие в далекую Палестину и грезил о Святой Земле, глядя на зеленые виноградники соседних холмов родной Бургундии.

Так вот, Гийо не захотел покидать Францию и тихо прожил жизнь в родных краях. После смерти он оставил по себе лишь две постели, три одеяла, меховую накидку, два небольших ковра, один стол, три скамейки, пять сундуков, две курицы, немного окорока и пять пустых бочек в погребе, а также рыцарский шлем и копье. Фамильного меча при описи не обнаружилось.

Магистр вспомнил тогда, с какой душевной болью прочитал он этот убогий список. Вспомнил, как оплакал своего друга детства, его потерянную для ордена жизнь и в соответствии с таинством совершил мессу в христианском храме, а также молитву богу зла Багомету, чье металлическое изваяние, украшенное золотом и серебром и напоминаю-

щее не то череп мертвеца, не то лицо старца с большой бородой, он специально достал из футляра, а затем аккуратно положил реликвию назад, надежно закрыв потаенный шкаф на ключ.

Душе бедного Гийо должна была быть приятна такая забота, где бы эта душа ни обитала после смерти: в мире Света или в мире Тьмы.

Завещание несчастного Гийо дошло до Магистра потому, что сын умершего друга решил не повторять ошибки отца и сдал бургундским тамплиерам под расписку все оставшееся имущество. Чтобы не тащить весь этот скарб с собой в Палестину, юный воин взял лишь самое необходимое, получил расписку и налегке отправился на поиски удачи. Подобные расписки являлись одной из статей дохода ордена. Это был прообраз будущей банковской системы Западной Европы. Великий прецептор Иерусалима считался казнохранителем и отвечал за состояние всех ценных бумаг: завещаний, расписок, индульгенций и прочее.

Община рыцарей имела строгое иерархическое устройство. Во главе стоял Магистр, избираемый по большинству голосов особым комитетом из членов капитула и утверждаемый последним. Хотя во всех важнейших вопросах требовалось согласие капитула, решавшего дела большинством голосов, и Магистр был обязан повиноваться ему, он все же обладал широкими полномочиями, например правом назначения высших должностных лиц. Его ближайшую свиту составляли каплан, искусный писец-клирик, два служащих брата, один арабский

писец, рыцарь, исполняющий обязанность ординарца, кузнец, повар и, наконец, два конюха, в обязанности которых входил уход за боевым конем. Далее при Магистре в качестве адъютантов находились два рыцаря из благородных родов, которые составляли его ближайший совет.

В случае отсутствия Магистра его замещал сешаль. Ему прислуживали два оруженосца, брат из низших членов ордена, каплан, писец и двое пеших слуг.

Маршал был военным министром и полководцем ордена. Рыцари и служащие братья в военное время состояли у него под началом. Как уже говорилось выше, великий прецептор Иерусалима отвечал за всю финансовую систему ордена. Он вел строжайший учет и был, пожалуй, первым в истории банкиром. В этой роли прецептор также размещал всю братию по различным орденским убежищам и надзирал за всеми поселениями, имениями и фермами, принадлежавшими ордену. Под его началом находились и принадлежавшие храмовникам суда. Он же распоряжался и военной добычей. Ни одна статья дохода, ни одна монета, ни одно драгоценное ожерелье не оставались не зарегистрированными в особых книгах.

Так, Альфонс Арагонский подарил храмовникам целую провинцию и оговорил в своем завещании, что в случае, если он умрет бездетным, все королевство перейдет в собственность тамплиеров. Рыцари не приняли это завещание на веру и потребовали составления договора, по которому полу-

чили полдюжины испанских крепостей и богатейшие земли. Король Португалии отдал храмовникам в дар огромный лес, где обитали еще мавры. Тамплиеры изгнали мусульман из своих владений и основали провинцию Коимбру, что тоже получило законное письменное подтверждение.

Впоследствии храмовникам удалось убедить папу Иннокентия III предоставить им исключительные привилегии: ордену оставлялась вся без исключения военная добыча, он не подчинялся ни королю, ни епископу, ни иерусалимскому патриарху, а лишь одному папе. Тамплиеры были освобождены от уплаты десятины, но сами имели право производить этот сбор на подвластных им территориях.

В 1261 году в парижский орденский храм сроком на десять лет была помещена английская корона, так как король, чувствуя недовольство своих баронов по отношению к собственной персоне, боялся держать эту весьма дорогую вещь у себя в Лондоне. Оригинал договора 1258 года между Англией и Францией также хранился у парижских храмовников.

Эти ценные бумаги, расписки и дарственные и были основой основ могущества и влияния ордена. Следует сказать, что тамплиеры одними из первых поняли и осознали власть денег. Пожалуй, к этому их привел дуализм религиозных воззрений.

Посвященные в тайные мистерии, храмовники поклонялись высшему Богу, в котором они видели одновременно творца духа и добра, и наряду с ним

низшему богу, создателю материи и злого начала. Такой дуализм был свойствен и манихеям, учение которых получило широкое распространение на юге Франции в XIII веке и с которыми тамплиеры были в большой связи, всячески укрывая их от гнева папы римского.

Это поклонение богу материи и зла неизбежно привело к тому, что храмовники стали всерьез интересоваться теми механизмами, которые и управляли реальным, а не духовным миром. Если все средневековые смотрело на мир с точки зрения чего-то преходящего, тварного, суетного, не заслуживающего внимания истинного христианина, то тамплиеры, благодаря своему дуализму, прекрасно понимали, что этот материальный мир не столь призречен, что знание законов, по которым он действует и живет, может дать неограниченную власть. Впервые за все средневековье, обратив внимание на огромную роль денег, храмовники решили соединить и привести к одной цели и силы добра, и силы зла.

Деньги в эпоху средневековья имели эквивалентом один фунт чистого золота. Вот основа основ, вот тот атом, тот священный первоэлемент, тот архимедов рычаг, с помощью которого рыцари храма решили перевернуть мир с ног на голову. И в связи с этим следует отметить, что в парижский орденский храм был помещен образцовый золотой ливр (фунт), служивший идеальной монетой для всего французского королевства.

Другой, более поздний стандарт соответствовал

монете, содержащей от 3 до 5 граммов чистого золота и отчеканенной во Флоренции (флорин) или в Венеции (дукат) в середине XIII века. Но эту первоматерию бытия суждено было уже использовать в своих целях тем, кто продолжил дело тамплиеров после официальной гибели ордена.

При казначее же находился и портной, снабжавший всю братию платьем.

Каждому рыцарю полагалось иметь три лошади, одного оруженосца и один шатер. Все члены получали одинаковые пайки, скромное, но самого лучшего качества оружие. Было точно определено, сколько полагалось каждому брату одежды, постельных принадлежностей и прочего. Эта бережливость скряги, как ни странно, великолепно сочеталась у тамплиеров с истинно благородным рыцарским духом. Они копили деньги не для себя, а для неведомой и тайной Великой Цели.

Тамплиеров воспитывали как прекрасных воинов. По преданию, каждый из них в бою стоил двух или трех рыцарей врага.

История сохранила рассказ о том, какую отчаянную храбрость проявили они при взятии Аскалона.

Защитники города попытались было поджечь осадные сооружения атакующих, но ветер подул в их сторону, огонь охватил стены, и вскоре образовалась брешь. Тут же все нападавшие ринулись к пролому. Однако по приказу Великого Магистра (тогда еще де Моле не был удостоен подобной чести) в этом месте устроили затор. По замыслу,

в город первыми должны были ворваться лишь воины Храма, чтобы удивить всех своей доблестью и мужеством.

Магистр, показывая пример безумной храбрости, въехал на своем скакуне впереди небольшого отряда в город, численность гарнизона которого превосходила численность его воинов в несколько десятков раз. На огромной скорости на глазах оцепившего населения они промчались по узким улицам к самому центру. Они летели на своих скакунах в красивых белых плащах с красным крестом под развевающимся бело-черным знаменем, готовые распрощаться с жизнью в смертельной схватке. Их бородатые лица пылали огнем, и что-то жуткое и завораживающее было в их благородно-саркастической и устрашающей улыбке...

Ничего не замечая в своей безумной скачке, тамплиеры даже не обратили внимания на то, что подкрепление не способно пробраться к ним на помощь. Доскакав до противоположной стены и оказавшись в тупике, рыцари только тогда смогли оценить свое отчаянное положение. Посмотрев друг на друга, толком так и не поняв, зачем надо было совершать подобное безумство, тамплиеры ринулись на полчища врагов вслед за своим Магистром. Какой-то турок нанес ему удар копьем, лошадь воина упала на колени, сам Магистр перелетел через голову, затем быстро поднялся с мечом в руке, готовый дорого продать свою жизнь.

Рыцарь свиты мессир Антуан де Лорей подал знак Магистру укрыться в разрушенном доме. Он

прикрыл отход своего начальника, а сам погиб в бою. Оставшиеся в живых тамплиеры окружили кольцом пешего Магистра. Они кинулись к разрушенному дому, чтобы занять оборону. Еще один рыцарь свиты, мессир Грандис де Савойя, был ранен в оба плеча, «и рана была столь велика, что кровь текоша, словно родник». Затем еще один рыцарь оказался ранен обломком сабли в лицо так, что «нос падоша на уста». Но каждый боролся как лев. И все, включая Магистра, погибли в неравном бою, так и не дождавшись подмоги. Безумный и славный день! Безумный и славный подвиг то ли во имя Господне, то ли в честь демона Багомета!

И несмотря на это отчаянное безумство в бою, в мирной жизни воины-тамплиеры были кротки, как голуби. Братьям воспрещались всякие праздные разговоры. Без разрешения главы они также не имели права отлучаться из общежития и не могли обмениваться письмами, даже с родителями. Тамплиер должен был избегать всяких мирских развлечений. Вместо этого ему полагалось усердно молиться и ежедневно со слезами и стенаниями приносить покаяние Богу.

За престарелыми, слабыми и больными братьями был установлен чрезвычайно внимательный уход; попечитель о бедных получал ежедневно десятую часть хлеба для раздачи нуждающимся.

Существовало специальное уложение о наказаниях, определявшее кары за нарушение правил ордена. Преступления карались изгнанием из ордена, а незначительные проступки имели следствием

лишь временное лишение орденской одежды. Кто раз лишался плаща, уже никогда не мог занимать почетной должности или давать показания против кого-нибудь из братьев. До тех пор, пока ему не возвращали плаща, наказанный рыцарь должен был работать с рабами, есть на земле и не смел прикасаться к оружию.

Желавший вступить в орден тамплиеров должен был обладать здоровьем, происходить от законного брака и из рыцарского рода; он должен был также не состоять в браке, не быть связанным присягой с другим духовным орденом, не быть отлученным от Церкви и не добиваться вступления в орден путем подарков или обещаний.

Перед торжественным посвящением кандидата, отбывшего уже год предварительного искуса, два брата отводили в особую комнату при церкви ордена и там говорили ему о серьезности его намерения и об обременительности тех обязанностей, которые он собирался на себя взять. Если же он оставался тверд в своем желании, то с разрешения собравшегося капитула его вводили в зал, приводили к присяге на Евангелии и с торжественной церемонией облачали в плащ — белый с красный крестом.

Покидать орден без разрешения было строго воспрещено. Если выбывший из ордена брат снова хотел вернуться, то он должен был стать у входа в дом ордена и, преклоняя колени пред каждым входящим и выходящим братом, молить о пощаде. Затем попечитель о бедных предлагал ему подкре-

питься пищей и питьем и сообщал капитулу, что брат отступник молит о милосердном приеме. Если капитул давал согласие, то проситель с обнаженной верхней частью тела и с веревкой вокруг шеи являлся перед собранием капитула, на коленях и со слезами молил о приеме, заявляя о своей готовности понести какое угодно наказание. Если он затем совершал в течение назначенного срока покаяние, то капитул возвращал ему орденскую одежду.

Магистром тамплиеров Жак де Моле стал не в лучшие для ордена времена. После героической гибели в битве при Сент-Жан-д'Арке Магистра Гийома де Боже на этот пост был избран Тибо Годан. В 1293 году он отдал душу Богу, и в том же году за свои боевые заслуги перед орденом Магистром единогласно был избран Жак де Моле. А тамплиером де Моле стал еще в 1267 году, получив белую мантию из рук самого Умбера Пейро, дяди Гуго де Пейро, весьма примечательной личности в истории ордена.

С одной стороны, все, казалось, шло как нельзя лучше. Созданное еще в самом начале крестовых походов, это весьма необычное рыцарское братство к XIV веку по своему могуществу и богатству могло соперничать со всеми государствами христианского мира. Доход храмовников в этот период соответствовал, как утверждают некоторые историки, 20 миллионам золотых талеров, и в одной лишь Франции они могли выставить армию в 15 тысяч всадников. Другие ученые приводят совсем астрономические цифры: 54 миллиона талеров и 20 ты-

сяч всадников. Французский король Филипп IV Красивый, например, в это время самый могущественный монарх Европы, мог противопоставить ордену лишь 5 тысяч верных ему воинов и полупустую казну.

Но с другой стороны, у храмовников исчезла почва под ногами. Отчаянная битва при Хаттине, которая произошла 9 июля 1187 года, окончательно решила судьбу христианского царства в Святой Земле. Напоенное кровью поле битвы покрылось в тот день растерзанными телами лучших рыцарей ордена тамплиеров.

3 октября того же года египетский султан Саладин совершил свой торжественный въезд в Иерусалим, который за девяносто лет до этого завоевали отважные крестоносцы. Храм Соломона, в честь которого и был назван орден и который играл огромную роль в духовной жизни братства храмовников, стал недостижимым. Тамплиеры словно утратили ту цель, ради которой и был создан их могущественный орден.

Однако после потери Иерусалима орден тамплиеров, подкрепленный новыми членами, прибывшими с Запада, перенес свою главную резиденцию в крепость Аккон. Эти отважные рыцари вместе с госпитальерами продолжали сопротивляться неизбежному, они оставались единственной защитой немногих живших еще в Палестине христиан. Хотя геройское мужество фанатичных борцов за веру оставалось все тем же, каким оно было и в светлые для крестоносцев дни, но соперничество двух орде-

нов за пальму первенства исключало возможность эффективной совместной деятельности. Вследствие всего этого дни храмовников и госпитальеров в Палестине были сочтены. И когда в 1291 году блестящий Аккон — последний оплот христиан на Востоке, неисчерпаемый источник богатства — попал в руки сарацин, тамплиеры удалились на остров Кипр. Святая Земля была окончательно утрачена для них.

И тогда на совете ордена было принято решение вернуться на свою западную родину.

Там, среди своих владений, рыцари могли, как им казалось, почувствовать себя в полной безопасности. Ведя спокойный образ жизни, они собирались обдумать, по какому пути им следовало вести своих братьев в будущем. Папа Климент V неожиданно пошел навстречу их тайному желанию; он вызвал к себе Магистра Жака де Моле как будто бы для того, чтобы обсудить возможность нового крестового похода. В 1306 году де Моле немедленно собрался в путь в сопровождении всего своего совета и шестидесяти самых уважаемых рыцарей и отправился во Францию, где ордену принадлежали огромные владения, неподвластные королю. Де Моле взял с собой всю орденскую казну, состоящую из 150 тысяч золотых и множества тюков с серебром, которые несли десять мулов.

В тот памятный летний день Великого Возвращения тамплиерам понадобилось немало времени, чтобы обсудить порядок, в соответствии с которым рыцарям следовало войти на малознакомую им тер-

риторию. Вместо открытого врага в лице сарацин им предстояло встретиться с куда более коварным и сильным противником. Каждый понимал, что появление в Париже такого количества вооруженных рыцарей, не считая слуг-эфиопов и мулов, груженных орденой казной, следовало подготовить надлежащим образом. Как-никак, а тамплиерам приходилось вступать на территорию короля, который еще совсем недавно так легко и бесцеремонно расправился с их могущественным покровителем папой Бонифацием VIII.

Уже давно до Бонифация VIII доходили слухи о том, что во Франции духовенство стало облагаться большими налогами и что король распоряжается так, как будто бы «на свете не существует папы». Папа резко выступил против короля, запретил ему взимание с духовенства налогов и вызвал в Рим некоторых прелатов, чтобы с ними обсудить меры борьбы против королевской политики. В ответ на это во Франции был воспрещен вывоз золота и серебра за границу и были созваны представители разных сословий, с тем чтобы они поддержали авторитет короля в его борьбе против «чрезмерных притязаний» папства. Тогда Бонифаций VIII издал знаменитую буллу «Unam Sanctam» (18 ноября 1302 г.), в которой говорилось, что существует единая Святая католическая церковь, которая имеет лишь одно тело и одну главу — Христа, его наместника на земле — апостола Петра и преемника последнего на папском престоле. Во власти папы находятся два меча.— «один, подчиняющий-

ся другому, светский — духовному». «Духовная власть, правда, передана человеку, но она не человеческая, а Божеская, и кто не повинуется ей, противится воле Господней и подлежит принудительному спасению».

Решительный тон Бонифация VIII объяснялся отчасти тем, что французский король в это время потерпел поражение в борьбе с Англией, и папа надеялся на его вынужденное смирение. Он также рассчитывал и на то, что в лице Альбрехта Австрийского, которому папа предлагал корону Римской империи, ему удастся найти мощного союзника. Новому императору надлежало, по указанию папы, «стоять на страже созданного Богом порядка». Отныне французский король — уличный мальчишка, который забывает, что папа — это тот, кому Христос сказал: «Управляй народами лозою железною и разбей их, как сосуд глиняный». Французы этого заслуживали, так как, по словам папы, они «собаки».

Но расчет Бонифация VIII оказался ложным. Альбрехт вовсе не собирался вступать в конфликт с французским королем. Филипп Красивый, в свою очередь, не собирался прощать папе подобных обид. Государственный совет Франции по инициативе ближайшего советника короля — Гийома де Ногаре — обвинил Бонифация VIII в том, что он противозаконно занимает папский престол, и вынес решение о немедленном созыве церковного собора, который осудил бы папу как еретика, симониста и преступника.

По поручению Филиппа Красивого Ногаре отправился в Италию, организовал противников папы в небольшой отряд, подкупил многих и вместе с двумя кардиналами, которых Бонифаций VIII преследовал по личным мотивам, настиг папу в его резиденции — Ананьи, арестовал и избил его. Однако в Ананьи начались манифестации «против иностранцев», а вскоре из Рима прибыли для спасения сошедшего с ума Бонифация VIII 400 всадников, с которыми 86-летний папа перебрался в Рим, где через месяц, 11 октября 1303 года, умер.

Начались долгие поиски кандидата в папы. Общая растерянность привела к тому, что избран был безвольный монах Бенедикт XI (1303 — 1304), который должен был все и всех простить, за исключением Ногаре и некоторых других «прямых виновников чудовищного преступления, совершенного разбойниками». Однако «разбойники» не предстали перед судом, ибо некий молодой человек, одетый в монашеское платье, предложил Бенедикту XI от имени одной аббатисы несколько свежих винных ягод, от которых тот умер.

Снова начались лихорадочные поиски нового папы. В течение 11 месяцев велась борьба вокруг кандидатов. Филипп Красивый взял инициативу в свои руки. Отныне он сам собирался руководить политикой папы. По его настоянию понтификом был избран никому не известный гасконский прелат Бертран де Го, который и стал папой Климентом V. Он и пригласил де Моле в Париж.

Получалось, что помимо Святой Земли храмов-

ники к этому времени утратили и покровительство самого папы римского. Как самостоятельное государство, но только потерявшее собственную территорию в кровопролитной войне, тамплиеры не подчинялись никому в христианском мире, кроме понтифика, но и он в лице Климента V полностью находился во власти французского короля. Орден стал напоминать колосса на глиняных ногах. Все говорило о возможной ловушке. Только слепой не видел опасности. Въезд в Париж становился политическим событием огромной важности.

В палатке Магистра помимо членов совета присутствовали и 60 рыцарей самого благородного и знатного происхождения. В течение нескольких часов заседали тамплиеры, и надежная стража охраняла их. Но обсуждали рыцари, в общем-то, самые простые вещи. Например, кто в каком ряду поедет, кто за кем последует. Везти ли казну под усиленной охраной по улицам Парижа и тем самым выказывать недоверие горожанам и самому королю, или оставить при мулах, груженных мешками с серебром, лишь рабов-эфиопов? Однако и это могло тоже оскорбить короля. Здесь обращало на себя внимание не только рабство, но и черная кожа сопровождающих. Вот истинные хранители золота, вот кто любит презренный металл больше всего на свете. А все знали о том, как любит король деньги, как сходит с ума от звона золотых монет.

Спор был долгим. Наконец решили бросить вызов и поднять свой голос в защиту избитого старика — папы римского Бонифация VIII. Это был

риск, но тамплиеры умели рисковать и ни при каких обстоятельствах не собирались терять своего достоинства.

Обсуждалось также и то, как вести себя, если толпа не окажет рыцарям нужного почтения. Что можно было предпринять в подобном случае? Как следовало воздействовать на эмоции черни, которая, по данным разведки, уже была заражена предубеждением по отношению к членам ордена? Решили отправить вперед одного из молодых братьев, чтобы тот заранее предупредил капелланов и звонарей парижских церквей, принадлежащих ордену.

Магистр умело вел это довольно хлопотное и сложное совещание. Как самый старший по званию он обязан был следить за тем, чтобы ни один пункт устава ордена не был нарушен. Тамплиеры, как и все люди средневековья, придавали этикету религиозное, литургическое значение. То, что для современного человека могло бы показаться мелочью, несло особый, сакральный смысл.

Въезд в Париж для собравшихся был равен въезду Христа в Иерусалим. Следовало учесть каждую деталь. Из тщательно продуманных мелочей создавался определенный символический текст. Для человека средневековья не книга была основным источником информации, а символы, запоминающиеся детали жизни, которые он в своем сознании связывал в некий текст и по-своему толковал его.

Торжественный въезд тамплиеров в Париж являлся как бы посланием королю. Это послание

должно было быть не дерзким, но твердым, и в нем прежде всего должно было ощущаться чувство собственного достоинства тех, кто по праву мог называть себя автором этой ненаписанной страницы. Глазами своих подданных король обязательно прочтет предложенную его вниманию живую страницу, составленную из фигур рыцарей ордена навсегда утерянного в далекой Палестине храма. Перед ним провезут столько золота и серебра, сколько и не снилось алчному и вероломному Филиппу Красивому, а там будь что будет. Судьбе всегда надо бросать дерзкий вызов, как в памятной битве при Аскалоне.

Ближе к вечеру, когда солнце клонилось к закату, рыцари вошли боевым строем в город, который сразу же показался им не особенно дружелюбным.

Впрочем, небо было еще ясным, в воздухе чувствовалась вечерняя прохлада, а лучи заходящего солнца золотистыми и красными отсветами освещали стены домов и лица любопытствующих. В этом Магистр прочитал для себя и своих подданных добрый знак.

Толпа встретила тамплиеров гробовым молчанием. Впервые воинов Христовых увидели в таком количестве на улицах Парижа. Молчаливые, мрачные, с красными крестами на груди и спине, символизирующими мученичество, и с белыми шарфами на поясе, которые должны были говорить о сердечной чистоте помыслов тех, кто ехал сейчас по городу, всадники чинно двинулись по узким ули-

цам. Казалось, их лица были абсолютно бесстрастными. Ни один из них даже случайно не бросил неосторожного взгляда в сторону красивой женщины. Бороды их были нечесаными, волосы коротко стриженными, а рука каждого твердо сжимала железную узду, и ни одна лошадь не сбилась с общего ритма, не нарушила общего строя.

И вдруг толпа словно по команде ахнула от удивления. Вслед за рыцарями на мулах ехали рабы-эфиопы. Вид этих совершенно черных людей поразил собравшихся. От неожиданного звука затанцевала лошадь крайнего рыцаря, но он тут же сумел справиться с ней, и все вернулось к прежнему чинному ритму.

Тамплиеры медленно приближались к своей знаменитой Башне. И когда до места оставалось совсем немного, напряженное молчание толпы было неожиданно взорвано торжественным звоном колоколов парижских церквей, принадлежащих ордену. Толпа, словно выйдя из оцепенения и поняв наконец, что ей следовало делать, начала выкрикивать нестройные приветствия и креститься.

Напряжение спало, и воины ускорили шаг своих скакунов. Парижане признали-таки заслуги ордена. Всадники воспряли духом. Все, как один, они выразят сегодня благодарность капелланам и простым звонарям братства, которые так умело смогли выйти из неловкого положения. Толпа нуждается в мудром пастыре, толпой следует управлять, и если надо, то и выколачивать из нее нужные чувства.

Рыцарь, который ехал рядом с Магистром, развернул под оглушительный веселый перезвон свой орофлам и поднял его высоко над головой, чтобы каждый из собравшихся зевак мог прочитать следующие слова: «Non nobis, Domine, non nobis, sed nomini tuo da gloriam» («Это не мы, Господи, не мы, но Имя Твое покрыто славой»).

Теперь собравшиеся горожане уже в едином порыве все, как один, выразили в общем вопле свое восхищение перед нагрянувшими в их город крестоносцами. Париж пал без боя. Казалось, у воинов Христа никогда не было подобной бескровной и полной победы за всю историю ордена. Лишь де Моле, словно предчувствуя скрытую опасность, не предавался веселью, а упрямо смотрел вперед, будто не замечая призрачного воодушевления.

Филипп Красивый ждал тамплиеров уже давно. Он расспрашивал своих приближенных о всех мелочах этой выдающейся процессии, и послание было им понято именно так, как того хотели храмовники.

Бунт

В один из вечеров Шарль де Валуа и Луи д'Эвро ужинали в королевских покоях со своим царственным братом Филиппом IV, прозванным Красивым. Вряд ли когда-либо удастся воссоздать точный облик короля Франции, однако современники единодушно утверждали, что

это был статный красавец, белолицый и светловолосый. Он был прекрасным рыцарем и охотником. Бернар Сэссе, епископ Памье, сравнивал короля с совой. Эту птицу в древности другие пернатые избирали своим царем из-за ее необычайной красоты, хотя на самом деле сова оказалась птицей совершенно никчемной. Епископ утверждал далее: «Таков и наш король, который красивее всех на свете, но только и умеет, что пялить глаза, как сова». Ему пришлось сурово поплатиться за свои слова.

Анонимный автор критиковал короля за то, что тот окружил себя «вилланами», то есть ворами и бандитами всех мастей, людьми, которые уже по природе своей жестоки, испорченны и злобны. Справедливость, по мнению этого человека, и не ночевала во дворце.

Другие же современники Филиппа IV, напротив, его идеализировали. Гийом де Ногаре, чье возвышение и последовавшее за ним благосостояние почти полностью зависели от королевской милости, говорил следующее о короле: «Он всегда строг и целомудрен — как до брака, так и вступив в него — и всегда отличался особой скромностью и сдержанностью как в облике своем, так и в речах, ничем не проявляя ни гнева своего, ни неприязни к кому-либо, и всех любил. Он — воплощение милосердия, доброты, сострадания и благочестия, истинно верующий христианин».

Следует признать, что этот монарх был центральной и управляющей силой в королевстве. Бли-

жайших помощников он выбирал себе сам, и за все годы его правления ни один из них не играл в делах Филиппа первую скрипку, подменяя его самого. Пресловутое «равнодушие» и некую отчужденность Филиппа IV можно, видимо, воспринимать как умышленную попытку соответствовать облику «христианнейшего» короля, каковым считался его дед Людовик Святой, любимый в народе. Король Франции был прекрасным актером, который умел создать о себе нужное впечатление среди подданных. Недовольных было слишком мало, и Филипп умел умирять их недовольство.

После смерти своей супруги, королевы Жанны, Филипп полюбил проводить время в кругу близких. За столом в такие часы всегда царило согласие. Одно блюдо сменялось другим в соответствии с этикетом. После ужина наступали минуты душевных разговоров. Все затихало во дворце, лишь слышно было, как время от времени потрескивают дрова в камине. Филипп наслаждался воцарявшимся покоем, глядя на огонь и на искры, взлетающие после каждого резкого щелчка в воздух и падающие на каменные плиты рядом. Король любил смотреть на огонь. Прекрасно осознавая, насколько душа его отягощена грехами, Филипп словно пытался представить себе то пламя, которое, скорее всего, ждало его после смерти.

В короле, как и во многих людях его эпохи, словно боролись два человека: один из них был подчеркнуто религиозен, а другой изо всех сил сопротивлялся этим узам, сковывающим его свободу.

Будучи, может быть, самым большим грешником своей эпохи, человеком, поднявшим руку на самого папу, Филипп Красивый отличался при этом необычайной набожностью. Четыре дня в неделю он постился и сидел только на воде и хлебе. Любил раздавать милостыню и служить заупокойные мессы по каждому своему подданному, скончавшемуся либо своей смертью, либо от руки палача по приказу самого Филиппа. Все помнили, как в разгар одной из битв с англичанами король Франции вдруг покинул поле чести, чтобы отстоять мессу в соседней церкви. Люди гибли, проливали кровь, а монарх так и застыл, погруженный в свой breviарий. Свита, которая ожидала его, не слезая с коней, начала заметно волноваться. Время для молитвы было выбрано крайне неудачно. Бой продолжался, и англичане в любую минуту могли предпринять контратаку и захватить короля, находящегося в молитвенном экстазе. Наконец решили послать одного из сенешалей, чтобы тот предупредил Филиппа о подстерегающей его опасности. Но Филипп спокойно продолжал читать «Pater Noster», не обращая внимания на нетерпение свиты и посланника.

Огонь в камине ясно осветил сейчас французскому королю все перспективы его загробной жизни, и ему понравилось это чувство неизбежности страданий и расплаты. Оно давало ему ощущение законности. И в этой, и в другой жизни все должно быть расписано в соответствии со строжайшими правилами. Но какое неизъяснимое наслаж-

дение испытывает душа, когда эти правила приходится нарушить. Какое, наверное, удовольствие испытал Скъярра Колонна, когда дал пощечину стареющему папе. Говоришь о смирении, так подставь другую щеку. Эта картина так ясно предстала пред взором короля, что он с силой сжал подлокотник своего дубового кресла, на котором была изображена могучая голова льва.

Наверное, нечто подобное испытывают и многие самобичующиеся, которые в слепом рвении засекают себя до смерти. Филипп, когда к городу подходили толпы флагеланствующих, всегда просил направить этих грешников мимо окон дворца, чтобы втайне насладиться видом изуродованных спин, плетей, разбрызгивающих кровь налево и направо, тел, бьющихся в конвульсиях. «Так, так, — шептал самому себе король в такие минуты. — Так, так. Получай, мерзкая плоть, получай свое, получай!»

В эти дни люди постились; все шли босиком — советники парламента так же, как и беднейшие горожане. Многие несли факелы и свечи. Среди участников процессии находились дети. Пешком, издалека, босиком приходили в Париж бедняки крестьяне. По обеим сторонам улицы стояли люди, взирая на идущих «с великим плачем, с великой скорбью, с великим благоговением».

Наблюдать за флагеланствующими Филипп стал после смерти своей милой Жанны. Покойная супруга давала ему столько наслаждения и радости, что не требовалось никаких других острых ощу-

ний. В глубине души король Франции догадывался, почему он стал Великим Грешником. И дело здесь было не только в прямой выгоде, хотя и в ней тоже. Грех позволял заглушить то чувство тоски и уныния, которое разрывало его сердце на части после скоропостижной смерти любимой супруги. С одной стороны, будучи добрым христианином, Филипп понимал, что все в «руце Божией», что смерть милой Жанны надо воспринимать с радостью, потому что его супруга, этот ангел во плоти, могла попасть только на небо и никуда больше. И в этом случае необходимо смириться и вести праведный образ жизни, во всем подражая деду своему, Людовику Святому.

Но другая часть души Филиппа бунтовала против самого Бога. Да кто он такой, чтобы отнимать у короля Франции то, что принадлежит ему по праву? Почему во всем надо полагаться лишь на его волю, почему надо презирать этот суетный мир и жить лишь помыслами о том, что ждет нас за гробовой чертой? Если Богу не нравится этот мир, то сие не означает, что мир так уж плох на самом деле. Но как жарко полыхает огонь в камине, как весело трещат поленья, разбрасывая во все стороны снопы искр!

Голос монсеньора д'Эвро, родного брата короля, вернул Филиппа к реальности:

— Мы очень сильно рискуем, сир, возлюбленный брат мой. Денежная реформа, которую вы решили осуществить, разозлила чернь до крайней степени.

— Народ наш терпелив, снесет и это, — ответил король, продолжая смотреть на огонь.

Каждый из европейских монархов, чтобы пополнить казну, уменьшал реальный вес серебряных и золотых монет, которые чеканили при королевском дворе. В 1295—1306 годах Филипп несколько раз менял всю денежную систему, то изменяя соотношение между счетными единицами и реальными монетами, то чеканя новые монеты и уменьшая содержание драгоценных металлов. Так, серебряный турецкий грош, который должен был в 1303 году равняться (по стоимости) 9 денье, а при Людовике Святом стоил 12 денье или 1 су, в итоге стал стоить 2 су 2 денье. В мае 1295 года в королевском ордонансе разъяснялось, что король вынужден был выпустить такие деньги, «в которых, возможно, несколько не хватает веса, не тот состав сплава и не полностью соблюдаются прочие условия, которые обычно соблюдали наши предшественники».

Турский грош, в 1295 году стоивший 1 су, к 1305 году стал стоить 3 су. Поэтому в июне 1306 года король как ни в чем не бывало объявил, что возвращается к монетной системе Людовика Святого и что с 8 сентября ослабевший турецкий грош будет стоить столько, сколько ему полагается.

Одним — единственным ордонансом деньги королевства были обесценены на две трети.

Граф д'Эвро был личностью неординарной. Он обладал трезвым и ясным умом. Черты лица его отличались врожденным благородством и излучали

ясный свет, присущий лишь людям духовно чистым. Король любил его общество и всегда обращался к графу, когда требовался совет в каком-нибудь сложном деле?

Ответ короля явно не понравился д'Эвро, и он погрузился в глубокое раздумье. Любой другой на его месте больше уже не касался бы больной темы. Но граф действительно был озабочен нуждами государства и судьбой короля, который, по его мнению, осуществлял достаточно рискованную политику.

— Брат мой, — вступил в разговор Шарль де Валуа, который все это время лишь молча наблюдал за двумя собеседниками, — вы, кажется, слегка взволнованы происходящим?

Если д'Эвро был самой добродетелью, то Шарль представлял собой полную его противоположность. Года на два моложе своего короля, среднего роста, он был человеком физически сильным и выносливым. Лицо его, хотя и отекшее, красное, хранило еще следы красоты. По Парижу ходили слухи о тех оргиях, которые устраивал брат короля в своих многочисленных резиденциях. Одеваться он любил с роскошью восточного принца, предпочитая всем тканям голубой велюр. Шарль считался законодателем моды того времени, и ему старались подражать все знатные вельможи двора. Так, высокий берет младшего Валуа украшали два больших рубина, а в левой мочке уха красовалась серьга, усыпанная дорогими алмазами. Волосы Шарля

ниспадали на плечи, и кокетливая прядь украшала широкий лоб его.

Шарль втайне ненавидел графа д'Эвро, считая, что тот влияет на короля не самым лучшим образом. Монарх, по его мнению, не должен был позволять себе слабости. Из всех сил Шарль старался, чтобы его царственный брат Филипп как можно быстрее забыл свою Жанну и перестал страдать по этому поводу. Нравилось принцу, как король обошелся с двумя папами, как сделал «ручным» понтифексом малоизвестного гасконца. Отныне ничто не может препятствовать королю. Его единственный враг — это он сам. И правильно сделал брат, что уменьшил вес золота и серебра монет. Пусть чернь страдает. Самим Богом так определено: чернь рождена для страдания и терпения. За гробом все равны. Так пусть уж здесь, в этом грешном мире, короли проживут так, как и положено помазанникам божьим, то есть в полной свободе своих решений, не оглядываясь назад и ни о чем не сожалея. Если Бог поставил королей над людьми, значит, он возвысил правителей, вырвал их из человеческого месива и указал путь к холодным и заснеженным вершинам истинной власти.

— Брат мой, — не без раздражения отвечивал Шарлю д'Эвро, — мое беспокойство вполне оправданно. Сир, не соблаговолите ли вы вызвать подкрепление? Полагаю, что королевская стража в случае бунта не сможет долго удерживать возмущенную толпу.

Неожиданно дверь в пиршественный зал широ-

ко распахнулась, и на пороге появился королевский прево. На его широком открытом лице было написано неподдельное беспокойство. Какое-то время король с недоумением и в полной тишине смотрел на него.

— Откуда вы, мессир? — произнес государь.

— С городских улиц, сир.

— И по какой причине вы решили ворваться в королевские покои?

Прево явно замешкался с ответом, тем самым возбуждая в душе короля еще больший гнев.

— Я слушаю! — потребовал Филипп Красивый, и лицо его приняло зловеще-величественное выражение.

— Увы, сир, это бунт! — почти прокричал в ответ прево и опустил глаза. — Толпа охвачена гневом. Нет никакой возможности вернуть жизнь города в привычное русло. Они бросают камни, вооружаются чем попало. Лучников на башнях дворца оказалось слишком мало, чтобы перебить восставших. Они подступают со всех сторон.

Новость так ошеломила Филиппа, что он не знал даже, как отреагировать на нее. Власть уплывала, выскальзывала из рук на глазах сразу трех свидетелей. Такие минуты слабости королям обычно не прощают. Надо было немедленно что-то сказать, что-то сделать, но не сидеть молча, демонстрируя полное безволие.

Время шло, а король молчал. Трещали лишь дрова в камине, и огонь освещал не прибранную после ужина посуду на столе, остатки пиршества,

недопитое вино в бокалах. «Пир Валтасара, — пронеслось вдруг в голове Филиппа. — «Был взвешен и оказался легок». Кажется, так написано в Большой Книге».

— И вы, мессир, ворвались сюда, к своему государю, чтобы признаться в своем бессилии? — наконец-то нашел, что сказать, король. — Значит, вы просто не соответствуете своей должности.

Вина за происходящее, которая готова была вот-вот лечь на голову властелина, мгновенно обрушилась на гонца.

— Бунтовщиков слишком много, сир. К тому же к ним присоединились разбойники из соседних лесов. Они как вороны слетелись на добычу. Кажется, что *злые духи* ада завладели Парижем.

— И вы, дорогой прево, заговорили про *злых духов*. Разве подобные слова употребимы в военной среде? Вы должны забыть про всяких духов и демонов, и если ваш король прикажет спуститься в ад, то и это вам надлежит сделать, не задумываясь. Мне не нужны поэты, прево, мне нужны солдаты. И пусть каждый хорошо делает свое дело. А *злых духов* мы оставим на попечение капелланов, монахов и святых.

— Но они повсюду, сир. Они громят дома богатых горожан и рвутся к дворцу.

Шарль с удовольствием отметил для себя, как ловко брат вышел из трудного положения, переложив всю ответственность на плечи подчиненного.

— Все, кто чинит беспорядки, несет смерть и разрушение, будут наказаны! — с воодушевлением

произнес Шарль де Валуа, сам не зная, зачем он это сделал.

Филипп бросил в его сторону беглый взгляд, в котором угадывалось выражение благодарности, и тут же продолжил:

— И что же, мессир прево, вы собираетесь предпринять?

— Сир, толпа на улицах напоминает разбушавшееся море. Оно в любую минуту готово поглотить нас.

— Опять поэзия. Нет, определенно, вы прошли хорошую школу куртуазности. Ваш язык слишком образный для служаки. После того как все уляжется, я обязательно подумаю, где можно будет использовать ваши недюжинные литературные дарования. А пока ответьте: что нужно делать в подобной ситуации?

Шарль, когда слышал про литературные способности, даже слегка заплодировал — так понравилась ему реплика короля.

— Мой дорогой брат, король не учена обезьяна на ярмарке человеческого тщеславия, поэтому впредь не надо никаких хлопков.

— Отдайте приказ, сир, вызовите подкрепление, пока не поздно.

— Так-то лучше, милый прево, — произнес король, впервые вставая со своего кресла.

Какое-то время Филипп, казалось, застыл на месте, а затем взглянул в сторону гонца и приказал твердым голосом:

— Посылайте за подкреплением. Таков мой

приказ. Берите все войска, которые окажутся под рукой, и командуйте ими. Вам надо немедленно навести порядок. Слышите, немедленно.

— А как же быть с дворцом? — спросил д'Эвро, который хранил до этого глубокое молчание.

— В нашем распоряжении лучшие лучники, и гвардия охраняет все подступы, — начал докладывать прево. — Если подкрепление прибудет вовремя, то все обойдется.

— Милый брат мой, вы больше обеспокоены за свою жизнь или за жизнь короля? — радуясь случаю, ядовито переспросил Шарль де Валуа.

— Ваш дерзкий вопрос заключает в себе аромат дуэли. Я не такой знаток по части моды, но этот запах близок моему сердцу.

— Да, он сейчас действительно очень в моде и так же приятен мне.

— Господа, — вмешался в эту словесную дуэль король, — вы хотите помочь бунтовщикам, начав убивать друг друга прямо в моих покоях? Я не знаю, о каких запахах идет речь, но у меня с утра был сильный насморк, поэтому я не могу разделить вашей тонкой беседы относительно ароматов.

Оба брата учтиво склонили головы.

— Исполняйте полученные вами приказания, мессир прево. Ваше рвение не останется не замеченным нашей монаршей милостью.

Прево низко поклонился и стал пятиться к двери.

— Ах да... Совсем забыл, — остановил его ко-

роль. — Если толпа продолжит свои бесчинства, то каждый второй будет жестоко наказан.

Даже в отчаянном положении король оставался королем. Власть, как сноровистая лошадь, попыталась было сбросить своего господина на землю, но седок сумел удержаться и вновь твердой рукой сжал железную узду.

После того как прево покинул пиршественный зал, Филипп уже не был расположен к разговорам. По его внешнему виду братья так и не смогли распознать, что происходит у него в душе. Гости поняли, что ужин закончен, когда Филипп встал со своего кресла, кивнул и, не произнеся ни слова, быстро удалился в свой рабочий кабинет.

Весть о бунте сильно задела короля Франции, унизила его гордость. Чернь осмелилась открыто угрожать своему повелителю. Он быстро подошел к окну и посмотрел на улицу. Там колыхалась огромная масса людей, безлика и озлобленная. Материя, взбунтовавшаяся материя, которая никогда сама не приобретет должной формы. А формой всех форм, как утверждает Фома Аквинат, является Бог. Но в государстве такой формой является не Бог, а его помазанник, король. И власть короля не менее священна, чем власть папы. Не случайно он, Филипп IV, является внуком почитаемого всеми королем Людовика Святого. Значит, главная задача его на этой земле — придать форму безликой беснующейся массе, называемой народом, и тем самым выполнить свое священное предназначение.

Будь у короля сейчас достаточно войска — и

эту массу легко можно было бы усмирить. А будь у короля деньги, хорошей пригоршни золотых хватило бы для того, чтобы эта разъяренная чернь начала сама себя давить, собирая монеты. Но ни денег, ни войск у Филиппа не было. И поэтому приходилось прятаться и смотреть за своими подданными украдкой. Это ощущение собственного бессилия злило до последней степени. Филипп чувствовал, как кровь ударила ему в голову. Еще немного, и начнется обычный прилив гнева, жертвой которого пали многие невинные люди.

Неожиданно за спиной послышались шаги. Филипп оглянулся. Перед ним стоял его верный камердинер Мариньи, человек незнатного происхождения, но игравший большую роль в политике тогдашней Франции. Мариньи, как и знаменитый Ногаре, приказавший ударить папу Бонифация VIII по лицу, принадлежал к той породе людей, которую Филипп Красивый создал по собственному замыслу, слепил их, как чернокнижник — дьявольские фигурки из глины, как каббалист — Голема, чтобы пустить сии создания зла в мир. Именно эти два лица брали на себя всю самую грязную работу в государстве. Королю нравилось разыгрывать роль Великого Грешника, оставаясь при этом внуком канонизированного церковью святого.

— С какой новостью пожаловал? — резко спросил своего камердинера король.

Даже во внешности Мариньи было нечто искусственное. Его лицо, казалось, слепили наспех. Никаких тонких благородных черт. Грубая работа.

Сначала прилепили большой кусок глины к туловищу — получилась голова, а затем палочкой обозначили рот, дырки для глаз, налепили нос и уши. Филипп так ждал кого-нибудь, чтобы сорвать на нем гнев за собственное бессилие, что в душе очень обрадовался появлению своего слуги, своего маленького Голема. «Может быть, он действительно из глины? — подумал король. — Интересно, что произойдет, если я ударю его сейчас палкой? Наверное, рассыплется на мелкие кусочки».

Король молча начал обходить Мариньи слева. Палки под рукой не оказалось, и поэтому пришлось взять меч. В этот момент Филипп действительно был уверен, что его камердинер создан из глины, что он результат колдовства и больше ничего. И если ударить эту ожившую фигурку по голове острым андалузским мечом — подарком короля Хайме II, то вместо крови в воздух поднимется лишь пыль. Да, это он, король Франции, создал из праха много подобных человечков, злых кукол, готовых на все, как джинны из восточных сказок, о которых рассказывали ему еще в детстве крестоносцы. Этих рыцарей, вернувшихся из далекой Палестины, было много при дворе отца и особенно, как рассказывали очевидцы, при дворе деда. Они играли с будущим наследником престола. Филипп любил запускать руки в их нечесанные бороды, любил этот удушливый запах пота, исходивший от их тел, но главное, любил их бесконечные рассказы. Больше всего маленькому Филиппу нравилось слушать о том, как первые крестоносцы вышли к

берегу Мертвого моря, поразившего их плотностью воды, на которой можно было держаться, словно пробка. Вода эта обладала невиданными лечебными свойствами. И она наверняка могла бы исцелить его милую Жанну...

Но крестоносцы проиграли битву и оставили сказочную Палестину с ее заколдованным Мертвым морем, с ее голубым небом, низкими горизонтами и с ее Богом, который теперь не так благосклонен к царственному роду Капетингов. Разве им можно простить такое предательство? Они обманули, они предали его, Филиппа, предали первую детскую любовь. Любовь к далеким странам, к сказкам Востока, к славным подвигам деда, короля Людовика, прозванного Святым. И остался теперь в воспоминаниях лишь удушливый запах пота да ощущение грязи, неудобства и высохшей глины, из которой приходится творить мерзких уродцев. Если Бог оставил королевство, то теперь королю надлежит взять на себя его функции и творить «новых людишек».

— Увы, сир, я явился к вам с плохой новостью, — осмелился произнести Мариньи и тем самым вывел короля из опасного забытья.

— А разве есть новость хуже, чем та, с которой прево осмелился прервать мой ужин? — произнес Филипп и поставил тяжелый меч на прежнее место.

— Есть, сир, — еле выдохнул Мариньи, с облегчением следя за его движениями.

— Говори. Я слушаю.

— Бунтовщики сильнее нас, сильнее королевской гвардии. В любую минуту они могут ворваться во дворец.

Филипп пристально смотрел на своего камердинера, но не видел его сейчас. Перед его взором вновь предстали видения. Это было поле боя. Король ясно узрел величественную фигуру своего знаменитого деда в безнадежной битве при Мансуре. Дед был бледен, измучен дизентерией до такой степени, что вынужден был вырезать сзади штаны, чтобы не терять времени в битве. Коричневая жижа не переставая стекала по исхудалым ляжкам будущего святого. Филиппу даже показалось, что в нос ударил сильный запах испражнений. Увидел Филипп и графа де Суассона, который, не переставая размахивать двуручным мечом и прикрывая спину Людовику, выкрикнул своему товарищу Жуанвиллю: «Сударь, пусть вопят эти каналы, но клянусь Господом, мы еще будем вспоминать об этом дне в дамском обществе!»

Какое величие! Какое благодество даже в этих испражнениях святого! Но это тамплиеры, это все они! Они предали Святой крест, предали дело, ради которого дед перенес страдания сарацинского плена, позор и унижение!..

— Вам надо немедленно оставить дворец, сир, — вновь произнес Мариньи, пытаясь обратить на себя внимание.

«О чем хлопочет этот карлик? Что ему надо? — пронеслось в мозгу у Филиппа. — Это я наплодил их, мелких людишек. А все потому, что

не осталось уже тех, кто отправился с дедом в безнадешный крестовый поход. Не надо никакой королевской гвардии. Надо лишь воскресить хотя бы десяток тех рыцарей, что дрались с моим бедным, моим больным, моим святым дедом в той битве. И эта чернь у королевских ворот в полной мере вкусила бы, что значит царственный гнев одного из Капетингов!»

— Бегство с поля битвы — позор для солдата! — произнес вслух король, выходя из забвения.

И Мариньи понял, что начиналась обычная игра. Королевский камердинер как раз отличался тем, что иногда ему удавалось прочесть некоторые из мыслей своего повелителя. Наверное, именно этого умения сейчас от него и ждали. Попасть в цель следовало с первого выстрела. Второго шанса просто могло не представиться. Быстро произнеся про себя «Pater Noster», Мариньи сказал:

— Но мы имеем дело не с армией, сир. Мы имеем дело со стихией, ибо слепой гнев толпы подобен стихии.

— Короли — помазанники Божьи. Бояться стихии им не подобает. Ибо сказано в Писании, что без воли Господа и волос не упадет с головы избранного.

«Уговаривай, уговаривай своего короля, камердинер! Не бежать же мне, в самом деле, поджав хвост, от своих подданных. Давай, Мариньи, я

жду. Толпа наверняка уже ломает королевские ворота».

— Да, но святые отцы утверждают, что человек все обязан сделать, чтобы спасти свою жизнь.

«Нет этого у святых отцов. Мой милый карлик, мой маленький глиняный Голем, тебе просто не хватает благородства души, и ты готов произносить всякую чушь, лишь бы оправдать собственную трусость».

— Короли, сир...

— И что же?

— Они тоже люди.

— А за это, дорогой, обычно рубят голову, причем публично.

— Короли обязаны прислушиваться к голосу разума.

— И что же?

— Поэтому, сир, если мы сейчас же не покинем Лувр, то я боюсь, что бесценная жизнь ваша будет подвергнута смертельной опасности.

— Сказано плохо, неубедительно, но большего от тебя и ждать не приходится. Время величия прошло. Знаешь, как сообщили моему деду о смерти его родного брата графа д'Артуа, погибшего в битве при Мансуре?

— К сожалению, мне это неизвестно.

— Маленький, ничтожный человек! Даже если бы ты и знал, то постарался бы забыть. От таких ярких слов твоя глиняная душа дала бы трещину. На вопрос Людовика Святого, что стало с его возлюбленным братом, рыцарь Анри де Роннэ отве-

тил: «Известия хорошие, мой государь, ибо уверен я, что граф д'Артуа в раю пребывает». А король сказал: «Пусть благословен будет Господь за все, что нам посылает», и на глаза ему навернулись слезы.

— Сир, нам надо уходить.

— Идем, карлик, идем. Меня все равно защитить некому. А заодно заберем и двух моих братьев, а то к утру они станут добычей тех, кто из всех сил рвется сейчас посмотреть на внутреннее убранство Лувра.

Маленький нормандский буржуа по имени Портье, теперь называвшийся Мариньи, сам проложил себе дорогу к трону, и преданнее пса у Филиппа не было. Да, он был созданием короля, да, его предки не участвовали ни в одном из крестовых походов. Когда дед Филиппа проливал кровь и мучился дизентерией в египетской пустыне, дед Портье торговал и наживал капитал. Но кто выкупил Святого из сарацинского плена, кто смог заплатить огромный — 2 тысячи турецких ливров — выкуп за всех оставшихся в живых крестоносцев? Народ Франции. Такие вот карлики, как дед Мариньи. Это они, навозные жуки, выращивали виноград, давили вино, сеяли хлеб, торговали и постепенно скапливали монета к монете нужную сумму, которую надо было выплатить за любимого в народе короля. Сама государыня королева Маргарита и королева-мать Бланка обратились за помощью к людям с «черными ногами», и пожертвования потекли дружными ручейками, постепенно набирая

мощь и напор бурной горной реки, волны которой и вынесли короля-неудачника к берегам родной Франции. Для Мариньи путь Филиппа Красивого был его собственной жизненной целью. Он предлагал королю вступить в союз с городами Франции, чтобы успешнее бороться со своеволием крупных феодалов. Филипп, прислушиваясь к советам камердинера, запретил все междоусобные распри, а также чеканку денег, которая до недавнего времени практиковалась почти при каждом дворе влиятельного барона. Мариньи любил своего короля, но любил по-особому. Так любит руки мастера податливая глина, которой придают определенную форму. Да, для короля эта форма казалась уродливой, словно деревенский горшок. Но то, что плохо для короля, не всегда плохо для обычного смертного. Лучше быть горшком в руках властителя, чем куском грязи, о который никто и ног марать не хочет.

— Сир, — осмелился наконец твердым голосом произнести преданный слуга, — времени уже почти не осталось.

Не говоря ни слова, король быстрым шагом прошел к двери своего кабинета, распахнул ее и в следующий момент оказался уже в коридоре.

Залы Лувра были пусты. Они плохо освещались редкими факелами. Король быстро пересек огромное пространство, уставленное низкими с выгнутыми спинками креслами из черного позолоченного дерева, с подушками, вышитыми красными и желтыми розами. Эти розы вышивала еще покой-

ная Жанна. Филипп бросил на подушки беглый взгляд и почувствовал, как сердце проткнула острая боль. Если чернь ворвется сюда, то она будет касаться своими грязными руками самого святого.

Уже у тяжелой двери Филипп со злобой выхватил из кольца факел, и пламя осветило зал кроваво-красными сполохами. Наступало время карликов, а не героев, но герои умеют уходить с достоинством. И король с силой бросил горящий факел на ближайшее кресло, где лежали вышитые рукой королевы розы. Пламя стало жадно пожирать материю и сразу сделалось светлее. Удушливый дым начал распространяться по залу.

Затем Филипп замер у одной из статуй. С противоположной стороны зала слышались торопливые шаги. Это братья короля спешили к выходу. Забыв про этикет и отбросив в сторону вопросы чести, они бежали сейчас туда, где в дыму и пламени виднелась фигура короля. Заметив камердинера, Шарль де Валуа и Луи д'Эвро замедлили шаг и оставшуюся часть пути прошли с достоинством.

— Быстрей, мои возлюбленные братья. Мари-ньи уверяет, что у нас совсем не осталось времени.

Филипп выхватил еще один факел и осветил лицо статуи. Несколько масляных капель упало вниз, чуть не задев царственной голени, затянутой в черный чулок. Государь не обратил на это внимания. Казалось, что он опять находится во власти видений. Но забвенье на этот раз длилось недолго. Король наклонился и свободной рукой коснулся

пьедестала. Раздался легкий треск, и статуя медленно отодвинулась в сторону, освободив проход в подземелье.

— Добро пожаловать в могилу, господа!

И с этими словами король начал быстро спускаться вниз по витой лестнице.

Лабиринт, в котором оказался Филипп со своей свитой, напоминал гигантскую паутину, состоящую из различных ответвлений, ходов, причудливо переплетающихся между собой. Сырость и мрак властвовали здесь. Затхлый запах разложения и плесени был очень силен. Филипп шел впереди, держа высоко над головой горящий факел. Он на удивление легко переносил этот смрадный запах и время от времени оглядывался, чтобы насладиться жалким состоянием своих спутников. Шарль де Валуа не выдержал, и его начало выворачивать наизнанку. Прекрасный королевский ужин был несовместим с серыми сырими стенами. Мариньи почтительно отвернулся в сторону. Д'Эвро держался из последних сил, хотя и побледнел как полотно. Глаза брата короля горели лихорадочным блеском. Д'Эвро крепко сжимал сейчас эфес своего меча, готовый к любой неожиданности. Он знал, что мир видимый и мир невидимый разделены призрачной гранью и что существа с того света любят смущать живущих своим неожиданным появлением. Он знал, что король как помазанник Божий для злых духов представляет огромный интерес. Д'Эвро верил, что тогда во время ночного разговора за дверью королевской опочивальни действительно

были существа, одним видом своим способные свести с ума любого добропорядочного христианина. Филиппу приходилось одному нести это бремя, и д'Эвро как преданный брат готов был сейчас с оружием в руках, с бесполезным мечом своим вступить в схватку со всеми силами ада и погибнуть как воин Христов, защищая помазанника Божьего.

Но какими, в каком обличье могут явиться силы зла? В виде горгон и химер с фронтона Нотр-Дама? В виде прекрасной девы или в облике покойной Жанны? А может быть, поползут по полу бесчисленные змеи, опутывая ноги своими скользкими мерзкими телами? В этот момент д'Эвро наступил во тьме на что-то мягкое и живое. Это нечто издало душераздирающий визг и в следующий момент вцепилось в сапог графа острыми зубами. Граф стал отчаянно бить ногой о землю. Ему понадобилось некоторое время и яркий свет факела, чтобы разглядеть крысу, которую он до смерти забил тяжелым сапогом, почти втоптав в твердый грунт маленькое тельце.

Все остановились и некоторое время молча смотрели друг на друга. Затем двинулись дальше. Крыс становилось все больше и больше, и они уже без всякого страха пытались напасть на непрощенных гостей. Их давили и молча шли дальше в глубь лабиринта. Факел в руке короля от недостатка кислорода стал гореть хуже. Перспектива остаться в полной тьме в этом гиблом месте среди полчищ крыс никому не показалась привлекательной. Д'Эвро подумал, что когда свет погаснет, то тогда

только и начнется настоящее светопреставление. Крысы — это лишь прелюдия. Дьявол послал королю весть в виде своих мерзких слуг.

Неожиданно король остановился, приказал всем замереть на месте и стал напряженно вслушиваться.

— Слышите? — шепотом обратился он к своей свите. — Слышите?

Наступила неловкая пауза. Даже готовый ко всему д'Эвро не мог ничего различить в наступившей тишине, кроме крысиной возни под ногами.

— Что мы должны услышать, сир? — осторожно переспросил Мариньи у своего господина.

— Шаги. Кто-то идет вслед за нами.

— Уверяю вас, мы здесь одни.

— Ответ неверный, мой милый Мариньи. Под землей трудно найти уединение. Слишком много мы запихнули сюда ближних своих. Возлюбленные братья мои, вы сегодня так охотно рассуждали о злых духах, что настала пора познакомиться с ними. И может быть, один из них идет сейчас вслед за нами. Впрочем, ваш король побеспокоится о вас. У меня богатый опыт. Я научился различать посланников ада по виду и форме. Я привык к их мерзким прикосновениям. Те, кто расписывает картинки Страшного суда в сельских храмах, абсолютно правы. Эти богомазы видели то же, что и я, и не раз. Дайте дорогу! Мне придется вас оставить на несколько мгновений и побеседовать кое с кем.

И король быстро зашагал назад, оставив своих спутников в полной тьме.

...Тамплиеры знали толк в подземных работах. Это знание было определено самой историей ордена.

Среди свитков Мертвого моря, найденных в середине XX века в Кумране, был один, получивший название «Медный свиток». Эти письма в 1955—1956 годах были расшифрованы в Манчестерском университете. В них говорилось о миллионах священных сосудов и о некоем невиданном «сокровище», закопанном в подвалах знаменитого Храма Соломона, того самого Храма, в честь которого и был назван орден.

В середине XII века пилигрим по имени Иоган фон Ворзбург оставил письменное свидетельство о своем посещении «Соломоновых конюшен». Эти конюшни существуют и по сей день. Они расположены непосредственно под Храмом Соломона. С 1124 года рыцари использовали его стойла для своих скакунов, которых насчитывалось чуть более 27, по три на каждого из девяти братьев. Таково было количество членов будущего ордена в то время. Конюшни же, по мнению очевидца, могли вместить порядка 2 тысяч лошадей.

В течение нескольких лет своего существования, когда первые девять рыцарей будущего ордена впервые появились на Святой Земле неизвестно откуда и предложили этим малым числом защищать всех паломников и все дороги, ведущие к Иерусалиму, знаменитый хронист иерусалимского короля Фулк де Шартрес даже ни разу не упомянул хоть о какой-нибудь активности первых братьев.

Чем они занимались в эти годы — так и осталось неизвестным. Однако «Соломоновы конюшни» все увеличивались и увеличивались. Скорее всего, рыцари Храма занялись исследованием самого Храма и стали копать святую землю. Такие обширные раскопки могли говорить лишь о том, что рыцари целенаправленно искали что-то. Их даже могли послать в Палестину именно с этой миссией. Так, при дворе графа Шампанского, одного из основателей ордена, еще с 1070 года процветали всякого рода каббалистические и, эзотерические учения, для которых Храм Соломона был своеобразным центром вселенной.

Остается лишь предположить, что рыцарям удалось наткнуться на нечто очень важное, оставшееся погребенным под развалинами знаменитого Храма Соломона. Также можно предположить, что это открытие имело непосредственное отношение к сокровищам или к чему-то такому, что следовало держать в строжайшей тайне.

Парижский Тампль рыцари хотели устроить по образу и подобию иерусалимского Храма. И если там, в Палестине, жизнь ордена протекала как на поверхности, так и под землей, то не было исключения в этом смысле и для французской резиденции. Оказавшись в подземелье, король Франции, не зная того, вступил на территорию храмовников и сейчас находился в полной их тайной власти.

Узнав, что король Филипп сам добровольно

сошел под землю, де Моле созвал совет, на котором надо было как можно быстрее принять, может быть, самое важное за всю историю ордена решение: спасти или губить короля Франции!

Совет

В то время, пока король Франции блуждал по подземным лабиринтам, разъяренная толпа уже вступила в схватку с охраной дворца. Прево, выполняя обещание, делал все возможное, чтобы сдержать натиск.

С высоты башни Тампль было хорошо видно, что творилось у Лувра. Огромный пестрый рой устрашающе гудел. Черная сеть птиц шумно трепетала над городом, но ни одна из них не летела в сторону разъяренной толпы. Там, на дворцовой площади, под грязноватой пеленой тумана утвердилась плотно спрессованная масса. Она казалась единым телом. Шум ее становился похожим на заунывное пение хора. Если бы эта масса внезапно хлынула с площади на улицы города, то узкие улочки не смогли бы вместить напора людских потоков и лопнули бы, а дома развалились и превратились в пыль. Людей было так много, что они стали давить друг друга. По упавшим шли, как по камням, топтали раненых и упрямо продолжали рваться к воротам дворца. Некоторые из затоптанных лежали в позе распятых. Один из несчастных оказался рядом с бревном, голова его при этом вы-

сунулась, и на нее начали ставить ноги. Через несколько мгновений она была раздавлена.

Какое-то время Магистр внимательно следил за толпой, шумящей на дворцовой площади. Затем повернулся к собравшимся и начал совет, на который как по тревоге де Моле пригласил самых важных людей ордена. Это были: Гуго де Пейро, генеральный досмотрщик ордена, Жоффруа де Гонневиль, приор Аквитании и Пуату, Жоффруа де Шарне, приор Нормандии.

Последний с разрешения Великого Магистра взял на себя труд вслух прочитать текст старинного пергамента, который непосвященными мог быть воспринят просто как бессмыслица:

«В НОЧЬ СВЯТОГО ИОАННА

36 ЛЕТ СПУСТЯ ПОСЛЕ ПОВОЗКИ С СЕНОМ

6 НЕТРОНУТЫХ ПОСЛАНИЙ С ПЕЧАТЯМИ

ДЛЯ РЫЦАРЕЙ В БЕЛЫХ МАНТИЯХ

ЕРЕТИКОВ ИЗ ПРОВЭНА К МЩЕНЬЮ

6 РАЗ ПО 6 В 6 МЕСТАХ

КАЖДЫЕ 20 ЛЕТ, ТО ЕСТЬ ЧЕРЕЗ 120 ЛЕТ

ТАКОВ ПЛАН:

ИДУТ В ЗАМОК ПЕРВЫЕ

ТО ЖЕ САМОЕ ОПЯТЬ ЧЕРЕЗ 120 ЛЕТ ВТОРЫЕ

ОТ ХЛЕБА,

К НИМ ПРИСОЕДИНЯЮТСЯ

ВНОВЬ В УКРЫТИИ

ВНОВЬ У НАШЕЙ ГОСПОЖИ НА ДРУГОЙ

СТОРОНЕ РЕКИ

ВНОВЬ В УБЕЖИЩЕ ПОПЛИКАНОВ ВНОВЬ

НА КАМНЕ

**3 РАЗА ПО 6 (666) ПЕРЕД ПРАЗДНИКОМ ЭТОЙ
ВЕЛИКОЙ БЛУДНИЦЫ».**

И тамплиеры несколько раз прослушали, а затем еще несколько раз прочитали этот странный текст, похожий на пророчество, но так и не смогли найти указаний относительно того, как им поступить именно в эту летнюю ночь года 1306-го от рождения Христова с королем Франции, который так неожиданно сам себе устроил ловушку. Случай вносил в Великий план свои коррективы.

Король появился так же неожиданно, как и исчез. Свита встретила его радостно. Самый напряженный момент в подземных блужданиях миновал. И хотя никто не знал, что их ждет впереди и сколько еще предстоит ходить по этим лабиринтам, все почувствовали облегчение. Ни один не осмелился задать вопрос относительно того, чьи шаги мог слышать правитель. Сейчас мысли каждого были заняты другим: что, если разъяренная толпа находится как раз в том месте, куда ведет подземный ход? Тогда не останется ничего, кроме ожидания. А ждать можно было часы или даже дни, пока волнения не улягутся. Государство все это время будет существовать без короля. Какой редкий шанс для любого самозванца!

Но и это еще не худший вариант. Дело окажется куда сложнее и безнадежнее, если этот ход ведет

в тупик и они просто затерялись в склепе среди крыс и удушливого зловония.

Но они шли и шли, и надежда, как факел, все угасала и угасала в их душах. И вдруг впереди в небольшом квадрате проема появилось слабое мерцание. Подземный ход вывел короля и его свиту на какую-то пустошь. В утреннем тумане вырисовывались силуэты убогих хижин. Беглецы дружно пошли на мерцающий впереди свет и скоро оказались на небольшой улице. Сюда доносился слабый шум продолжавшей бесноваться толпы.

Вдруг из утреннего тумана навстречу королю вышли несколько человек, одетых в белые мантии. Соблюдая все правила этикета, рыцари почтили своего короля, встав перед ним на одно колено. Тот, кто находился ближе всех, произнес:

— Не соблаговолит ли его величество и не окажет ли нам, рыцарям Храма, такую милость и не примет ли приглашение стать нашим гостем в башне Тампль? Я — брат Рено, сенешаль. Я послан сюда Великим Магистром, чтобы обеспечить вашу безопасность, сир.

Король дал понять, что он согласен, и усиленный эскорт двинулся вперед. Неожиданно словно из-под земли выросли мощные башни крепости. Когда тяжелые ворота открылись, Филипп въехал на предложенном ему арабском скакуне с подлинным триумфом, словно и не беглец вовсе, а истинный и полноправный правитель.

По этому поводу все рыцари гарнизона выстроились во дворе и отдали честь властителю Франции.

«Совершенный»

За происходящим на дворцовой площади зорко наблюдал не только Великий Магистр могущественного ордена тамплиеров, но и малопримечательный человек, носящий звание королевского легата, некто Гийом де Ногаре. Это был еще один Голем, еще одна вылепленная руками короля кукла, которая несла в себе заряд огромной убийственной силы. Это он, Ногаре, с радостью осуществил королевский приказ и захватил в плен папу Бонифация VIII в Ананьи. По его приказу понтифексу надавали пощечин.

В ту эпоху все необычные люди делались или мистиками, или развратниками. Ногаре был и тем и другим. Если еще совсем недавно, в эпоху короля Людовика Святого, неординарных людей старались как можно быстрее отправить в Палестину с тайной надеждой, что они уже больше никогда не вернутся назад, то в эпоху Филиппа Красивого пассионарии ударялись в мистицизм, разврат и посвящали себя инквизиции, этой своеобразной отрасли средневековой юриспруденции.

Ногаре пришел на смену старому французскому рыцарству, показавшему свою доблесть в кресто-

вых походах. Его оружием стали логика и знание законов, а не рыцарский меч. И именно с помощью логики и законов Ногаре при поддержке Филиппа Красивого удалось добиться того, чего не мог добиться никто в тогдашнем христианском мире, а именно уничтожить одну из самых могущественных организаций средневековья — орден тамплиеров. И против папы, и против тамплиеров этот Голем, этот глиняный человечек Филиппа Красивого действовал с каким-то особым ожесточением, с какой-то особой дьявольской страстью и злобой. Но откуда бралась его ненависть? Мало кто знал во французском королевстве, что Ногаре принадлежал к касте «совершенных» и исповедовал ересь катар. Эта ересь, получившая также название альбигойской, в честь города Альбе, где она и зародилась, еще в XII веке утвердилась в южных провинциях Франции.

Делом всей своей жизни Ногаре считал борьбу с христианством, с той силой, которая так безжалостно уничтожила всех его предков, живших некогда в славной и независимой стране, носящей название Лангедок.

Еще в самом начале XIII века Лангедок не принадлежал Франции и считался независимой землей, язык, культура и политические институты которой были ближе по своему происхождению и структуре Испании, королевству Леона, Арагона и Кастилии, чем северным провинциям Франции. Этими землями испокон веков управляли знатные

феодалы города Тулузы. Под покровительством графов Тулузских на территории Лангедока процветала культура, которая оставила далеко позади весь остальной христианский мир, за исключением, может быть, Византии.

В отличие от северных земель в Лангедоке царствовала религиозная терпимость и поощрялись всевозможные философские поиски истины. Поэзия трубадуров, само понятие куртуазности также возникли в этих местах. Греческий, арабский и древнегреческий языки изучались повсюду. В городах Люнеле и Нарбонне были созданы специальные школы по изучению каббалы, древнейшего эзотерического учения иудеев. Графы Тулузские, равно как и другие князья и правители Лангедока, были не только грамотными, но и начитанными людьми, чего никак нельзя было сказать о северных феодалах, многие из которых не могли даже толком расписаться.

Истина Востока через многие торговые пути приходила на юг Франции.

Католическая церковь в это время переживала не самый лучший свой период в землях, попавших под сильное влияние восточной мудрости. Здесь были церкви, в которых мессы не служились около тридцати лет. Многие местные священники открыто пренебрегали приходами и занимались торговлей и скупкой земельной собственности. Так, один из архиепископов Нарбонны ни разу не посетил свою епархию, зато торговлей занимался весьма успешно.

XII и самое начало XIII века многие историки назовут проторенессансом, потому что только в эпоху Возрождения Западная Европа сможет еще раз пережить подобный подъем.

Но продолжаться такая вольность нравов — да еще в эпоху средневековья — долго не могла. Северные феодалы уже давно с завистью и ненавистью поглядывали на роскошь и процветание своих южных соседей. Католическая церковь, в свою очередь, и папский престол прежде всего, имела свои причины ненавидеть Лангедок со всеми его вольностями. Прежде всего потому, что там давался пример неповиновения, нарушалась строжайшая система, которая устанавливалась веками.

Конечно, далеко не все в Западной Европе понимали сложную догматику катар и альбигойцев, да многие и не стремились к этому. Им было достаточно осознать, что сатана для них не враг, а владыка и помощник в затеваемых ими преступлениях. Тайно исповедовал альбигойскую ересь император Генрих IV, враг папы Георгия VII. А простодушный Ричард Львиное Сердце откровенно заявлял, что все члены дома Плантагенетов пришли от дьявола и вернутся к дьяволу.

И ведь эту доктрину, упразднявшую совесть, исповедовали в XII веке не только короли, но и священники, ткачи, рыцари, крестьяне, нищие, ученые законоведы и безграмотные бродячие монахи.

Основная часть этого умонастроения — община катар имела строгую дисциплину, трехстепенную иерархию и ни на какие компромиссы не шла. Про-

поведь «совершенных» во Франции и даже в Италии так наэлектризовала массы, что подчас даже папа боялся покинуть укрепленный замок, чтобы на городских улицах не подвергнуться оскорблениям возбужденной толпы.

Можно сказать, что был период, когда весь западный мир находился на грани катастрофы. Альбигойцы, отрицая жизнь и стремясь к ее уничтожению, делали очень хитрую вещь — они отказывались убивать все живые существа с теплой кровью. В этом смысле казалось, что альбигойцы были лучше католиков. Они проявляли подлинную гуманность. Но ведь если бы кур, например, не стали резать и есть, то их бы перестали разводить как вид и они бы исчезли.

Католики утверждали, что мир должен быть сохранен и что жизнь, как таковая, не должна пресекаться. И во имя этого объявляли крестовые походы, отправляли людей на костер, т. е. убивали, и убивали очень много, потому что только благодаря смене жизни и смерти могут поддерживаться биосферные процессы. Альбигойцы это понимали тоже и потому стремились к смерти полной, окончательной, без возрождения.

Альбигойцы отрицали, например, брак и семью. Они считали, что если человек полюбил кого-то, то это уже привязанность к плотскому миру. Любящая пара не может стать совершенной и изъяться из мира. Поэтому разврат и групповые оргии для альбигойцев считались нормой, которую всячески насаждали иерархи ереси. Рождение детей было

запрещено, и широко практиковались аборты. В общине альбигойцев были лишь дети тех, кто присоединился к ереси, уже успев народить потомство.

Если бы люди последовали учению альбигойцев, то жизнь прекратилась бы в одном поколении!

Именно поэтому в 1209 году папа Иннокентий III объявил самый настоящий крестовый поход, направленный против Лангедока и альбигойской ереси.

В 1209 году, то есть приблизительно за сто лет до описываемых событий, 30 тысяч рыцарей из Северной Европы обрушились на юг Франции как смерч, как саранча из Апокалипсиса. Вся территория, вплоть до Пиренеев, была разграблена и сожжена. Уничтожались посевы пшеницы, сжигался хлеб в амбарах, вырубались виноградники, а население методично вырезалось без всякого христианского милосердия. Массовые истребления людей приобрели такие грандиозные размеры, что их вполне можно было бы назвать геноцидом. Причем на костер отправляли каждого, кто отказывался на глазах у всех зарезать пойманную курицу или петуха, ведь альбигойцы запрещали убивать все живые существа с теплой кровью. Не полоснул ножом по тонкой куриной шее — и вот твоя собственная уже ощущает мертвящее прикосновение холодной стали рыцарского меча.

В одном лишь городе Безьере, как свидетельствуют о том летописцы, было вырезано и сожжено 15 тысяч мужчин, женщин и детей. Многих из них

убивали прямо в храме Божьем, где несчастные в последней надежде пытались найти спасение.

Когда один из рыцарей спросил представителя папы Иннокентия III, как следует отличать еретиков от тех, кто сохранил еще веру в Христа, ответ был весьма прост: «Убивайте всех. Господь сам разберется, кто грешен, а кто нет».

И тот же представитель святого трона с гордостью писал папе в Рим о том, что «ни пол, ни возраст, ни положение не принимались во внимание, когда выносился приговор».

После того как пал Безьер, очередь дошла и до Перпиньяна, затем Нарбонны, Каркасона и самой Тулузы.

И где бы ни проходили победоносные войска, везде они оставляли море крови, сеяли смерть и разрушение.

Но у альбигойцев было немало и хорошо укрепленных замков, которые располагались на неприступных возвышенностях. Эти замки требовали длительнейшей осады, поэтому крестовый поход, объявленный папой, длился без малого 40 лет. Рыцари обязаны были носить вышитый крест на своих туниках, как и их собратья в далекой Палестине. А наградой было все то же отпущение грехов, гарантированное место в раю среди воинства Христова и награбленная добыча. Но в отличие от обычного крестового похода воинам не надо было пересекать море и подвергать себя опасностям долгого пути. По законам того времени достаточно было лишь в течение 40 дней повоевать, пограбить и

поубивать за веру Христову в ненавистном Лангедоке, а затем вновь можно было вернуться домой, заодно получив все привилегии крестоносца. Желających отправиться в подобную экспедицию было немало, и армия не знала недостатка в рядах сражающихся или, лучше сказать, в рядах карателей.

Когда крестовый поход подошел к концу, то некогда процветающий и свободный Лангедок вновь вернулся к тому варварству, которое было характерно для всей Западной Европы XIII века. Одним из примечательнейших достижений крестового похода против альбигойцев стало создание, с одной стороны, монашеского ордена доминиканцев, а с другой — святой инквизиции.

Два этих события были накрепко связаны между собой общей причиной. Испанский монах Доминик Гузман, который всей душой поддерживал крестовый поход папы Иннокентия III, организовал в 1216 году по этому случаю монашеский орден, получивший название в честь своего создателя, а несколько позднее, в 1233 году, именно доминиканцы создали святую инквизицию — передовой отряд католицизма, призванный бороться со всякого рода ересями.

К 1243 году всякое организованное сопротивление было сломлено, за исключением нескольких крепостей. Одна из них носила имя Монсегюр. Ее оборона продолжалась больше года с таким необычным мужеством и отчаянием, что вполне могла бы быть приравненной к защите знаменитой кре-

поста Массад во время иудейской войны, описанной Иосифом Флавием.

Но и после падения Монсейюра катары не сдались. Еще целых 50 лет после своего поражения небольшие анклавы еретиков скрывались в пещерах, продолжая мстить своим обидчикам и вести тайную войну, напоминающую современные партизанские действия. Центром их сопротивления стали подземные галереи города Провэна. С XI века это были владения графа Шампанского. Подземелья существовали здесь с доисторических времен. Сеть туннелей тянулась под холмом, образуя настоящие катакомбы, множество залов в самом сердце земли, и везде можно было встретить древнейшие надписи и обрядовые рисунки друидского происхождения. Они были выбиты еще до прихода римлян. Цезарь шел поверху. Легионы несли своих непобедимых орлов, а под его ногами зрел заговор, готовилась западня, в которую обязательно должны были попасть некоторые из римских легионеров.

Опыт своих предков друидов переняли и загнанные в угол катары. Они ни за что не хотели сдаваться и вели подземную войну с победившим их на поверхности надменным папством. Дети Света ушли во Тьму, ибо Свет и Тьма лишь части одного и того же, и чем ярче горит свеча, тем гуще тень, отбрасываемая ею.

Если бы во время одного из тайных собраний сюда ворвались враги, заговорщики могли бы скрыться в считанные секунды в неизвестном направлении. Зная все ходы и выходы, катары могли

легко появиться в любой нужной им точке и неожиданно броситься на врагов, устроив им в темноте настоящую резню во имя почитаемого еретиками Бога Света. «Совершенные» разрешали им в таких случаях убивать живые существа даже с теплой кровью, ибо христианин для них отныне приравнивался к змее, мерзкой жабе и тупой рыбе в пруду, ибо у каждого, кто решался принять этот отчаянный бой в крошечной тьме, где в полной неразберихе доводилось резать и своих братьев, перед глазами стояли призраки беззащитных обнаженных детей, которых христиане бросали в костер инквизиции, как дрова, так как общий помост предназначался лишь для взрослых.

К скрытым катарам, ничего не забывшим и ничего не простившим, относился и хранитель королевской печати Гийом де Ногаре. «Совершенным» он стал потому, что давно уже отказался от всего земного и жил лишь одной мезтью, мезтью католической церкви и всему христианскому миру. Он был причислен к такой категории избранных даже среди «совершенных», для которых просто не существовало никаких нравственных устоев, проповедуемых христианством.

Внимательно рассматривая восточный орнамент своего полога, королевский легат медленно погружался в состояние сладостных воспоминаний. Он ясно увидел картины недавнего прошлого, когда ему пришлось арестовать по приказу короля самого папу римского. Старик был так напуган, что даже не сразу понял, в чем дело. Ох, какая это была

сладостная минута! Многие братья отдали бы собственную жизнь лишь для того, чтобы отвесить пощечину тому, кто считался наместником Бога на земле, и тем самым отомстить за всех замученных, невинно убиенных, за всех сожженных и за тех детей, которые своими телами помогали гореть своим же родителям. Какой триумф! Какая победа! Именно пощечина! Разве заслуживает жаба чего-то еще? И это он, Гийом де Ногаре, мог сделать такое! Он! И никто другой. Он — «совершенный» из «совершенных».

Ногаре вспомнил, как занес уже было руку, чтобы отвесить пощечину понтифексу, но потом словно опомнился и приказал сделать это Скъярре Колонне, которого Бонифаций VIII всячески притеснял до этого. В противном случае у короля могли возникнуть серьезные подозрения относительно того, в кого на самом деле верит его преданный легат.

Однако предаваться сладостным воспоминаниям времени не было. Ногаре чувствовал, что король замышляет что-то еще более грандиозное, чем простое оскорбление папы римского. Как изменились времена! Еще сто лет назад, когда братья катары отчаянно дрались за свою жизнь, и подумать нельзя было, что кто-то из них когда-нибудь окажется на службе у короля и по его приказу будет делать все, чтобы расшатать изнутри и развалить авторитет христианской церкви.

Следующим шагом короля должен быть удачный ход против рыцарей Храма. Если авторитет папы пошатнулся, то теперь эти поборники веры ока-

зались совершенно беззащитными. Зная короля, Ногаре мог предположить, что его повелитель ни с кем не захочет делиться властью. Недавно храмовники оскорбили Филиппа тем, что отказались сделать его своим почетным рыцарем, а также не стали вступать в союз с орденом госпитальеров, на который у короля Франции было большое влияние и где он хотел утвердить свою власть, сделав Магистром объединенного ордена одного из своих братьев.

Помимо всего прочего, правитель Франции уже начал собирать компрометирующие орден сведения. Ногаре по приказу короля присутствовал при допросе одного из перебежчиков, некоего Эскена де Флойрана из Безье, помощника приора Монфокона. Явно для святой инквизиции собиралось досье для дальнейшего обвинения ордена в ереси.

Продолжая вглядываться в причудливый восточный орнамент, Ногаре испытал прилив радости. Это та самая инквизиция, которая и была создана для уничтожения его братьев катар. А сейчас он, Ногаре, может спокойно использовать сие грязное орудие в своих целях и с помощью некогда неумолимого палача привести на эшафот тех, кто по праву считался самым надежным оплотом христианства.

Сначала он с помощью той же святой инквизиции бросит в костер весь орден чванливых храмовников, а затем с помощью обезумевшего короля и весь мир, поклоняющийся не истинному Богу, Богу Света и Чистого Духа, а жалкому ремесленнику, создавшему эту гнилую, разлагающуюся тюрьму, называемую материей.

Неожиданно сладостные грезы Ногаре были прерваны громким стуком в дверь. Гийом застыл посреди комнаты, боясь, что в порыве страсти он мог вслух высказать то, о чем не осмеливался вплоть до этого момента признаться самому себе.

На пороге появился слуга.

— В чем дело? — резко осведомился королевский легат.

Слуга был бледен и от волнения переступал с ноги на ногу. Вся его жалкая и нерешительная фигура говорила о том, что принесенная им весть не из приятных.

— Ну! — торопил его Ногаре.

— Король... Он у тамплиеров!

— Как!

— Во время бунта рыцари предложили ему свой замок в качестве убежища.

Начинающий было разгораться факел Смерти вдруг стал гаснуть, превращаясь на глазах в безобидную головешку.

Тайна Монсегюра

Ересь катар еще во время пресловутого крестового похода начала обрастать легендами, и одна из этих легенд говорила о некоем сокровище, которое и хранилось в осажденном Монсегюре. Феодалам севера было известно, что еретики обладают несметными богатствами. Аль-

бигойская вера запрещала еретикам носить оружие, однако катары, оправившись от шока, произведенного первыми массовыми сожжениями безоружных людей в кострах инквизиции, нашли средства, чтобы нанять для защиты своих городов хорошо обученных и прекрасно вооруженных наемников, запросивших, между прочим, немалые деньги за свои услуги. Впрочем, происхождение подобных средств на оборону можно было объяснить щедрыми пожертвованиями богатых феодалов, которые также считались членами альбигойского сообщества.

Но по мере развития крестового похода среди рыцарей все больше и больше укреплялось мнение, будто сокровище катар имеет прежде всего мистический, а не материальный смысл и что некая вещь, весьма важная и таинственная, скрывается еретиками за неприступными стенами Монсегюра. Однако после падения города крестоносцы так ничего и не нашли. Правда, во время самой осады, в завершающей ее стадии, непосредственно накануне сдачи крепости на милость победителей, имел место весьма необычный инцидент, о котором и следует упомянуть в связи с тем, что творилось сейчас у башни Тамплъ, где король Франции столь неожиданно обрел для всех убежище.

В течение всей осады Монсегюра число нападавших почти всегда превышало 10 тысяч человек. Обладая такими человеческими ресурсами, атакующие пытались замкнуть в плотное кольцо весь высокий и неприступный холм, на котором и распо-

лагалась крепость, чтобы контролировать все входы и выходы. Защитников было 400 человек, из которых 150 или 180 были «совершенными», то есть не способными держать в руках оружие. Но, несмотря на такое подавляющее превосходство в силе, взять город в жесткую блокаду осаждавшим так и не удалось. Дело в том, что среди них нашлись люди, которые по мере развития событий все больше и больше начинали сочувствовать еретикам. В результате воины Христовы сквозь пальцы смотрели на то, как осажденные еретики время от времени покидали город и спокойно проходили сквозь установленные посты.

Так, в январе, то есть приблизительно за три месяца до падения Монсегюра, два «совершенных» предприняли удачный побег из осажденного города. Согласно легенде, они смогли унести с собой немало золота и серебра. Сокровища эти они сначала спрятали в одной из соседних пещер, а потом переправили в некий замок. Так и исчезли знаменитые деньги катар, о которых до сих пор, ничего не известно. Но история на этом не кончается.

1 марта 1244 года Монсегюр объявил о своей полной капитуляции. К побежденным неожиданно отнеслись с невиданным дотоле милосердием. До сих пор никто из историков не может объяснить причины столь необычной доброты, зародившейся в душах неистовых крестоносцев, в течение почти 40 лет методично и безжалостно уничтожавших всех катар. Но как бы там ни было, а факт остается фактом. В соответствии с ордонансом все рыцари

и наемники, защищавшие город до последнего, получали полное прощение за прегрешения перед матерью их, Святой церковью, и грешникам этим даже разрешалось беспрепятственно покинуть город, сохранив при себе оружие, имущество, подарки, полученные от катар, включая и деньги, которые могли им заплатить наниматели за работу в качестве наемников.

На «совершенных» также распространялась ничем не объяснимая милость. Им предлагалось публично отречься от ереси и признаться в соответствующих грехах перед представителями святой инквизиции. При соблюдении условий капитуляции еретикам даровалась свобода и на них налагалась весьма легкая епитимья.

В ответ катары потребовали двухнедельной отсрочки, чтобы обсудить предложенные условия. Христиане, вновь нарушая все известные нормы, неожиданно согласились ждать указанный срок. Тогда защитники, чтобы выразить искренность своих намерений, предложили заложников. Было заключено соглашение, что если в течение указанных двух недель хотя бы один из защитников крепости попытается совершить побег, то сразу же будут казнены те, кто предложил себя в качестве заложников.

Однако результат двухнедельных размышлений катар поразил всех. «Совершенные» единодушно отказались принять папскую милость. Может быть, они были столь преданы своему учению, что

предпочли мученическую смерть предательству? А может быть, эти люди обладали такими знаниями, которыми они не собирались делиться с представителями инквизиции. Но каким бы ни был правильный ответ, а известно лишь то, что во время обсуждения условий капитуляции в лагере катар произошло еще одно очень важное событие. Добровольно к обреченным «совершенным» присоединилось еще двадцать человек из числа жителей города. Шесть женщин и четырнадцать рыцарей-наемников неожиданно приняли *Consolamentum*, то есть посвящение, и в один день сделались «совершенными», обрекая тем самым себя на мученическую и неизбежную смерть.

15 марта отведенный двухнедельный срок истек. На рассвете следующего дня более двухсот «совершенных» были отведены к подножию соседних холмов. Никто из несчастных не молил о пощаде и не выказывал ни единого признака раскаяния. У палачей не было времени сооружать индивидуальные костры для каждого из осужденных, как этого требовали правила, поэтому соорудили один большой эшафот и сожгли еретиков всех вместе.

Оставшаяся часть гарнизона была помилована и взята под охрану. Пленников предупредили, что если кто-то из них попытается бежать, то крестоносцы вырежут всех вместе с ранее взятыми заложниками.

Несмотря на смертельный риск, гарнизон спрятал в своих рядах четырех нераскаявшихся «совер-

шенных», которых братья наделили какими-то особыми полномочиями. Все знали, что готовится побег, но никто не остановил храбрецов.

И вот наступила ночь 16 марта. Пока папское войско праздновало свою победу, состязаясь в разыгрывании «дурачеств с нравоучениями», где первым призом должна была служить серебряная лилия, а четвертым — пара каплунов, отчаянная четверка вместе с проводником тайно спустилась по веревкам с западной части горы, преодолев крутой стометровый склон. Спрашивается: зачем нужна была такая спешка? Ведь ровно через день эти люди, смешавшись с толпой пленных, спокойно могли бы выйти за городские ворота, и тогда ищи ветра в поле. А сейчас они ставили под удар множество людей.

Согласно легенде, именно эта четверка избранных и унесла с собой самую существенную часть сокровищ непокорных альбигойцев. Но если, как и в первом случае, когда двое катар сумели проскользнуть сквозь вражеские заграждения еще в январе, четверка отважных несла золото и серебро, то остается лишь догадываться, как мало должно было быть этого золота, чтобы его с легкостью можно было спустить со стометровой высоты, полагаясь лишь на канаты и на крепость собственных рук.

Если четверо избранных, которых другие братья специально оставили в живых, а для того, чтобы сбить с толку святую инквизицию, пожер-

твовали собой, добровольно бросив свои тела в костер, действительно унесли в ночь с 16 на 17 марта 1244 года от рождества Христова нечто очень важное и особенно ценное, то вряд ли это были примитивные слитки золота или звонкие монеты с отчеканенными профилями сильных мира сего.

Но что же тогда могла уносить с собой во тьму южной весенней ночи отважная четверка нераскаявшихся еретиков?

Может быть, это были священные книги, рукописи основателей учения, в которых заключались сакральные тайны? Может быть, это были какие-то очень важные реликвии? Во всяком случае уносимое во тьму никак нельзя было оставлять в руках христиан.

Однако спасавшие свою реликвию бедные катары даже и предположить не могли, что благополучный исход их из осажденной крепости не остался незамеченным. Невидимые, но всегда оказывающиеся в нужный момент и в нужном месте рыцари Храма помогли осуществиться этому грандиозному побегу. Это они, воины Христовы, вовремя сняли охрану и втайне следили за беглецами, делая все возможное для успеха столь необычного предприятия.

То, что уносили с собой нераскаявшиеся еретики, было предметом многолетних поисков и самих храмовников, перерывших до основания почти весь Иерусалим.

Куда могли убежать катары со своим свя-

щенным грузом? Путь их лежал к местечку под названием Ренне-ле-Шато, расположенному неподалеку от крепости. С него началось наше повествование. Много веков спустя после той памятной мартовской ночи простой сельский священник окажется на грани безумия, когда судьба позволит ему слегка соприкоснуться с одной из древнейших тайн мира.

Землями в районе Ренне-ле-Шато испокон веков владел род Бланшфоров. Они искренне сочувствовали катарам, и еретики именно там надеялись найти тайное убежище. Однако у Бланшфоров была и другая жизнь. Этот род дал миру знаменитейшего Великого Магистра ордена тамплиеров по имени Бертран, который стоял во главе храмовников с 1153 по 1170 год. Благодаря усилиям этого славного рыцаря некогда безызвестная корпорация, напоминающая монашескую общину, приобрела мощную организационную структуру, строгую военную дисциплину, богатейшие финансы и смогла стремительно ворваться в высшие эшелоны власти как во Франции, так и во всем христианском мире.

К сожалению, все эти подробности не были известны бедному Гийому де Ногаре, который в слепой злобе своей даже и предположить не мог, насколько он, катар и «совершенный», близок к ордену Храма и его тайным мистериям. Пожалуй, в этом и заключалась одна из причин описываемой нами трагедии.

Вызов судьбе

Во время пребывания короля в замке Тампль храмовники вели себя так, словно сознательно бросали вызов судьбе. Своим поведением они подчеркивали свою полную независимость от королевской власти. Король был лишь гостем, хотя и почетным. Его водили повсюду. С ним рядом всегда находился Магистр, а также Гуго де Пейро, Жоффруа де Гонневиль и Жоффруа де Шарне. И хотя за стенами мощной башни продолжала бесчинствовать толпа, тамплиеры никак не проявляли своего беспокойства по этому поводу. Взять подобный замок, да еще с таким гарнизоном, разбушевавшимся простолюдинам вряд ли было возможно.

Когда назойливый шум толпы становился невыносимым, то по приказу Магистра за ворота замка посылали небольшой отряд рыцарей, состоящий из закаленных бойцов, уже успевших показать свою доблесть в недавних битвах с сарацинами. Эти мрачные воины с алыми крестами на белых туниках молча выезжали по двое в ряд и вставали как вкопанные у самых ворот. Они были подобны в этот момент каменным изваяниям. Их невозмутимый и грозный вид магически действовал на толпу, и шум постепенно стихал.

Люди боялись храмовников. Это был какой-то первородный страх дикаря перед всем мистическим и неведомым.

Король из окна башни внимательно наблюдал за происходящим. Оно раздражало и злило пове-

лителя. А тамплиеры словно не обращали ни малейшего внимания на состояние короля, оставаясь почтительно холодными и недостижимыми.

А затем, будто желая испытать судьбу еще больше, иерархи ордена решили пригласить Филиппа Красивого в свое хранилище и показать ему хотя бы часть тех несметных сокровищ, которыми владели храмовники.

Сокровищница располагалась в глубоком подвале. Впереди с факелом в руках шествовал рыцарь сопровождения и указывал дорогу. Филипп вновь должен был спуститься под землю, и это зародило в нем немало неприятных мыслей и чувств. Наконец короля оставили одного в хранилище с зажженными по углам факелами. Помещение было таким огромным, что в тени, отбрасываемой светильниками, нельзя было различить очертаний стен. Филипп решил обойти его по периметру. Затем он не выдержал и остановился у одного из сундуков.

Еще ни разу за всю свою жизнь король не видел такого количества золота, собранного в одном месте. Здесь были монеты со всех частей света. Они лежали в огромных кованых сундуках, и можно было беспрепятственно подойти и взять пригоршню золота или серебра, а затем, как простой песок, высыпать все назад, и монеты при этом издавали чарующий металлический звук. Деньги пели, пели, как сирены из древней мифологии, и пением своим сводили с ума бедного короля. Ни братьев, ни Мариньи тамплиеры так и не пустили в свое хранилище. Это зрелище предназначалось

только для Филиппа. Король ходил от сундука к сундуку, брал пригоршню золота или серебра и опять наслаждался металлической музыкой. Ему казалось, что все богатства мира собраны именно здесь, в этой комнате.

Посреди комнаты на специальном постаменте находилась корона английского монарха. Ее тоже можно было взять и примерить. Как просто! Не надо войн, не надо армии и дорогостоящего флота. Вот она, вожденная цель! Взял и надел на голову, и никто не сможет воспрепятствовать тебе, потому что эту корону сдали на хранение, потому что она, как и все на земле, имеет свою цену и, следовательно, ее можно купить, не проливая при этом ни капли христианской крови. Как просто!

Может быть, точно так же следовало скупить все земли Востока, включая и Иерусалим, за который было отдано столько жизней?

В отдельном футляре, украшенном алмазами, помещался золотой ливр, эталон всех денег, которые имели хождение в землях и провинциях, принадлежавших французской короне. Завладев им, можно получить власть над самой душой денег, над душой этого звонкого металла, если у него имеется таковая.

Филипп взял было его, но тут же положил назад.

Вот оно, единственное стабильное место на земле, единственное спасение от бурь и невзгод, — подвал тамплиеров. Если бы крестоносцы, отправлявшиеся воевать Гроб Господень,

знали, в чем дело, они бы и с места не сдвинулись, а занялись бы ростовщицеством, чтобы скупить в конечном счете корону султана и всю Святую Землю в придачу.

И вот разгадка всех бед. Тамплиеры не воевали, а торговали. Вернее, они делали вид, что воевали, а на самом деле заключали сделки, подписывали договоры, брали со всех расписки. Они обворовывали своих же братьев рыцарей, а когда нужно, и предавали их.

Дед, Людовик Святой, первый заподозрил неладное. Правильно, после поражения при Дамiette храмовники за спиной деда вступили в переговоры с Дамаском. Дед первым делом низложил за такое предательство тогдашнего Великого Магистра в присутствии мусульманских послов, и Магистр вынужден был взять назад слово, данное неприятелю, а затем встал перед Людовиком на колени, прося у него прощения. Сделка не состоялась. Как истинный христианин дед хотел омыть кровью, а не деньгами свои победы. Тамплиеры же за его спиной лишь договаривались с неверными и торговались с ними. Они просто променяли крестоносцев на золото и серебро.

Филипп вновь подошел к сундуку и вновь взял, а затем высыпал монеты назад.

«Вот они, храбрые воины, — думал он. — Вот во что превратились их доспехи, вот во что спрессовалась их плоть, а дух исчез, исчез навсегда. Может быть, этот золотой ливр и есть плод всех нечеловеческих усилий моего святого деда? Вон

сундук, где лежат лишь дорогие кресты, захваченные еще в Константинополе. Униженные драгоценными камнями, они уже и не нуждаются в вере. На таком кресте Спасителю нашему было бы очень неудобно: так больно впивались бы все эти камни в его и без того истрадавшуюся плоть. Я понял, эти камни на крестах, которые хранят в своих подвалах тамплиеры, — это выражение богохульства, первое доказательство ереси. Так в скрытой форме они и дальше хотят издеваться над Тем, Кто принес спасение миру. Пусть, мол, повисит на этих камнях, пусть Ему еще больнее будет. Разве растут на земле деревья из золота и серебра, да еще униженные алмазами, сапфирами и изумрудами? Это издевательство над природой, созданной Богом. Такие деревья, из которых и сделаны были подобные кресты, могут произрастать лишь в адских кущах.

Золото — вот Бог тамплиеров. Золото, а не Христос. Но тогда чем они, собственно говоря, отличаются от тех же иудеев? Те продали Спасителя за тридцать сребреников. Кажется, я нашел выход. Раз церковь благословляет христиан на то, чтобы забирать у евреев их нечистое золото, то ровно то же самое можно сделать и по отношению к рыцарям Храма. Они слишком долго жили вдали от христианского мира и слишком полюбили золото, чтобы сохранить в душах своих истинную веру».

Через потайное слуховое окно Магистр и его приближенные по очереди смотрели за тем, как ведет себя король Франции в сокровищнице орде-

на. Они видели, как Филипп с любовью и наслаждением пересыпал сначала монеты в сундуках, как он затем подошел к королевской короне и осторожно, оглядываясь по сторонам, примерил ее, как взял золотой ливр... Но когда король подошел к сундуку, где хранились драгоценные византийские кресты, Магистр и его приближенные прочитали во взгляде Филиппа неподдельный гнев.

— Братья мои, — произнес де Моле, отходя от слухового окна, — кажется, мы добились того, чего хотели. Гнев короля неминуемо падет на нас, и произойдет это довольно скоро. Я предвижу, что нам предстоит в недалеком будущем принять мученическую смерть, и потому нам надлежит заранее побеспокоиться о том, в каком виде орден сможет сохранить свою власть даже тогда, когда он исчезнет навсегда для мира видимого и суетного.

— Аминь, — хором ответили ему другие иерархи.

Трагедия начинала набирать обороты и приобретала уже необратимый характер.

Процесс

Исповедь

-Вам есть в чем признаться суду? — спросил председатель у подозреваемого. — Нет. Я ничего не совершал! — прокричал в отчаянии Эскен.

Председатель кивнул, и два служителя, взяв под руки перепуганного человека, отвели его в подвал, где располагалась камера пыток.

Как попал этот слабый человек и бывший тамплиер в руки правосудия — история не знает. Ясно одно, что совесть его была нечиста. Однако многие историки считают, что именно признания Эскена де Флойрана и послужили началом одного из самых знаменитых судебных процессов в истории человечества.

Появление в рядах некогда монолитного по своему составу ордена таких людей, как Эскен де Флойран, было обусловлено самим временем. К

сожалению, тамплиеры не могли избежать общей деморализации, которая к началу XIV века охватила все монашеские ордена; среди них появилось немало людей бессовестных, искателей приключений, готовых на всякое преступление, которое сулило им какую-нибудь выгоду.

Всевозможные крестьяне: земледельцы, пастухи, свинопасы, ремесленники, домашняя прислуга — были за последнее время приняты в большом количестве в орден и в конце концов составили в нем девять десятых. Правда, они отличались от рыцарей тем, что носили коричневую одежду вместо белой, но в своих сношениях с внешним миром они были настоящими членами ордена, облеченными неприкосновенностью и пользующимися всеми привилегиями.

От этого, бесспорно, страдала дворянская чистота и гордость храмовников, что и должно было выявиться в неизбежном предательстве. Люди низкого звания, находящиеся в качестве слугителей, жаловались, что их знатные братья относятся к ним с презрением и притесняют их. Часть храмовников, носящих коричневую одежду, жаждала всеми правдами и неправдами проникнуть в разряд тех, кто имел право носить белую тунику.

Так, в статутах приводится следующий случай: один рыцарь был принят как потомок знатного рода; но его земляки из простой зависти заявили, что он не был сыном благородного человека. Тамплиера специально вызвали из Антиохии на капитал, где была установлена истинность этого заяв-

ления. С провинившегося сняли белый плащ и надели на него коричневый. Наставник, принявший его, был в это время в Европе. Когда он вернулся в Сирию, от него потребовали отчета в этом деле. Наставник объяснил, что действовал согласно приказаниям, полученным им от своего командора из Пуату. Ввиду того, что он считался хорошим рыцарем, его оправдали, а в противном случае и он лишился бы белой одежды.

Однако не всегда подобные расследования давали успешный результат, и толпа случайных людей буквально наводнила орден: коричневые проникали в разряд белых, а некоторые белые вели себя хуже коричневых.

Кроме того, за долгую и бурную историю ордена к началу XIV века много старых его членов было изгнано за дурное поведение. Эти люди ничего не теряли, удовлетворяя свое мщение. Появилось также много отступников, изгнание которых было вопросом времени. Наплодилось к тому же и немало развратников, всегда готовых по первому предложению королевских законников дать свидетельские показания, какие угодно и о чем угодно.

Храм разрушал себя сам, расплачиваясь таким образом и за свою гордыню, и за свою слишком уж активную жизнь у всех на виду. Белый плащ тамплиеров оказался слишком запятнанным коричневой грязью.

А по пятам ордена все последние годы шел королевский легат Гийом де Ногаре. Он собирал на всякий случай показания ненадежных людишек.

Однако жемчужиной его «коллекции» были признания Эскена де Флойрана. Они и стали началом бесчисленных томов будущих обвинений.

По законам тогдашнего судопроизводства ни о какой презумпции невиновности и речи не могло быть. Раз Адам и Ева совершили некогда первородный грех, то печать его неизбежно ложилась на каждого, а следовательно, любой из смертных был виновен уже с самого рождения, и поэтому признавать его первоначальную невиновность, как это делали проклятые римские язычники, не имело никакого смысла.

По мнению одного из идеологов инквизиции, Парамо, первым инквизитором был Бог, а образцом инквизиторского судопроизводства можно считать осуждение Адама и Евы.

Приведем лишь небольшой отрывок из «Молота ведьм» — книги, написанной двумя учеными монахами, Яковом Шпенгером и Генрихом Инститорисом. Упомянутые монахи в сотрудничестве с демонологами Нидером и де Лепином выработали систему правил, при помощи которых инквизиторы могли обнаруживать виновных. По мнению историков, это была одна из самых губительных книг, которые когда-либо знавала всемирная история. Она стала катехизисом инквизиции, и с тех пор смертоносные костры запылали по всей Европе. В течение двух с лишним столетий на эти костры было возведено около 9 миллионов человек.

Итак, что же писали монахи Яков и Генрих по поводу презумпции невиновности:

«ОБЪЯСНЕНИЕ,
ПОЧЕМУ БОЖИЙ ПРОМЫСЕЛ
НЕ СОТВОРИЛ
БЕЗГРЕШНУЮ ПРИРОДУ СОЗДАНИЙ

Если бы было возможно одарить природу человека безгрешием, что, однако, не исключено, то Вселенная не была бы совершенной. А совершенство ее заключается в том, что все возможные блага созданий даны им.

Создав человека, Бог дал ему свободную волю. Ему свойственно по желанию приступить к работе и оставить ее, бояться падения или не бояться. Так как иметь возможность грешить — значит иметь возможность по своему желанию отдаляться от Бога, то поэтому ни человек, ни ангел не могут приобрести по своей природе совершенство безгрешности. Бот не мог этого им дать вместе со свободой воли. Свободу воли и безгрешность по своей природе столь же трудно совместить человека в его несовершенстве, как указать что-нибудь, что было бы и мертво и живо в одно и то же время».

Считалось, что истязание плоти помогает освободиться душе от власти дьявола. пытки были официально признаны в 1252 году папой Иннокентием III. Они воспринимались юристами того времени как особое искусство, не лишенное изящества и требующее знаний в области психологии и богатой интуиции у того, кто пытался добиться истины, поджаривая человека на медленном огне или выво-

рачивая ему суставы на дыбе. Вся процедура была рассчитана до мелочей и имела целью сломить сопротивление даже очень сильного человека, обладающего крепким здоровьем и железной волей. В идеале палачи должны были добиться признания в ереси даже у самого святого Антония, не говоря уже о простом смертном.

Так, поначалу подозреваемому лишь показывали орудия пыток, детально знакомя его при этом с тем или иным нехитрым устройством. Уже одно подобное знакомство вносило в душу осужденного страшное смятение.

Если первая превентивная мера не помогала, то перед подозреваемым открывалась перспектива пройти все этапы этого дьявольского представления, в котором главным действующим лицом был, конечно, сам истязаемый. Палачи почти всегда относились к нему с особым почтением, как хороший скульптор, который был обязан подготовить и полюбить тот материал, из которого ему предстояло высечь или вылепить свое творение.

Эскен оказался настолько слаб, а вина его была столь очевидна, что он возопил о пощаде и признался во всех грехах как свершенных, так и воображаемых, лишь увидев дыбу. Отметим, что это нехитрое приспособление с воротом, прикрепленным к потолку, и веревкой не считалось гвоздем программы, которую всегда готовы были продемонстрировать в полной мере славные мастера цеха палачей.

От испуга Эскен вдруг впал в транс и с трудом

уже мог различать, где кончается реальность, а где начинается то состояние священного бреда, в который, по замыслу инквизиторов, и должен был впасть каждый, кто имел случай познакомиться с их страшным искусством.

В этот бред испытываемый чаще всего впадал уже в тот момент, когда он оставался наедине с собой в камере. Часы, проведенные после пытки или после обычного предварительного устрашения, считались, может быть, самыми важными. Непосредственно ни боли, ни страха уже не было, но их неизгладимый след начинал производить в душе самую важную работу. Страх перед болью давал душе особую возможность увидеть происшедшее в ином, неземном, мистическом свете.

И тогда наступал час писцов. Они записывали все бредовые и невероятные показания. Такие признания не стал бы рассматривать ни один даже самый предвзятый современный суд. Но дело в том, что инквизиция как раз такие откровения на уровне видений и считала истиной. И чем необычнее с точки зрения здравого смысла, чем таинственнее и парадоксальнее были подобные признания, тем большее удовлетворение испытывал и палач, и сам инквизитор.

Оставшись наедине с самим собой, Эскен вдруг почувствовал некое чужеродное присутствие. В бреду он решил, что это сам дьявол проник сквозь толстые тюремные стены. Эскен уже ясно видел, как душа его пылает в адском огне. Он бросился на колени и стал молиться.

— Исповедуйся, исповедуйся, сын мой, — произнес вдруг мрачный голос, который донесся из противоположного угла камеры. — Милость Господа нашего не знает границ.

Эскен замолчал на полуслове, чувствуя, как холодный пот покрыл все его тело. Он медленно обернулся в ту сторону, откуда донесся этот замогильный голос. Там ничего нельзя было различить, кроме густого непроницаемого мрака. Священный бред как естественное последствие общения со святой инквизицией набирал силу. Сейчас из темного угла должен был явиться сам сатана и унести душу Эскена в ад.

— Кто?! — закричал тамплиер во весь голос, сам удивляясь себе. — Кто говорит со мной из тьмы? Явись! Я жду!

И вновь мертвая тишина. И вновь бедный Эскен изо всех сил пытался разглядеть хоть что-нибудь.

— Отвечай! — закричал заключенный. — Кто ты: демон или ангел?

«Демон или ангел», — успел записать скриптор, который сидел у слухового окна с противоположной стороны тюремной стены и аккуратно фиксировал важные показания подсудимого. Его первое признание, сделанное под угрозой пытки, не удовлетворило судью, и душа инквизитора начала испытывать страшные мучения. Судье вдруг показалось, что он сам готов подпасть под обаяние дьявольских чар, и поэтому инквизитор решил записать слова заключенного уже тогда, когда его по-

допечный по всем законам должен был впасть в состояние откровения.

— Отвечай! — не унимался Эскен.

— Я всего лишь бедный храмовник, втайне обвиненный своими братьями, — отозвался невидимый собеседник.

Эскен встал с колен и медленно пошел на голос.

Скриптор не мог записывать реплики того, чей голос для него просто не существовал. Душа грешника путешествовала сейчас по своим, только ей ведомым лабиринтам и закоулкам. Переписчик лишь фиксировал реальную часть разговора, то есть слова Эскена, и больше ничего. Завтра инквизитор обязательно напомним заключенному об этом странном разговоре с призраком и потребует признаний.

Когда Эскен скрылся в тени, то смог различить во тьме фигуру старика, больше похожего на мертвеца. Лишь немигающие, глубоко посаженные глаза смотрели на заключенного из Темноты, излучая странный свет. Голос вновь произнес:

— Не бойся меня, сын мой. Я не кто иной, как дряхлый старец, который давно уже не видел дневного света. Назови мне свое имя.

— Эскен... Эскен де Флойран.

— Каковыми бы ни были грехи твои, сын мой, они все равно не идут ни в какое сравнение с тем, что свершили наши братья по ордену. Ордену Храма. Не бойся. Ничего не бойся, ибо всегда приятно осознавать, что есть грешники куда виновнее тебя перед ликом Божьим, — произнес старец,

и глаза его, казалось, стали светиться еще больше. — Приблизься ко мне, сын мой. Мне осталось слишком мало жить на этой земле. Небо послало мне тебя. Я должен рассказать тебе нечто очень важное.

— Как же я могу принять вашу исповедь? — слабым дрожащим голосом возразил было Эскен. — Я не являюсь капелланом. Я могу впасть в грех.

Эти слова скриптор записал с особым вниманием и даже выделил их. Инквизитор обязательно спросит у заключенного, о каком грехе шла речь во время ночного разговора с тем, кто явился из мрака.

— Бог простит и это, сын мой, — произнес старик. — Он всегда всех прощает.

Эскену показалось, будто время прекратило свой бег. Сейчас он находился в другом мире. Святые отцы рассказывали о подобном опыте общения с потусторонними существами. Перед ним сидел не человек, а его тень. Старик был настолько дряхлым, что напоминал истлевший лист пергамента. Одно неловкое движение, и от этого свидетельства прошлого ничего не останется. Если это действительно был тамплиер, то по своему древнему виду он должен был помнить еще самого основателя ордена Гуго де Пейна. Призрак заговорил:

— Я брат Тьерри. Я хочу исповедаться перед тобой. Я один из самых старых тамплиеров. Все мои ровесники уже давно в могиле. Да, я воин Христов, может быть, самый верный на свете.

Старик вновь замолчал. Действительно, голос его становился все слабее и слабее. Эти передышки ему были просто необходимы.

— Я хорошо помню день моего вступления в орден. Мне кажется, что это было только вчера. «Господин мой, вот предстал я перед Господом моим и перед братьями моими и молю вас: ради Спасителя нашего, Иисуса Христа, ради Пречистой Девы Марии примите меня в свое братство и дайте мне кров и приют в доме вашем». Произнося сии слова, я стоял коленопреклоненным перед своим наставником, одетым во все черное, а рядом стояли братья в белых мантиях с вышитыми красными крестами. «Возлюбленный брат, — ответил мне наставник. — Сейчас вы способны увидеть жизнь ордена лишь с внешней стороны: прекрасные лошади, богатая сбруя, обильные угощения за столом да добрый, приветливый нрав. Но вы ничего не ведаете о тех суровых заповедях, которыми живет орден и по которым вы, человек, считающий себя господином своих поступков и желаний, обязаны будете превратиться в раба, полностью отказавшегося от своей воли и принадлежащего только другим. Самым тяжким наказанием для вас будет никогда и ничего не делать в соответствии только с вашей собственной волей. Например, если вам очень захочется остаться в Триполи, или в Антиохии, или в Армении, то по первому приказу вы обязаны будете отправиться в Пуьи, на Сицилию, в Ломбардию, во Францию, в Бургонь или в Англию, а также во многие другие земли, где у ордена

есть свои владения. А если вам захотелось отдохнуть и поспать, то орден разбудит вас, а если пришла охота бодрствовать, то орден вполне может приказать вам остаться в постели. Какое место вам предназначено будет за столом и что подадут на обед — это все только заботы ордена, но не ваши. А теперь еще раз внимательно взгляните в тех братьев, что стоят рядом с вами, и задайте себе откровенный вопрос: способны ли вы выдержать все эти трудности, а главное, способны ли полностью отказаться от собственной воли?»

«Да, господин мой, — не задумываясь ответил я, — я вынесу все, что будет угодно Господу нашему ниспослать мне в качестве испытаний».

Мне казалось, что произнесенные слова сами слетели с моих уст.

На этом старик вновь замолчал, и огромные глаза его на какое-то мгновение погасли. Затем он заговорил вновь:

— Я был рыцарем свиты сенешаля ордена, брата Гийома. В одной из битв в Святой Земле стрела пронзила ему бок. Мне удалось вытащить своего друга с поля боя и поместить его в покоях нашей крепости.

Умирая, он сделал признание, которое перевернуло всю мою душу до основания и которое я нынче должен передать тебе. Так слушай. Мы, рыцари Храма, как никакой другой орден, должны хранить веру в сердцах своих. Много лет приходилось нам странствовать по землям ислама. Подобные испытания не могли пройти бесследно. И наши

Магистры пришли к идее создать некий план, в соответствии с которым все земли христианского мира должны уподобиться Святой Земле. Они решили основать древнюю власть жрецов, которая была известна еще в Египте. За спиной короля и его министров страной и миром станут управлять жрецы, посвященные, члены нашего ордена, которые и будут направлять общую жизнь людей в том направлении, в каком они сочтут нужным. Но для осуществления этой цели ордену следовало уничтожить власть королей и церкви.

На следующий день на допросе Эскен поведал инквизитору о своем ночном собеседнике и получил отпущение грехов. Гийом де Ногаре не преминул воспользоваться этими показаниями.

Королевский совет в Мобиссоне

-И так, мессир де Мариньи, какие новости? — Ни одной плохой, ваше величество. Я только что из Парижа. Бунт усмирен. В Тампле после вашего отъезда все по-прежнему. Рыцарям еще раз был обещан протекторат папы.

Филипп сидел сейчас в своем любимом кресле, рассматривая на противоположной стене фламандский ковер, который украшал покои в Мобиссонском аббатстве. Король собрал своих верных слуг накануне государственного совета, чтобы обсудить с ними важные дела. При словах Мариньи Филипп резким движением вскочил с кресла и заходил ши-

роким решительным шагом из угла в угол. Затем он остановился перед своим камергером, которого с недавних пор начал называть суперинтендантом королевства, и пристально посмотрел на Мариньи.

— Мы должны заставить Магистра подчиниться королевской власти! — неожиданно громко произнес Филипп. Выдержав небольшую паузу, владетель Франции продолжил: — Глупый старик. Он все еще хочет играть в эти игры и считает себя совершенно независимым. Что ж, придется показать ему, кто является истинным правителем в этой стране. Я слышал, будто тамплиеры собирались после падения Святой Земли сделать мое королевство своей резиденцией. Тевтонские рыцари покинули Восток, чтобы основать свое государство среди язычников на северо-востоке Европы. Может быть, тамплиеры хотят сделать нечто подобное по отношению к югу Франции, чтобы быть поближе к Риму? Не случайно их подозревали в сношениях с катарами?

— Сир, я думаю, что это досужие домыслы, — неожиданно вмешался в разговор Гийом де Ногаре.

— Почему вы так уверены?

— По вашей милости, являясь вашим представителем при папском престоле еще в правление еретика Бонифация VIII, могу сказать, что подробнейшим образом изучил дела инквизиции относительно катар. И мне не удалось обнаружить никакого намека, даже самого слабого, на то, что эти отношения могли иметь место.

— Хорошо, хорошо! Я вам верю, Ногаре. Но

слухи тоже не возникают без причины. Кому, как не нам, знать об этом.

И король вновь принялся расхаживать по комнате.

— План, который я собираюсь обсудить сейчас с вами, по моему разумению, должен быть осуществлен как можно скорее и любой ценой. Надо наказать этих возгордившихся предателей. Это по вине тамплиеров было сорвано взятие крепости Аскалон. Тогдашний Магистр, желая разграбить город с помощью только своего ордена и тем самым получить наибольшую добычу, приказал завалить пролом в стене, и победа буквально уплыла из рук христиан. А вспомните Фридриха II! Император был настолько недоволен поведением тамплиеров во время крестового похода, что решил изгнать их из Сицилии и конфисковать владения рыцарей. Я уж не говорю о Людовике Святом, моем славном деде. Тамплиеры и тогда решили устроить торг за его спиной.

— Сир, — желая подлить масла в огонь, начал Ногаре. Известие о том, что король скрылся во время денежного бунта в замке Тампль, сильно его озадачило. Ногаре даже стал подумывать о побеге. Филипп вполне мог выследить своего легата и обнаружить приверженность последнего ереси катар. Но кажется, все опасения были напрасными. Во время бунта король был сам напуган, и его появление в Тампле объяснялось лишь игрой слепого случая. А сейчас повелитель хочет просто выместить свое унижение на тех, кто стал невольным

свидетелем королевского позора. — Сир, позвольте напомнить вам о возмущениях самой Церкви относительно непристойного поведения некоторых служителей ордена Храма. В качестве собирателей податей рыцари принимают в свои ряды всех кого ни попадя, лишь бы платили соответствующий вступительный взнос. Так вот, один из таких служителей — неграмотный мирянин, ведущий беспорядочный образ жизни, — избил в кровь викария одной церкви.

— Спаси и сохрани! — быстро перекрестился король, моментально впадая при подобных «страшных» рассказах в свою обычную набожность. — И дальше, дальше что было?

— А дальше он совершил еще более дерзкий проступок, — продолжил легат, радуясь, что нащупал нужную тему и сумел завладеть вниманием короля. — Когда епископ запретил провинившемуся присутствовать при богослужении, пока он не очистится, собиратель податей, пользующийся как храмовник привилегией неприкосновенности, силой заставил священника отслужить обедню. Говорят, что епископ совершенно случайно избежал позорного избиения. А вспомните Иннокентия III. Папа часто говорил, что его апостольский слух постоянно возмущается жалобами на поступки рыцарей.

— Напомните, напомните мне об этом, Нежаре. Я вижу, что не зря сделал вас послом в Риме. Вы сумели узнать там немало полезного.

Ногаре любезно поклонился и продолжил:

— Папа Иннокентий III говорил, что рыцари

Храма, нарушая божеский закон, позоря Церковь, с вызывающей надменностью злоупотребляют огромными привилегиями, которые были представлены им. Они дают свой крест всякому бродяге, который соглашается платить им ежегодно два или три денье, и думают, что подобные служители могут выполнять обязанности духовенства и имеют право на христианское погребение даже тогда, когда над ними тяготеет отлучение от Церкви. Сокращенные таким образом демоном, они, в свою очередь, сокращают души верных.

— Спаси и сохрани! Спаси и сохрани! — вновь начал осенять себя крестным знаменем Филипп Красивый.

Мариньи, чувствуя, что уступил Ногаре пальму первенства в своем влиянии на короля, решил вступить в разговор и продемонстрировать свои познания и в этой области, а не только в том, что касалось финансов.

— Сир, я знаю, что при своем основании орден еще не проявлял никаких признаков опасной ереси. Сам святой Бернар благословил рыцарей. Все началось с того, когда один из Магистров попал в плен к вавилонскому султану. Он получил свободу при условии, что введет в орден антихристианские обряды. А еще я слышал, что в первые времена два тамплиера ездили верхом на одной и той же лошади. В одной из битв сидевший спереди поручил себя Христу и был тяжело ранен; другой поручил себя тому, кто лучше поможет ему, и остался невредим. Этот второй был, говорили, демоном, при-

нявшим человеческий образ; он сказал своему раненому другу, что если бы он захотел уверовать в него, то могущество и богатство ордена увеличились бы. Тамплиер дал себя совратить, и с этого дня нечестие и заблуждения воцарились среди храмовников.

— Наивно, Мариньи, но вполне в народном духе. Можно распространить как слух. Позаботьтесь об этом, — отметил король. К этому моменту Филипп уже перестал ходить из угла в угол. Он застыл посреди комнаты, обдумывая что-то очень важное. — Дорогой Ногаре, я поручил вам как-то допросить этого перебежчика. Забыл, как его звали...

— Эскен де Флойран, сир.

— Вот-вот. Расскажите, что поведал вам этот Эскен.

Ногаре с трудом сейчас сдерживал охватившее его радостное волнение. Неужели все складывалось именно так, как он хотел? Допрос состоялся уже давно, в 1304 году, то есть два года назад, и Гийом даже решил, что король забыл о своем поручении. Но вот все сомнения позади. Филипп не на шутку заинтересовался делом храмовников. А тогда, в июне 1304 года, король Франции демонстративно подтвердил все привилегии тамплиеров и, несмотря на признания Эскена де Флойрана, в октябре того же года издал указ, которым рыцарям Храма предоставлялись новые привилегии, да еще в горячих выражениях восхвалялись их заслуги перед христианским миром. Тогда Ногаре потерял вся-

кую надежду в скором времени расправиться с ненавистными рыцарями с помощью короля. Значит, что-то очень существенное, что-то очень важное заставило Филиппа изменить свое отношение к ордену. Подул ветер удачи, и теперь остается лишь молиться Богу Света всех катар, чтобы ветер этот не изменил направления. Теперь держись, последний бастион папства! Пожалуй, ему, Гийому де Ногаре, удастся все-таки раздуть очистительный пламень мести и сжечь в нем сначала тамплиеров, а затем и все остальное.

— Сир, — произнес вслух королевский легат и поперхнулся, — Сир! Упомянутый вами Эскен де Флойран говорил на допросе, что орден давно вынашивал план упразднения королевской и папской власти. Утратив свои владения в Святой Земле, они решили подчинить себе весь христианский мир, установив повсюду власть жрецов, которые бы правили за спиной короля и его министров. Роль жрецов орден решил взять на себя.

— Прошу вас обоих, как самых верных моих слуг, возьмите это дело ц свои руки, и немедленно. На ожидания уже нет времени. Начните немедленно осуществлять наш план. Залепите уши воском. Не слушайте ни папу, ни придворных. Не принимайте у себя никаких просителей, которые начнут появляться у ваших дверей от лица Святого престола или самих рыцарей. Будьте непоколебимы. Найдется немало языков, готовых упрекнуть нас в том, что мы действуем не ради справедливости, а преследуем другие цели. План мой прост и поня-

тен. Я решил, что если под мою крепость роют подкоп, чтобы взорвать стену, то следует рыть навстречу и плану храмовников противопоставить свой собственный. Надо в один день внезапно арестовать всех тамплиеров, которых удастся отыскать на территории моего королевства.

— Как?! — в один голос воскликнули глиняные человечки Филиппа Красивого и повскакали с мест.

Королю понравилось, что он так удачно смог дернуть своих марионеток сразу за все ниточки. Ему удалось удивить даже тех, кто претендовал на талант читать мысли повелителя Франции.

— Да! Именно так. Сегодня на большом совете я отдам приказ об аресте тамплиеров. Но, чтобы достичь цели, надо быть осторожным и предусмотрительным, поэтому то, что услышит совет, будет лишь частью плана. Вам же как своим преданным слугам я доверяю само его исполнение и наделяю вас огромными полномочиями.

— Но, сир, — обрел наконец голос Мариньи, — разве у нас достаточно сил, чтобы провести подобные аресты?

Король вновь зашагал по комнате. Если он вылепил этих уродцев из глины и сделал своими слугами, то это их дело придумывать, как осуществить его, Филиппа, самые смелые замыслы. Ногаре прочитал эту мысль во взгляде своего повелителя и понял, что настал его час.

— Смею заверить вас, дорогой мессир Мариньи, что подобной силой мы располагаем.

При этих словах король остановился и, стоя

спиной к своим собеседникам, стал терпеливо ждать продолжения. Увидев, с каким вниманием король отнесся к его словам, Ногаре понял, что фраза, брошенная между прочим из простого желания утереть нос королевскому камергеру, может сейчас либо погубить его, либо помочь вознестись на недостижимую высоту.

Филипп стоял и ждал продолжения, а Ногаре думал, как ему вывернуться. «Что погубило катар? — рассуждал лихорадочно легат. — Катар погубило то, что их называли еретиками. Какая ирония судьбы! Теперь и тамплиеров следует обвинить в том же самом. Надо лишить их ореола святости и защитников христианства. И тогда против рыцарей ополчится весь христианский мир. От испуга предателей станет все больше и больше, и орден начнет разрушаться изнутри, превращаясь в колосса на глиняных ногах».

Не выдержав затянувшейся паузы, король повернулся к своему легату.

— У вас дурная манера, Ногаре, замолкать на самом интересном месте. Итак, я слушаю. О какой силе вы собирались поведать нам?

— Эта сила превосходит мощь любой армии. Она может сломить сопротивление десяти таких орденов, как храмовники. Я имею в виду Матерь нашу Святую церковь.

— Так, так. Предлагаете, как и в случае с безбожным папой Бонифацием VIII, объявить тамплиеров еретиками?

— Предлагаю просто собрать воедино показав-

ния свидетелей и отправить храмовников на костер. Сир, перед нами простая юридическая проблема, и больше ничего. Я недаром получил степень доктора права в Монпелье. Что-что, а подобный процесс я смог бы организовать и запутать всех в юридических тонкостях, в которых не очень-то разбираются наши враги. Отныне ведь я могу считать тамплиеров нашими врагами?

— Можете, можете, — медленно произнес король.

Филипп вплотную подошел к своему легату и положил ему руку на плечо. Голем оказался хитрее и умнее, чем он предполагал.

— Мстите за то, что вас отлучили от Церкви?

— Меня отлучил еретик, а значит, этот акт юридически не имеет силы.

— Тогда зачем вам это?

Вопрос был задан напрямую и требовал немедленного ответа. Не рассказывать же, в самом деле, внуку Людовика Святого о своей приверженности ереси катар и об очистительном пламени. Впрочем, на какое-то мгновение в душе легата родился соблазн прокричать королю прямо в лицо все, что он думает на самом деле, а там — будь что будет.

Филипп заметил странный блеск во взоре своего слуги и понял, что Ногаре недоговаривает чего-то самого главного. Однако не стал настаивать. К этому можно вернуться и позднее. Глиняный человек возомнил себя слишком самостоятельным. Пусть потешится. Предложенный ход в этой сложной политической интриге был действительно вели-

колепен: заменить назревающую гражданскую войну простым судебным процессом. Но такая мысль достойна лишь головы короля, а не его слуги.

За этим карликом нужен глаз да глаз. Пусть поможет расправиться с храмовниками, а там и его можно будет вернуть в прежнее состояние.

— Что ж! Подготовьте все для будущего процесса.

— Как будет угодно вашему величеству.

— Сегодня на совете я лишу архиепископа Нарбоннского звания хранителя королевской печати и передам эту должность вам, Ногаре.

Филипп бросил быстрый взгляд в сторону Мариньи и увидел блеск зависти и злобы, который на секунду прожег зрачки верного камергера. «Сначала битва титанов, сначала тамплиеры, а потом позабавлюсь борьбой карликов, — подумал король. — Нет, власть — это не только бремя, но и прекрасное развлечение. Хоть так можно бороться с бессонницей и ночными кошмарами».

Карлики остались за тяжелой дверью и слышали лишь, как король произнес: «Пишите, мессир Майард. Сего дня 14 сентября года одна тысяча триста седьмого от рождества Христова я, король Франции, приказываю арестовать всех тамплиеров, которые окажутся на территории моего королевства».

И больше уже ничего нельзя было разобрать в поднявшейся буре голосов и в грохоте падающих на пол тяжелых кресел.

Арест

« **С** горечью и обидой в сердце видим мы эти ужасные, достойные всяческого порицания примеры отвратительнейших преступлений, слушаем историю чудовищных злоумышлений, мерзких позорных деяний, поистине дьявольских, чуждых роду человеческому».

Этой фразой начинались тайные предписания Филиппа Красивого, обращенные к бабьи и сене-шалам на территории всей Франции. Предписания эти были разосланы 14 сентября 1307 года, чтобы указанные чиновники предприняли соответствующие меры для арестов тамплиеров во всем королевстве.

Король сообщал своим слугам, что, к его удивлению и ужасу, люди «истинно верующие и достойные» поведали ему о преступных деяниях членов этого ордена, которые «оказались волками в овечьей шкуре» и как бы вторично распяли Иисуса Христа, поистине причинив ему «куда более жестокие страдания, чем те, которые он уже претерпел на кресте». Эти люди, считаясь честными христианами, на самом деле во время приема в братство трижды отрекались от Иисуса Христа и трижды плевали на Святое распятие. Затем, полностью сняв мирскую одежду, они нагими представляли перед кем-либо из старших братьев, отвечающих за их прием в члены ордена, и тот человек целовал их пониже спины, в пупок и в губы «самым бесстыд-

ным образом, однако в полном соответствии с нечестивым уставом этого ордена».

Более того, по обету они затем обязаны были потворствовать преступным плотским утехам с другими членами ордена или сами должны были стать содомитами, «когда их просили об этом, от них требовали этого, и у них не было ни малейшей возможности отказаться».

И наконец, «эти нечистые люди отказывались от чаши со святой водой» и совершали подношения идолам.

Тамплиеры своими порочными словами и делами «оскверняли нашу землю, загрязняя ее развратом, стирая с лица ее Божью росу и отравляя чистый воздух, которым мы дышим».

«Сперва, — признавался король в своем предписании, — я сомневался в справедливости всех этих обвинений, полагая, что доносчики и распространители столь отвратительных и невероятных слухов вполне могли действовать по злобе, из зависти, в припадке гнева или же побуждаемые алчностью, а не из одного лишь желания защитить истинную веру и справедливость». Однако же обвинения были столь многочисленны, аргументы столь правдоподобны, что это вызвало у короля «достаточно серьезные опасения и подозрения».

А потому он встретился с папой и созвал на совет королевскую курию, куда входили прелаты и бароны, чтобы всесторонне рассмотреть этот вопрос и докопаться до истины. В результате всех дискуссий, подкрепленных к тому же просьбой о

помощи Гийома де Пари, назначенного папой инквизитором Франции, «взывавшего к силе нашей руки», король издал указ о повальных арестах тамплиеров и содержании их в тюрьме до церковного суда. Их имущество, как движимое, так и недвижимое, подлежало конфискации и отправке — без изъятия! — на хранение в королевскую казну.

Считалось, что даже если некоторые рыцари окажутся невиновными — а это было вполне вероятно, — то судебное расследование все равно пойдет им на пользу, ибо все тамплиеры оказались чересчур сильно скомпрометированными.

Заканчивалось тайное предписание следующими словами: «Мы, кого Господь поместил на сторожевую башню королевского величия, чтобы мы имели возможность оттуда защищать вероучение Святой церкви и всеми силами стремились множить ряды истинно верующих, приказываем приступить к осуществлению данного предписания на утренней заре 13 октября в пятницу».

С этого момента история ордена полна, с одной стороны, всевозможных тайн, а с другой — поведение самих тамплиеров поражает своей демонстративной нерешительностью. Создается впечатление, будто храмовники, зная о готовящихся массовых арестах, и не собирались ничего предпринимать.

За несколько недель до арестов сенешали короля беззастенчиво проникали на территории, принадлежащие ордену, чтобы заняться описью имущества, которое в скором времени должно было

отойти в казну. Во избежание подозрений предлагалось то же самое сделать и по отношению к другим орденам под тем предлогом, что настала пора платить церковную десятину. Однако лишь слепой не видел истинной причины подобной активности.

Наконец папа Климент V накануне арестов сам вызвал к себе высших сановников ордена. Папа сообщил им об обвинениях. Тамплиеров предупреждали и в явном виде давали понять, что во Франции им больше делать нечего, а оставаться в Париже просто опасно. Но иерархи спокойно возвратились к себе в Тамплъ и начали покорно ожидать, когда их придут арестовывать.

И еще одна очень важная деталь, которая, скорее, не проясняет, а лишь усугубляет общую атмосферу таинственности вокруг всех описываемых событий.

Так, накануне своего ареста, 12 октября, Жак де Моле присутствовал на погребении жены брата короля Шарля де Валуа Екатерины и имел честь держать шнурок балдахина. Магистра предупредили. Предупредили явно и тайно. Папа сам поведал ему о тех обвинениях, которые возводили на орден слуги короля, а сенешали и бальи начали уже проводить опись имущества. В этой ситуации надо было предпринимать какие-то контрмеры — призывать к оружию братьев, объявлять осадное положение и в боевом порядке покидать Париж и Францию. Нечто подобное и совершили, например, храмовники Испании, когда очередь дошла и до них. Так, несмотря на арест Магистра Арагона

и захват крепости Пенискола, король Хайме II не смог добиться полного успеха. Крупные и стратегически важные замки Испании по-прежнему были в руках тамплиеров, которые быстро укрепили свои позиции, намереваясь оказать вооруженное сопротивление. Миравет, Монсон, Аско, Кантавьеха, Вильель, Кастельоте и Чаламера не сдавались. Эти крепости были неприступными для мавров и для короля. Военные действия завершились лишь два года спустя, когда храмовники сами неожиданно выразили желание сдаться на милость папы.

Напомним, что военная мощь ордена намного превосходила и по численности и по мастерству пятидесяти тысячное войско Филиппа Красивого, которое проигрывало одну битву за другой в сражениях с англичанами.

Но вместо этого Магистр принял приглашение короля, сделав вид, что ничего не происходит.[^] В этом поведении чувствуется сознательная готовность принести себя в жертву.

Чтобы хоть в какой-то мере разобраться в причинах столь странного поведения доблестных рыцарей Храма, обратимся к списку арестованных. Но прежде напомним, что к 1307 году орден серьезно изменился в сравнении с первыми славными годами своего существования. Два цвета боролись между собой: белый и коричневый. Причем коричневый все больше и больше начинал доминировать в ордене. Напомним, что коричневое одеяние носили в братстве не рыцари, не воины, а люди низкого происхождения — в основном крестьяне. Так

вот. Признание в некоторых, а то и во всех преступлениях, перечисленных в королевском указе от 14 сентября 1307 года, было получено от 134 из 138 тамплиеров, допрошенных в Париже. Стойко сопротивлялись пыткам и всевозможным издевательствам лишь четверо. Но о них мы поведем особый разговор, дабы не сгладить впечатления о высоком и непобедимом духе этих людей, которых просто забыли предупредить заранее, что надо сдаваться и начинать признаваться во всех грехах. Эти четверо безнадежно и бессмысленно отстаивали честь ордена и свое человеческое достоинство. Но в этом бессмысленном упорстве четырех рыцарей давала знать о себе та неистребимая сила, присущая рыцарям Храма еще в былые годы, которая и должна была в конечном счете направить челн после мучительного акта самоочищения и самосожжения к светлым, как казалось тамплиерам, и грандиозным по своему замыслу целям.

Вот коллективный портрет тех, кто торопливо произносил свои признания и проклинал под страхом пыток тот час, когда они вступили в орден. Вот она, коричневая грязь, комья земли, от которых надо было очистить белую тунику с красным крестом — символом мученичества.

Признания были получены как у руководителей ордена — Жака де Моле, Великого Магистра, и Гуго де Пейро, генерального досмотрщика, — так и у самых скромных его членов, например у Рауля де Грандевиля, хранителя плугов в приорстве тамплиеров в Мон-Суассоне. В 73 случаях по показа-

ниям свидетелей на парижском и других заседаниях суда можно довольно точно определить социальный статус подсудимых: 15 из них были рыцарями, 17 — священниками (или капелланами) и 41 — служителями (или «сержантами»). Из других протоколов следует, что почти наверняка еще 28 обвиняемых были служителями, хотя и остальные 38 — известны только их имена — вряд ли обладали высоким социальным статусом. Средняя продолжительность их пребывания в ордене составляла 14 лет, а средний возраст вступления в орден был около 29 лет. В подобных обстоятельствах можно было бы вообще забыть о четверке стойких рыцарей, ни в чем не желавших признаваться, — столь впечатляющим был перечень полученных признаний и столь далеко идущие последствия он имел, безусловно подтверждая «серьезные подозрения» обвинителей даже в тех случаях, когда подозрениям этим явно не хватало объективной определенности.

Большая часть тамплиеров, состоящая в основном из так называемой коричневой братии, старалась изобразить себя невинными жертвами жестокой системы, справиться с которой им было не под силу. Признаваясь, что с ними совершали развратные действия, подсудимые утверждали, что участвовали в этих действиях против своей воли.

105 человек признались в том, что отречение от Иисуса Христа было в той или иной форме им навязано, но многие взяли на вооружение расхожую формулу: они поступали так «*ore et non*

corde», то есть только на словах, ибо в сердце своем веру в Господа сохранили.

123 человека признались, что плевали на Распятие или на землю возле него или на различные изображения распятого Христа по приказу тех, кто принимал их в орден, однако некоторые утверждали, что плюнули в сторону или же просто притворились, что плюнули.

В 103 случаях подсудимые утверждали, что их целовали в неприличные места, обычно пониже спины и в пупок. Есть и некоторые вариации: один тамплиер, например, получив приказание поцеловать приора в пупок, решил этого не делать, потому что «живот у него был весь в струпьях от чесотки», и всего лишь коснулся живота носом.

В 102 протоколах имеются прямые и косвенные указания на то, что гомосексуальные связи между членами ордена поощрялись, хотя некоторые свидетели всего лишь «слышали от других» о том, что у братьев общие постели. Лишь трое тамплиеров признались, что на самом деле имели гомосексуальные связи с другими братьями, и один из них, Гийом де Жиако, служитель в доме Великого Магистра, показал, что, будучи на Кипре, имел сексуальные сношения с де Моле по три раза за ночь.

Что же касается идолопоклонства, то парижские слушания мало это прояснили. Всего 9 человек понимали, о чем идет речь; все они видели какую-то голову — от одного до двенадцати раз, — которой поклонялись тамплиеры во время своих собраний в таких далеких друг от друга го-

родах, как, например, Париж и Лимасол. Голова выглядела по-разному: то с бородой, то ярко раскрашенная, то из дерева, то из серебра, то позолоченная, а то вдруг с четырьмя ногами — двумя спереди и двумя сзади. Наиболее четкое описание дал разговорчивый служитель ордена Рауль де Жизи. Он видел эту голову семь раз на различных собраниях братства, где иногда председательствовал Гуго де Пейро. Когда голова показывалась, все присутствующие падали ниц, поклоняясь ей. Выглядела голова жутко и была похожа на демона: стоило Раулю ее увидеть, как его охватывал страх и он едва мог сдерживать дрожь. Однако же, по словам рассказчика, в душе он никогда ей не поклонялся.

С некоторыми вариациями та же тема повторялась и на слушаниях в провинциях. В Каоре, например, большая часть свидетелей согласилась с показаниями того, кого допрашивали первым, — горожанина Пьера Донадери, сына местного буржуа. Его принимали в орден лет 30 назад. Во время обряда посвящения, происходившего в часовне, он, отойдя в сторону, снял с себя мирскую одежду и надел платье тамплиера, после чего, вернувшись к приору, обнаружил, что тот стоит «на четвереньках, подобно зверю», а он, Пьер Донадери, должен поцеловать его пониже спины и в пупок, а потом плюнуть на крест и многократно отречься от Бога.

Прошло не очень много времени, и подобные же признания стали делать рыцари, высшие иерар-

хи ордена. Уже белая братия принялась чернить себя и поливать грязью белый хитон, словно совершая обряд самобичевания.

А 24 октября было сделано признание и самим Жаком де Моле. Он сообщил инквизитору Гийому де Пари, что был принят в орден сорок два года назад в Боне, в диоцезе Отён, Умбертом де Пейро, Магистром Англии, и Амори де ла Рошем, Магистром Франции. И признался далее, что после того, как он дал множество клятв относительно соблюдения обычаев и законов ордена, его плечи окутали плащом тамплиера, и приор Умбер де Пейро приказал принести бронзовый крест, на котором было изображено Распятие, и велел ему (Моле) отречься от Иисуса Христа, чье изображение держал перед ним. Он нехотя подчинился; потом ему велели плюнуть на Распятие, но он плюнул на пол. Когда его спросили в суде, сколько раз он плевал на Распятие, он поклялся, что плюнул только один раз и помнит это очень хорошо.

Зачем нужно было старому Магистру (в это время ему уже было за шестьдесят) чернить себя и делать подобные признания? Если он действительно раскаялся, то почему нельзя было произнести подобные признания сразу после ареста, почему понадобилось 10 дней передышки?

Впрочем, некоторые историки склонны объяснять неожиданное признание Магистра тем, что де Моле был совершенно сбит с толку, насмерть перепуган и, казалось, абсолютно утратил почву под ногами, ни разу не проявив себя в тот ответственный

ный момент как сколько-нибудь решительный руководитель. Причину подобного состояния истории видят в том давлении, которое оказывали на Магистра королевские чиновники.

Во-первых, никто из историков, стремящихся представить портрет разбитого и замученного старика, сам и в глаза не видел де Моле. О человеке нельзя судить лишь по репликам, записанным на допросе инквизиции, где нет и не может быть никакой объективности.

Во-вторых, историки сами оказываются под влиянием собственного метода, основанного лишь на сборе фактов, не учитывая того, что описываемая эпоха была полна тайн и мистицизма.

Человек, стоящий во главе самого могущественного ордена, вряд ли мог напоминать обыкновенного испуганного старика. Магистр был воином, и напугать его мало что могло после тех крестовых походов, в которых он принял самое активное участие. Скорее всего, безразличие де Моле, его готовность произнести любое признание были продиктованы тем, что Магистр на этом этапе своей славной жизни осознал, что он успел-таки сделать нечто очень важное, нечто такое, с чем не может сравниться ни позор, ни физические муки, ни смерть. Что же касается «коричневых», то они спасали свою жизнь как могли и поэтому отвечали с готовностью на все вопросы инквизиции, прибавляя и от себя немало.

Накануне ареста произошло еще одно очень важное событие, и событие это не поддается ника-

кому разумному объяснению с точки зрения современной исторической науки.

Вот как пишет об этом событии историк-реалист, для которого просто не существует никакой мистики: «Основная масса арестов планировалась как одновременный и внезапный налет на утренней заре 13 октября, в пятницу. Эта операция, успешно позаимствовав многое из опыта прошлых лет, когда проводились конфискации имущества евреев и ломбардцев, прошла весьма удачно, была повсеместно четко скоординирована и подготовлена в обстановке строгой секретности. Нескольким тамплиерам удалось скрыться — согласно официальным источникам, их было человек двенадцать, но, по всей видимости, их было примерно в два раза больше, — однако из них лишь один, Жерар де Вильи, приор Франции, был действительно крупной фигурой; к тому же для некоторых, например для рыцаря Пьера де Букля, это была лишь временная отсрочка. Два других, Жан де Шали и Пьер де Моды, бежавшие вместе, были позднее опознаны, хотя и надели жалкие лохмотья». (Малькольм Барбер. «Процесс тамплиеров»).

Как мы видим, реалист не придает этому событию никакого особого значения. Это всего лишь незначительный эпизод. Основная масса тамплиеров была захвачена врасплох и оказалась деморализована. Однако далеко не всех беглецов удалось поймать. Большая часть из них растворилась в воздухе, и при этом, как утверждают историки-мисти-

ки, беглецам, как и в случае осады крепости Монсегюр, удалось кое-что прихватить с собой.

По мнению историков, которые пытаются смотреть на описываемые события с эзотерической точки зрения, несмотря на строжайшую секретность, тамплиеры все-таки были предупреждены о готовящихся арестах. Они заранее решили избавиться от священных для ордена книг, пергаментов и реликвий, и вечером 12 октября, то есть ровно за день до ареста, три повозки, груженные сеном, в сопровождении сорока рыцарей покинули пределы Парижа.

Магистр, чтобы не привлекать к этому кортежу внимание, в этот же вечер принял участие в похоронах жены брата короля. Король думал, что он усыпил бдительность старика де Моле, а де Моле сделал все, чтобы король из подозрительности, которая вполне могла возникнуть в случае отказа прийти на похороны, не закрыл ворота Парижа раньше дня повальных арестов. И три телеги с секретным грузом спокойно смогли выехать из-под самого носа обманутого Филиппа Красивого (Патрик Ривьер. «Тамплиеры и их тайны»).

Этот исход упоминает даже Нострадамус в одном из своих пророчеств. Действительно, 13 октября 1307 года почти все храмовники на территории Франции были схвачены, а имущество конфисковано. Но хотя Филиппу Красивому и удалось, как ему казалось, достигнуть эффекта внезапности, его истинный интерес, его подлинная цель — несметные сокровища ордена неожиданно исчезли.

Птичка в последний момент выпорхнула из гнезда. Сокровищам тамплиеров суждено было стать неразгаданной тайной, мифом. Те далеко не простые три повозки с сеном, на которые никто не обратил внимания, по слухам, благополучно достигли побережья у города Ла-Рошель, где стоял на якоре небольшой флот, принадлежащий опальному ордену. Груз разместили на восемнадцати галерах, о которых с этого момента уже никто ничего не слышал. Скорее всего, корабли беспрепятственно покинули бухту, потому что ни в одном отчете не было зафиксировано, что хотя бы один из них попался на глаза королевским чиновникам. Флотилия растворилась в утреннем тумане, словно призрак.

Что увозили с собой эти корабли? Опять, как и в Монсегуре, древние книги, пергаменты и что-то еще, относящееся к священным реликвиям. Золото и серебро в расчет не шли, хотя и их тоже хватало в трюмах. Корабли исчезали из виду, превращаясь в маленькие, еле различимые точки на горизонте. А оставшиеся на берегу братья должны были принять мучительную смерть, как некогда приняли ее катары.

Если король и Церковь хотели представить храмовников, этих хранителей заветной реликвии, еретиками, то здесь уже ничего нельзя было изменить. Слишком велико было значение того, что увозили сейчас тамплиеры в открытое море навстречу стихиям, которые словно ждали этого дара и покорно сами усмирялись перед малой флотилией утлых суденышек. То, чем владели храмовники, не вписы-

валось ни в одну из земных религий. Возможно, поэтому инквизиторы ничего не могли понять в обрядах рыцарей Храма. Судьи увидели лишь то, что могли увидеть, — грех содомии, столь распространенный почти во всех монастырях средневековья, а коричневая братия с радостью поддерживала любое обвинение, заботясь лишь о сохранении своей жизни. Орден должен был сбросить с себя всех этих мелких людишек, как сбрасывают балласт, который не позволяет оторваться от земли и все тянет и тянет вниз.

Взять хотя бы поцелуй *in posteriori parte spine dorsi* (в место пониже спины). Некоторые эзотеристы считают, что тамплиеры исповедовали индийские доктрины. Поцелуй в указанное место должен был пробудить змея мудрости Кундалини, космическую силу, которая находится в основании позвоночного столба, а после пробуждения достигает шишковидной железы, и с ее помощью во лбу должен открыться третий глаз, способный видеть во времени и пространстве.

...А корабли все плыли и плыли, все отдалялись и отдалялись от мира людей. Море и небо держали эти суденышки в своих ладонях, будто догадываясь, что то, что везли сейчас в одном из трюмов тамплиеры, не могло долго принадлежать людям с их королями, папами, бальи, сенешалями, крепостями и тюрьмами, а главное, с их представлениями о Боге как о чем-то таком далеком от людей и столь не похожем, как представлялось людям, ни

на одну из частей своих, рассыпанных по миру в виде различных религий.

То, что везли сейчас тамплиеры и что получили они по наследству от других посвященных, не могло принадлежать Филиппу Красивому. Не готов был властитель Франции даже к тому, чтобы взглянуть на священную реликвию, не говоря уже о том, чтобы владеть ею. Тамплиеры берегли ее для другого короля, который должен был появиться в будущем.

Процесс

Гийом де Ногаре прекрасно разбирался во всех юридических тонкостях, которые нужно было учитывать для успешного проведения как суда светского, так и заседания инквизиции. Он прекрасно знал, что вся процедура должна быть разбита на три части: 1) как надо начать такой процесс; 2) как надо его вести; 3) как надо его закончить и произнести приговор.

Филипп Красивый в этом вопросе всецело полагался на своего легата и рассчитывал, что в ближайшее время дело будет закрыто, а собственность тамплиеров, коль так и не удалось найти сокровища, перейдет в королевскую казну.

Первый вопрос о том, как и с чего начинать, был для Ногаре уже решенным. Как указано в «*Extravagantia de accusatione, denuntiatione et inqui-*

sitione», процесс по делам веры может начаться по троякому основанию.

1) Если кто-либо предъявит перед судьей кому-либо обвинение в ереси или в покровительстве еретикам. При этом такой обвинитель обязан быть готовым к представлению доказательств. Если он таких доказательств не сможет представить, то он может претерпеть наказание за ложные сведения.

2) Если обвинение предъявляется денунциатом (доносителем), который не ручается за достоверность своих показаний и не берется их доказывать. Он утверждает лишь, что доносит на еретика, движимый рвением к вере или желанием избежать отлучения за сокрытие ереси или наказания, которым грозит светский судья.

3) Если до слуха инквизиторов дошла молва, что в таком-то и таком-то городе имеются еретики, занимающиеся тем-то и тем-то. Это — обвинение путем инквизиции. В этом случае инквизитор начинает действовать не по указанию какого-либо обвинителя, а по своему собственному почину.

Ногаре прекрасно понимал, что по крайней мере по двум причинам процесс против тамплиеров имеет все юридические основания. Во-первых, у королевского легата было обвинение денунциата Эскена де Флойрана. Во-вторых, главный инквизитор Гийом де Пари был в то же время капелланом короля и поэтому на него вполне можно было рассчитывать как на человека, который от лица инквизиции способен выдвинуть обвинение против всего ордена.

Законность в этом смысле была полностью соблюдена. Правда, оставалось лишь одно весьма трудное препятствие. Дело в том, что тамплиеры напрямую подчинялись папе Клименту V. Без его согласия как высшего духовного лица во всем христианском мире сам процесс мог потерять всю свою законность.

Насчет папы ходили разные толки. До того как он получил этот титул, он носил имя Бертран де Го и был незаметным архиепископом в Бордо.

Виллани с наивностью летописца рассказывает о тайной встрече в лесу, которая произошла между Филиппом Красивым и будущим папой римским Климентом V недалеко от Сен-Жан-д'Анжелини: «Вместе они присутствовали на мессе, а затем тайно удалились. Первым начал король: «Послушайте, архиепископ, в моей власти возвести вас на папский престол, если, конечно, я пожелаю этого. Давайте договоримся: если вы обещаете мне исполнить шесть необходимых услуг, о которых я буду иметь честь просить вас, то я, со своей стороны, заверяю вас в полном успехе предстоящих выборов, что должно еще раз продемонстрировать мое могущество».

После чего король показал прелату соответствующие письма нескольких архиепископов, где подтверждалась возможность выборов его в папы. Гасконец, обуреваемый страстями, воочию убедился, в какой мере он зависит от короля в своей борьбе за папский престол, в радости упал властителю Франции в ноги и произнес: «Монсиньор, с этого

момента я вижу, что вы милосердны и великодушны. Вы хотите совершить по отношению ко мне необычайное добро в ответ на то зло, которое я позволили себе по отношению к вам (до этого разговора Бертран де Го находился в открытой оппозиции к королю). Вы должны повелевать, а мне остается лишь повиноваться, и так будет вовеки». Филипп милостиво поднял гасконца с колен, поцеловал его в губы и сказал: «Шесть услуг, о которых шла речь, будут следующими. Первое: вы вновь должны примирить меня с Церковью и добиться прощения за те прегрешения, которые я совершил, арестовав папу Бонифация VIII. Второе: вы снимете отлучение от Церкви с меня и с моих приближенных. Третье: вы передадите мне право в течение пяти лет собирать церковную десятину по всей стране, и эти деньги пойдут на войну с Фландрией. Четвертое: вы постараетесь стереть из памяти людей все деяния ненавистного мне Бонифация VIII. Пятое: вы сделаете своими кардиналами мессира Жакобо и мессира Пьеро дела Колонна, с помощью которых вы сможете подчинить себе всех остальных кардиналов и сделать из них моих лучших друзей. О шестой же милости я не собираюсь сейчас распространяться в силу ее необычности и секретности. Но уверяю вас, час близок, и мы обязательно поговорим и об этом».

Архиепископ обещал королю исполнить все в точности и совершил клятву *Corpus Domini*. В доказательство своей преданности гасконец в качестве заложников передал королю и двух своих пле-

мянников. Король со своей стороны также дал клятву и пообещал, что он сделает так, чтобы архиепископа обязательно выбрали в папы».

Впоследствии папа изъявил желание короноваться 14 ноября 1305 года, то есть ровно за два года без одного дня до даты повальных арестов рыцарей Храма. Выполнению шестой тайной услуги был отведен относительно небольшой срок.

Эта коронация, как пишет хронист, была отмечена страшными предзнаменованиями. Климент был провозглашен новым папой в церкви Сен-Жюст в Лионе кардиналом Наполеоном Орсини. После окончания церемонии торжественная процессия вышла из собора и двинулась по узким улочкам, забитым народом. Папа ехал на белом коне, которого вели за поводья с одной стороны брат короля Шарль Валуа, с другой — Жан, герцог Бретонский. Непосредственно за папой ехал сам Филипп Красивый. Неожиданно под тяжестью множества зевак отвалился кусок старой городской стены и упал прямо на тех, кто возглавлял процессию. Жан Бретонский был смертельно ранен, Шарль Валуа серьезно пострадал, а папу сбросило с лошади, и тиара оказалась втопанной в грязь.

Восемь дней спустя на банкете, устроенном папой, приглашенные кардиналы и гости о чем-то серьезно поругались, завязалась драка, в которой один из братьев Климента V был убит.

Учитывая эти обстоятельства, Ногаре почти был уверен, что папа не выступит с явным протестом против воли того, кто возвел его на престол.

Однако следовало как можно быстрее добиться массовых признаний тамплиеров.

Для этого арестованных держали отдельно друг от друга, чтобы они не имели возможности общаться и договариваться относительно показаний. Почти всех храмовников посадили на хлеб и воду, многих лишали постели и сна, иногда подсылали к ним шпионов, которые должны были еще до начала допросов расположить заключенных к тому, чтобы они добровольно во всем признались.

По годами отработанной схеме велась психологическая обработка тех, кто еще совсем недавно считал себя просто недосягаемым для закона. Ногаре отлично знал, как подготавливать повальные признания. Еще в детстве ему рассказывали об этом бабка и мать, чьи мужья были заживо сожжены на кострах инквизиции.

Позаботился королевский легат и о том, чтобы в состав судей вошли люди, хорошо знающие каноническое и гражданское право, а также владеющие искусством богословской аргументации. Это были все те же сокурсники Ногаре, с которыми он вместе делил тяготы и невзгоды студенческой жизни в далеком от Парижа Монпелье. Каждый с охотой согласился на предложение друга, которому столь благоволила фортуна и который без меры был обласкаан королевскими милостями.

Умение вести допрос было главным достоинством инквизитора, и некоторые опытные судьи составили руководства для начинающих, в которых содержались длинные ряды вопросов, предназна-

ченных для еретиков. Здесь можно было видеть, как развивалось и совершенствовалось особого рода тонкое искусство, состоящее в умении расставлять сети обвиняемым, ставить их в тупик и заставлять противоречить самому себе. Инквизиторы, сплошь однокашники Ногаре, всюду прибегали к диалектике, полной софизмов, подобно тому как они это делали, будучи студентами в Монпелье, на схоластических диспутах.

И в то же время друзья Ногаре жаловались на двоедушие своих жертв, тамплиеров, обвиняя их в лукавстве и всюду порицая иногда удачные усилия рыцарей, направленные на то, чтобы не обвинить самих себя. Схоластика и знания диалектики, которые были хороши для инквизиторов, воспринимались не иначе как дьявольский промысел, если к этим же приемам пытались прибегнуть заключенные рыцари.

Законники под предводительством Ногаре выступили против славного рыцарского ордена, который хотя и оброс «коричневой грязью», но все-таки сохранил еще остатки боевого духа. Получалось, что смелость, мужество и доблесть должны были погибнуть в умело расставленных юридических ловушках плешивых, с брюшком и с хитрыми злыми глазками людишек, которых выкопал из грязи сам наскоро слепленный королевской рукой Голем-Ногаре.

Такого вызова и такой войны рыцари никак не ожидали и действительно поначалу были просто обескуражены. Магистр же вместе с другими выс-

шими иерархами ордена пребывал первое время в состоянии оцепенения. Но это объяснялось тем, что де Моле ждал известий о благополучном исходе ют тех, кто плыл сейчас на галерах в открытое море, унося с собой одну из величайших тайн мира. Это было гораздо важнее, чем суетный процесс, затеянный королем, чье проявление алчности де Моле прекрасно видел, когда оставил Филиппа Красивого наедине с сундуками, полными золота и серебра.

Обвиненный в ереси имел мало шансов доказать свою невиновность. Допрос вел сам инквизитор с помощниками, а краткое изложение процесса записывалось судебным клерком. Главной целью было любым способом доказать вину. Обвиняемому не разрешалось иметь адвоката, даже если бы он смог его найти, да и свидетели давали показания в его пользу неохотно, опасаясь обвинения в соучастии. Те, кто давал показания против обвиняемого, могли оставаться анонимными на том основании, что иначе их могли запугать, так что зачастую обвиняемый в лучшем случае мог лишь прочесть краткое изложение их показаний.

В отличие от светской процедуры церковный инквизиторский суд мог использовать показания любых свидетелей, в том числе лжесвидетелей, преступников и отлученных от Церкви. Обвиняемому же разрешалось лишь назвать имена своих врагов и надеяться, что некоторые из них совпадут с именами свидетелей.

Но главной целью инквизиторов было получение признания из уст самого обвиняемого, ибо, если

вина его не была им самим подтверждена, еретик мог быть примирен с Церковью. Если обвиняемый не соглашался признать свою вину, к нему могло быть применено принуждение — сперва тюремное заключение при последовательно ухудшающихся условиях содержания, а вскоре и пытка, сперва ограниченная, то есть такая, при которой нельзя было проливать кровь и наносить непреходящие увечья, а затем палачам разрешались любые изуверства. Времени даже для самой страшной пытки с увечьями отводилось не более часа, однако было немало случаев, когда этот регламент безжалостно нарушался и мучения продлевались до трех и более часов. Например, одного из тамплиеров палачи мучили с 8 до 11, изуродовали ему руку, в результате чего несчастный от перенесенных страданий пытался задушить себя, но ему не дали. Видимо, инквизиторы не были удовлетворены результатами своего допроса и собирались через какое-то время повторить все вновь.

Как только вина считалась установленной, публично выносился приговор в форме «общей проповеди». Еретики, которые «искренне раскаялись», могли быть примирены с Церковью и получали более легкое наказание — от денежного штрафа в случае незначительной вины до длительного тюремного заключения, когда осужденного заковывали в кандалы и сажали на хлеб и воду.

Порой обвиняемый обязан был носить на одежде особую нашивку — свидетельство своего бесчестия, из-за чего над ним нередко издевалась

толпа. В некоторых случаях полагалось совершить паломничество.

Те, кто не отрекался от своей ереси, или отказывался от собственных первоначальных признаний, или же вообще не желал признать себя виновным, передавались светскому суду, чтобы он вынес им соответствующий приговор. Обычно их приговаривали к смерти на костре. Инквизиция отстранялась формально от пролития крови. В этом смысле она повторяла суд фарисейского синедриона, который приговорил Христа к смерти, а затем обратился к прокуратору Иудеи Понтию Пилату, с тем чтобы он назначил казнь через распятие. Грязную работу в этой тактике должен был выполнить кто-то другой, а не церковный суд и святая инквизиция, которая во многом копировала действия фарисеев, распявших Спасителя.

Имущество казненных еретиков конфисковывали в пользу короля, а их наследники не имели права занимать общественные должности по крайней мере в течение двух поколений. Остается лишь догадываться, на какие ухищрения должен был пойти Гийом де Ногаре, чтобы скрыть свое еретическое прошлое и подняться столь высоко по иерархической лестнице французского королевства.

Основным местом, где совершались признания и самонаговоры, была камера пыток. Вот она, преисподняя, место боли и страданий, высокого мужества и низкой подлости. Великому Данте и не надо было ничего выдумывать. Достаточно было лишь раз спуститься в подвалы инквизиции, и все круги

ада предстали бы перед ним во всем своем грозном и ужасающем величии.

Дантов ад поражает читателя своим зловещим полумраком. Такое же ощущение возникало у каждого, кто попадал в камеру пыток. Всего лишь две свечи освещали огромное мрачное пространство, где в слабом мерцании с трудом вырисовывались контуры приспособлений для пыток, предназначенных для того, чтобы рвать на части человеческую плоть, жарить на огне пятки, с хрустом выворачивать суставы.

Все души в Дантовом аду предстают перед нами абсолютно голыми, и это обстоятельство словно тоже позаимствовано из камеры пыток. Чтобы лишить человека чувства собственного достоинства, перед тем как его начинали пытать, инквизиторы приказывали раздеть свою жертву. Причем раздевали всех без исключения: мужчин, дряхлых стариков, женщин, девственниц, для которых насильственная нагота уже была настоящей мукой.

Но какие орудия пыток обычно находились в этом аду? Начнем с дыбы. Она была первым орудием, которое стали использовать инквизиторы, как только папа Иннокентий III разрешил кромсать и выворачивать наизнанку плоть еретиков. Жертву предварительно раздевали до пояса, лодыжки осужденного заковывали в железо, руки связывали за спиной. Крепкая веревка одним концом привязывалась к запястьям, а другой конец перебрасывался через ворот, закрепленный у самого потолка. Затем палач начинал тянуть свободный конец на

себя до тех пор, пока жертва не поднималась над полом на высоту 6 футов. На ноги заключенному приковывались кандалы весом до 100 фунтов. В этой позиции жертве начинали задавать вопросы и предлагали во всем сознаться.

Отказ означал несколько ударов плетью по обнаженной спине. После чего инквизитор вновь предлагал сознаться в ереси. Вновь отказ и вновь сигнал палачу, которому жертва отныне отдавалась в полную власть. Палач тянул на себя веревку, поднимая жертву все выше и выше к потолку. Затем он слегка ослаблял натяжение, и жертва опускалась на несколько футов вниз, и вдруг палач на короткое время отпускал свой конец, и тогда осужденный стремглав летел вниз на каменный пол.

Мучитель успевал в последний момент резко прервать свободное падение, и пола касались лишь тяжелые кандалы. Тело сильно встряхивало, вылетали плечевые суставы, трескали суставы ног, сдавала нервная система, и, как правило, наступал болевой шок. Через короткий промежуток времени пытка повторялась вновь — до тех пор, пока несчастный не признавался во всех грехах или пока не терял сознание.

Пытка дыбой предполагала использование нескольких уровней. Эти уровни чаще всего зависели от степени виновности осужденного и от воли самого судьи. Переход от одного уровня к другому превращался в своеобразный ритуал. Так, все начиналось со слов инквизитора: «Допросим подсудимого

при помощи пытки». Эти слова служили сигналом, и палач тут же привязывал жертву к длинному и крепкому канату.

Если судья не добивался нужного признания, то он произносил: «Пусть претерпит муку», что означало лишь поднятие заключенного на небольшую высоту. Не получив признаний и в этой позиции, инквизитор произносил: «Пусть претерпит большую муку», и заключенного поднимали чуть выше, выворачивая ему при этом ключицу, а потом наносили два удара плетью. Слова же: «Пусть претерпит страшную муку» и «очень страшную муку» означали помимо плетей и тяжелые кандалы на ногах.

Все остальные меры применялись к продолжавшим упорствовать еретикам.

Другой излюбленной пыткой инквизиции была «кобыла», или деревянная лошадь. На этом приспособлении, состоящем из деревянного каркаса с днищем, куда клали жертву, и расположенном на крепких ножках или постаменте, имитировали известную в средневековье казнь, когда осужденного за руки и за ноги разрывали на части четыре запряженных лошади. Руки и ноги за лодыжки и запястья привязывали веревками к двум цилиндрам, располагавшимся по противоположным сторонам каркаса. Цилиндры можно было вращать с помощью рычагов.

В этой позиции инквизитор предлагал подсудимому облегчить свою душу чистосердечным признанием. Если ответ был отрицательный, то давался сигнал двум палачам, и они с помощью рычагов

начинали вращать цилиндры, растягивая жертву. Иногда для особо упорных пытка осложнялась тем, что руки и ноги жертвы перевязывались острой проволокой, которая закручивалась палачами с помощью палки. Помимо чудовищной растяжки, в результате которой кости выходили из суставов, боль осужденному причиняли и эти проволоки, которые впивались в тело настолько, что резали руки и ноги до кости.

Если подсудимый упорствовал и не произносил желанного признания, то пытка могла продолжаться до тех пор, пока жертва не теряла сознания. Тогда появлялся костоправ. Он вправлял изуродованные суставы, обрабатывал кровоточащие раны, и после этого жертву уносили в донжон, где изуродованное тело бросали на каменный пол, покрытый соломой, и где было полно крыс. После нескольких недель, проведенных на хлебе и воде, стоило ранам хоть немного затянуться, упорствующего еретика вновь отправляли в подвал, и так могло продолжаться годами, пока человек либо не сходил с ума, либо не умирал, либо не произносил нужного признания.

Часто пытка «кобылой» осложнялась пыткой водой. Так, когда измученный заключенный, лежа на дне деревянного каркаса, который после нескольких часов страданий начинал напоминать ему гроб, пытался с трудом перевести дыхание, то именно в этот критический момент лицо несчастного покрывали влажной шелковой тряпкой и в раскрытый рот, предварительно зажав ноздри специ-

альными прищепками, начинали медленно лить воду. У жертвы создавалось полное ощущение, что он тонет. Заключение пытался вырваться, начал дергаться и тем самым причинял себе еще большие страдания, теребя старые раны и беспокоя вывихнутые суставы. Удушье приводило к тому, что от напряжения у заключенного начинали лопаться сосуды.

Если с помощью этой пытки также не удавалось достичь нужного результата, то для особо упорных предназначались орудия, знакомство с которыми делало заключенного калекой.

Таков был знаменитый «испанский сапог». Это приспособление представляло собой железный каркас, сделанный действительно в форме сапога. Заключение помещал по указанию инквизитора обнаженную ногу, от пятки до колена, между двумя распахнутыми половинками. Половинки захлопывались и закрывались на замок, а затем через отверстия с помощью молотка палач с силой вбивал клинья, сделанные из железа и дерева (все зависело от меры вины и упорства заключенного). При каждом сильном ударе клинья не только разрезали кожу, но и дробили кость. Пытка продолжалась до первого признания. «Испанский сапог» делал человека калекой на всю жизнь.

К не менее эффективным орудиям следует отнести и приспособление «дочь мусорщика». Оно состояло из крепких железных обручей, разделенных на две части и соединяющихся между собой при помощи особого запора. Вся конструкция

имела очень маленький объем, равный трети нормального человеческого роста. Перед началом пытки заключенного заставляли встать на четвереньки и приказывали до предела сжаться. Затем палач продевал часть обручей через ноги и изо всех сил, упираясь коленями в плечи жертвы, буквально заталкивал человека, словно утрамбовывая мусор, в обручи до тех пор, пока обе части не могли соединиться. Специальный запор тут же закрывался. В таком футляре, где и карлику было бы тесно, тело начинало испытывать самую настоящую агонию.

С помощью «дочери мусорщика» признания выколачивались даже у самых стойких еретиков, и не дольше, чем за сорок минут. Кровь от такого противоестественного сжатия начинала хлестать из ноздрей, рта, из заднего прохода, из-под ногтей пальцев рук и ног. В считанные минуты человек начинал сочиться, как разошедшаяся бочка, и все пять литров отпущенной ему природой крови могли вытечь, как виноградный сок под хорошим гнетом.

И из этой мясорубки с честью смогли выйти лишь четыре рыцаря. Вот их имена: Жан де Шатовийяр, Анри д'Эрсиньи, Жан де Пари и Ламбер де Туази. Известно, что их допрашивали 9 и 15 ноября, причем допрашивали с пристрастием. Но ни один из рыцарей так и не произнес признания. Именно эта четверка и показала своим мучителям, что такое настоящий рыцарь Храма. Эти люди смогли одержать первую победу над сворой

королевских законников. Их мужество внесло смятение в ряды инквизиторов.

В составе суда находился старый знакомый Гийома де Ногаре Бернар Ги. После первого допроса, который состоялся 9 ноября, Бернар пришел к Ногаре, молча сел в кресло и долго смотрел в одну точку, слегка раскачиваясь из стороны в сторону.

Ногаре ни разу еще не видел своего друга в таком состоянии. Часы, проведенные в подвале, подействовали на члена инквизиторского суда крайне удручающе. Это Бернару Ги принадлежали слова, что если внешние доказательства вины недостаточно ясны, то душа инквизитора должна страшно мучиться. Наверное, Бернар и испытывал сейчас подобную душевную муку.

Он жесточайшим образом наказал сегодня человека, заставив его терпеть боль, которую мог вынести только святой, а в результате подозреваемый так и не был уличен в ереси, несмотря на все старания инквизиции. Получалось, что преступник не тамплиер, а сам инквизитор, раз Господь столь явно дал понять сегодня, что этот несчастный вполне может быть причислен к лику святых, раз смог выдержать все пытки и пройти вслед за великомучениками их тернистыми тропами. В этой ситуации инквизитор сам становился еретиком и, следовательно, бросал вызов Богу. Бернар страдал от осознания собственного бессилия и охвативших его душу сомнений.

— Знаешь, Гийом, — казал он, не глядя на де

Ногаре, — он вел себя как святой. В конце допроса, когда мы превысили положенный по уставу час пыток и, чтобы добиться признаний, решили немного поджарить еретику пятки, то он так посмотрел на меня... Помню, заковали его в колодки, смазали подошвы жиром и подожгли. Я видел, Гийом, понимаешь, сам видел, как кожа покрылась волдырями и начала лопаться, а он даже не потерял сознания, он не издал ни единого звука, ни единого вопля, хотя перед этим целый час провисел на дыбе. Он просто смотрел, смотрел нам всем в глаза. И мне стало страшно, Гийом, понимаешь, страшно. Страшно и стыдно.

— Ты ведешь себя как баба. Это еретик, а не святой! Просто он оказался более стойким, чем другие, и больше ничего. Когда его подправят немного костоправы и лекари, мы вновь примемся за дело. На «кобыле» он вряд ли будет долго упорствовать. А мало покажется, так я его сам запихну в «дочь мусорщика», да в придачу примерю на него «испанский сапог».

— Нет, Гийом, боюсь, что он способен выдержать и такое. Я начинаю думать, не ошиблись ли мы с самого начала. Ведь в руки инквизиции попали не мелкие сошки, а храмовники. У нас до этого не было подобных дел. Не спорю, вся эта мелкая сволочь признается и припадает к нашей груди с готовностью раскаявшихся деревенских девок, которые отдались какому-то увальню из простого любопытства и затем прибежали исповедаться. Согласен даже и с тем, что признание само-

го Магистра обнадеживает в правильности принятого решения. Но ведь Господь готов был пощадить город, даже если бы там нашелся хотя бы один праведник. Может быть, мы столкнулись именно с таким случаем. Может быть, сегодня я пытал праведника, который один способен оправдать весь орден, несмотря даже на слабость Магистра?

— Хочу напомнить тебе, — спокойно заметил Ногаре, — об одиннадцатом акте судьи.

— Отлично помню. В нем рассказывается, как продолжать пытку в затруднительных ситуациях, о признаках, по которым судья узнает еретика и ведьму, и о том, как он должен защищать себя от колдовства.

— К сему добавляются разъяснения о том, как надлежит сломить запирательство обвиняемых, — внушительно добавил Ногаре. Подойдя к книжной полке, королевский легат достал увесистый том и вслух зачитал оттуда: — «Во время допроса под пытками еретики и ведьмы особенно способны околдовывать, как это видно из практики. Нам известны случаи, когда еретики, взглянув первыми на судью и его заседателей, приводили их в такое состояние, что сердца их теряли свою суровость по отношению к обвиняемым, и последние вследствие того бывали выпускаемы на свободу. Итак, когда обвиняемый вводится в камеру суда, нельзя позволять ему войти лицом вперед. Его следует вводить лицом назад, спиной к судьям. При допросе защищай себя крестным знаменем и мужественно на-

падай на еретика. Так с Божьей помощью будут сокрушены силы старого змия. Пускай никто не сочтет за суеверие то, что еретика вводят в камеру суда задом наперед. Ведь канонисты признают допустимым противодействовать суетности суетными средствами.

Предохраняет от колдовства и сбывание волос со всех частей тела подсудимого. Это производится на том основании, на каком осматриваются и обыскиваются одежды еретиков. Случается, что подсудимые для достижения упорного запирательства при пытках носят спрятанные не только в одеждах, но и волосах на теле разные суеверные амулеты. Они носят эти амулеты и на таких местах своего тела, которые мы не решаемся назвать из чувства скромности». Так, здесь уже неинтересно, — прервался легат, а затем продолжил: — Вот, что касается лично твоего случая, Бернар: «Способность упорного запирательства имеет тройкое происхождение: 1. Она лежит в прирожденной силе характера. Особенно стойкими оказываются те, которые уже не в первый раз допрашиваются под пытками. Суставы их рук входят после пытки на свои старые места столь же скоро, как и выворачиваются при начале пытки. 2. Эта способность зависит также от употребления вышеуказанных амулетов, спрятанных либо в одежде, либо в волосах на теле. 3. Случается, что это упорство зависит от околдования заключенных еретиков другими еретиками, находящимися на свободе». И вот послушай еще:

«Приведем случай, имевший место в епархии

Регенсбурга, когда некие еретики, сознавшие в своих колдовских преступлениях и брошенные в огонь, не сгорели, а брошенные затем в воду, не потонули. Видя это, духовенство назначило трехдневный пост для всей своей паствы. Вслед за тем было узнано, что указанные еретики потому не могли быть умерщвлены, что у них под мышкой, между кожей и мясом, были вшиты амулеты. Когда же эти последние были найдены, то огонь тотчас же сжег еретиков».

Видишь, мой дорогой Бернар, как эта полезная книга объясняет нам все причины стойкого упорства еретика, которого ты допрашивал. Тебе лишь следует обрить своего тамплиера наголо, обыскать его по части амулетов и избегать впредь смотреть ему в глаза. Считай, что тебя околдовали, и никакой другой причины я здесь не вижу.

— Пожалуй, ты прав. Я прикажу все это проделать с моим подопечным, а заодно попрошу вводить его в камеру суда спиной, чтобы не видеть этих глаз.

Посидев еще немного и повспоминав былые разгульные годы, проведенные вместе на университетской скамье, друзья заметно повеселели и расстались тепло, поцеловав на прощание друг друга в губы, как это делали мучимые ими тамплиеры и как это было заведено повсеместно в то время, когда мужчинам хотелось выразить свои добрые чувства. Но что было дозволено инквизитору, то не позволялось осужденному, обвиняемому в грехе содомии.

Однако на этом вечер не кончился и к Гийому де Ногаре пришли еще трое судей, которые находились также в растерянности и рассказывали об Анри д'Эрсиньи, о Жане де Пари и Ламбере де Туази, которые, несмотря ни на какие пытки, продолжали упорствовать и отказываться признавать выдвинутые против них обвинения.

Ногаре приказал дать передохнуть узникам не более недели, после чего решил сам принять участие в допросе.

В течение недельной отсрочки Гийом не стал беспокоить короля и не доложил ему о четырех рыцарях.

Поразительный успех королевских чиновников, добившихся столь ярких признаний, не мог быть омрачен упорством четырех упрямцев. Ногаре знал, что ему удалось оставить далеко позади честолюбивого камергера Мариньи, которому просто не хватало ума и образования, чтобы стать достойным соперником в борьбе за королевскую любовь. Все, казалось, указывало на то, что дело тамплиеров вскоре будет закрыто. Филипп сам говорил о Рождестве 1307 года как об окончательной дате.

Временное разрешение финансовых трудностей было достигнуто. Королевские чиновники прибрали к рукам владения тамплиеров, что компенсировало утрату самих сокровищ, и теперь эти чиновники были заняты составлением подробных описей имущества обвиненного в ереси рыцарского ордена.

Однако за пределами Франции большая часть христианского мира осуждала происходящее. То,

что король Франции являлся внуком Людовика Святого, само по себе отнюдь еще не свидетельствовало о его личной и политической честности и порядочности, особенно если вспомнить нападение на папу в Ананьи или же вопиющие факты давления, которое Филипп оказывал на конклав перед выборами Климента V.

Более того, финансовые проблемы французского монарха вряд ли были для кого-то секретом. Самовластный захват чужих владений, массовая «порча денег», невыносимые и незаконные поборы — вот что характеризовало его правление.

30 октября, то есть за 10 дней до начала допроса четырех рыцарей, решивших любой ценой отстоять свою честь и честь ордена, король Англии Эдуард II ответил на письма Филиппа относительно арестов тамплиеров следующим образом: он и его совет находят обвинения в «мерзкой ереси», выдвинутые против ордена, достойными «всяческого удивления», а испанский король Хайме II Арагонский писал, что послание Филиппа вызвало у него «не просто удивление, но и тревогу», потому что орден тамплиеров до сих пор оказывал христианскому миру поистине неоценимые услуги в борьбе с сарацинами. Ни один монарх пока не был готов последовать примеру Филиппа.

В этой обстановке докладывать королю о том, что не все тамплиеры сознались в своих преступлениях, Ногаре не решился. По его мнению, ему отныне следовало самому взяться за дело. Ногаре нравилось, что его король, внук Людовика Свято-

го, не найдя поддержки у христианских монархов, начал искать ее среди известных людей, которые если и не исповедовали прямой ереси, то, по крайней мере, были очень близки к ней. Так, Филипп Красивый неожиданно обратился с письмом к известному каталонскому доктору медицины Арнольду де Вилланова, активно поддерживающему учение францисканцев-спиритуалов о неминуемом конце света и создании на земле нового утопического общества, в котором Дух Святой уничтожит совершенно разложившуюся, пришедшую в упадок Римскую церковь. По его мнению, в сентябре 1307 года, когда и было принято решение об аресте храмовников, Господь решил начать преобразование рода человеческого, раз уж даже сами христиане вопиющим образом стали отрекаться от веры в существование Иисуса Христа и мечтать лишь об удовольствиях, богатстве и славе, испытывая не более религиозного рвения, чем варвары или язычники.

Арнольд де Вилланова уверял короля, что в отличие от большинства совсем не удивлен повальными арестами тамплиеров, что единоклубен с французским королем относительно безнравственности членов ордена, хотя и не видит в обнаружении подобной ереси благочестивым королем-христианином ничего «чудесного», ибо рассматривает это как прелюдию к раскрытию куда более серьезных преступлений, в том числе и со стороны королей и сеньоров.

По сути дела, францисканец-спиритуалист дру-

гими словами и в других выражениях высказал ту же мысль, что и Гийом де Ногаре. Вилланова указывал на то, что в сентябре 1307 года от рождества Христова началось преобразование рода человеческого, и Филиппу эта мысль очень понравилась. Следовательно, надо было приложить все усилия к тому, чтобы это преобразование осуществилось как можно скорее, и если на пути оказались четыре ничтожные песчинки, которые мешали вращаться жерновом божественного механизма, собирающегося переделать всю человеческую природу, то эти песчинки следовало растереть в пыль, дабы ничто не мешало скорому приближению ожидаемого всеми конца света.

Песчинки

Два брата Жана, брат Анри и брат Ламбер, не принадлежали к высшей иерархии ордена. Они ничего не знали и не могли знать о тайной реликвии, которую вывезли накануне ареста в Ла-Рошель; не знали эти бедные братья и о решении Магистра принести в жертву нынешний состав ордена, чтобы очистить его от коричневой скверны.

Если бы арест не был столь внезапным и если бы братьев не держали в одиночном заключении, то у Магистра была бы возможность предупредить всех и снять с наиболее верных рыцарей обет молчания, который давал каждый неофит, перед тем

как становился храмовником. Но такой возможности у де Моле не было. Да и, честно говоря, Магистр столь разуверился в рыцарях, больше занимавшихся хозяйством и мирскими проблемами, нежели укреплением духа, что и не надеялся на их стойкость.

Де Моле был абсолютно уверен, что почти вся братия сдастся без боя. Он даже втайне рассчитывал на подобный исход. Легкая победа должна была усыпить бдительность легатов и самого короля. Успокоенная власть не позаботится о том, чтобы закрыть все порты или послать погоню за небольшой флотилией, спешно покинувшей берега Франции.

Впрочем, де Моле знал, что лично ему и другим иерархам ордена нельзя будет избежать дыбы. Король обязательно натравит на него своих псов, чтобы те выпытали, куда столь внезапно могли исчезнуть сокровища, которые он, Филипп, еще совсем недавно видел своими собственными глазами.

Но пытки, по расчетам Магистра, должны были начаться не сразу. Королю надо было во что бы то ни стало постараться придать происходящему видимость законности. А для этого первый месяц монарх Франции должен потратить на то, чтобы собрать у братьев как можно больше признаний. И для достижения этой задачи в большинстве случаев достаточно простого испуга. Слабость ордена должна была сослужить ему добрую службу.

Как и ожидал де Моле, признания посыпались на головы короля и его верных легатов, словно спе-

лые яблоки в конце августа, когда стоит лишь хорошенько потрясти плодоносное дерево. Но король не знал, что плоды эти червивые и что они, в конце концов, не принесут ему особой радости. Де Моле слышал о повальных признаниях нестойких братьев. С одной стороны, он радовался тому, что его расчет оказался точен и что все получалось так, как он задумал, но с другой — старый Магистр испытывал горечь и стыд за рыцарей. Неужели их души и в самом деле оказались столь слабы?

Обуреваемый противоречивыми чувствами, де Моле ходил из угла в угол своей одиночной камеры. Неделя была на исходе, и он готовился предстать через несколько дней перед самим королем, а затем спуститься, если понадобится, в камеру пыток и отдать свое старое тело на растерзание палачам. Каждый из иерархов поклялся, что ни за что не выдаст курса, по которому шла сейчас флотилия, груженная не только золотом и серебром, но и еще чем-то таким, что во много раз превышало самые алчные грезы даже такого правителя, как Филипп Красивый.

Магистр знал, что во время предстоящих пыток он сможет удивить мир своим мужеством и посрамить палачей. Кажется, именно для этого великомученического подвига Жак де Моле и готовил себя всю свою жизнь, полную битв и бесчисленных лишений. Теперь он ждал боли. Однако голос искушения подсказывал Магистру, что до пыток не дойдет. Во всем этом балагане должна была появиться еще одна марионетка, имя которой папа Климент V.

Король был уверен, что бывший гасконский прелат полностью подчинен ему. Обескураживающая реакция христианских правителей на затеянный монархом процесс не особенно беспокоила Филиппа. Куда важнее было заставить молчать «ручного» папу. Впрочем, и здесь король был самонадеянно уверен в благоприятном исходе. Филипп даже и предположить не мог в своей гордыне, что весь этот спектакль затеян не им, а режиссером куда более могущественным, и поэтому все честолюбивые планы в любую минуту могли рухнуть.

Дело в том, что матерью нынешнего папы римского Климента V — в прошлом архиепископа города Бордо Бертрана де Го — была Ида де Бланшфор, и принадлежала она тому славному роду, из которого и вышел, может быть, наиболее могущественный и влиятельный за всю историю ордена Великий Магистр Бертран де Бланшфор. Получалось так, что папа Климент V, этот верный слуга короля, приходился родственником одному из бывших иерархов ордена, и поэтому заступничество за опальный орден могло стать делом его фамильной чести. На такой поворот событий втайне и рассчитывал Магистр, об этом и шептал ему в левое ухо предательский голос, успокаивая старика относительно пыток и прочего. Голос бормотал, что его, Магистра, подвиг мученичества, скорее всего, и не понадобится. Все обойдется и так, без дыбы, простой беседой с глазу на глаз. Вмешается папа, и главу ордена переведут в другое, более (безопасное место.

Де Моле изо всех сил старался не слушать сладкий шепот искушения и продолжал ходить из угла в угол, мысленно готовя себя к тому, что муки принять все-таки придется. Кому, как не ему, Магистру, и надо показать пример неколебимого мужества и стойкости...

Каково же было удивление де Моле, когда духовник, который по статусу обязан был посещать столь непростого заключенного, шепотом поведал о четырех рыцарях, решивших вынести во имя ордена страшные муки, какие можно встретить лишь в аду.

Получалось так, что четыре простых тамплиера, которые ничего не ведали о грандиозных планах своих иерархов, добровольно взяли на себя защиту чести ордена.

— Как?! Как их зовут?! — не выдержал и прокричал Магистр.

Шепотом ему были названы имена всех четырех, и он, как ни силился, не мог вспомнить в лицо ни одного из них. Тогда Магистр дал волю слезам. Старый рыцарь оплакивал не только этих невинных мучеников, безропотно отдавших свои жизни во славу ордена, но и свою собственную слабость, свое предательское искушение и скрытую потаенную радость, с которой он думал о возможном заступничестве папы.

Братья, судьбы которых оплакивал сам Магистр, страдали поодиночке. Они и понятия не имели, какой эффект произведет на всех их упорное

отрицание вины. Они лежали измученные, каждый в своей камере, на гнилой соломе. Братья были обессилены настолько, что не могли даже испить гнилой воды из деревянной посуды, принесенной тюремщиками. Черствый хлеб рядом с деревянной плоской жадно доедали крысы, и если бы не глухие стоны мучеников, то у этих животных на обед был бы и кусочек мяса, которое так и манило к себе запахом крови: палачи постарались с удвоенным рвением.

Четверо братьев были разного возраста и в орден вступили в разное время. Кто-то дольше, кто-то меньше мог считать себя храмовником. Но, несмотря на разницу в возрасте и различный срок пребывания в рыцарском братстве, покрывшем себя неувядаемой славой в боях в пустынях Палестины, все они имели нечто общее и по праву могли считаться подлинными братьями. В душе каждого из них тлела до поры до времени особая искра, рождая в их сердцах мечту о возвышенном и стремление к подвигу. Эту тайную искру лишь разжег огонь инквизиции, через боль и страдания показав этим людям, чего они по-настоящему стоят.

Когда каждый из четырех рыцарей-мучеников смог прийти наконец в себя, то к ним подослали сокамерников-шпионов. Инквизиция надеялась сломить сопротивление несчастных тем, что в доверительной беседе лжесобакамерники сообщили бы братьям о чистосердечном признании самого Магистра. Мол, ваше упорство все равно никому не нужно. Рухнула вся система, и за вас уже никто не

несет никакой ответственности. Спасайся, кто может! Зачем упорствовать, если сдались даже те, кого вы считали своим идеалом, образцом для подражания. Одно дело быть как все, хранить верность неколебимому братству, и совсем другое — остаться в дураках и быть обманутым своими же. Ведь известно, что предают только свои. Вы и так показали, но что способны, и так проявили достаточно мужества — больше ничего от вас и не требуется. Признайтесь в том, в чем все признались.

Следует заметить, что в этих задушевных разговорах подсадные утки не упоминали помимо уговариваемого ими брата никого, кто остался верен клятве. Инквизиция стремилась у каждого мученика создать впечатление напрасной исключительности его поступка, истязая несчастного чувством собственного одиночества и ощущением бесполезности совершаемого подвига.

Система не сдавалась и давила, давила, как «дочь мусорщика», а человек с его благородством и идеалами, за которые он готов был претерпеть любые страдания, не вписывался в установленные нормы и поэтому, истекая кровью, сопротивлялся из последних сил. Система убеждала, что предательство — это не подлость, а проявление ума и дальновидности. Королевские легаты изворачивались как могли, прибегая в своих аргументах к самым изощренным приемам богословской диалектики, заменяя белое на черное, добро на зло и наоборот. Они отработывали свой хлеб, жирных каплунов, доходные места и все то, что обычно в конце

жизни скапливается в подвале как ненужный хлам. Благородных рыцарей и воинов должны были добить нечистые на руку законники, объединенные общим корыстным интересом в одну большую стаю. Эпоха средневековья на этом процессе навсегда уходила в прошлое. Наступало время законников.

Но система ничего не могла поделать с четырьмя свободными людьми, которым было все равно — предал их Магистр или нет. Мало ли кто и по каким причинам не выдержал испытаний. Но они продолжали защищать свой Храм, остались верны вере Христовой и высоким идеалам благородных сердец, удивляя подвигом своим людей и Бога.

Не осознавая того, они хотели задержать уходящее средневековье, где так ценились доблесть и преданность, хотели показать, что Система не все может, что Система ломается и трещит, как расколовшееся колесо, если она натывается на Рыцаря, еще в юности своей сделавшего свой окончательный выбор, в каком из миров жить ему, а в каком нет.

Надежды Магистра на благотворное вмешательство папы в дело тамплиеров оправдались, хотя и не в полной мере. Однако родственные узы сделали свое дело, и тихий, «ручной» понтифекс, во всем до этого момента слушавшийся короля Филиппа, неожиданно стал вести себя непредсказуемо

и даже агрессивно, путая уже налаженную политическую игру.

Так, 27 октября 1307 года, еще до признаний в суде Гуго де Пейро, папа писал королю, что его (короля) предки, «воспитанные в уважении к Церкви», признавали необходимость представлять на рассмотрение именно церковного суда «все, что имеет отношение к религии и вере, поскольку именно к Святой церкви в лице ее пастыря, первого из апостолов, обращено повеление Господа нашего: «Паси агнцев моих». Высказав этот относительно мягкий упрек, папа пишет более грозно: «Сам Сын Божий, жених Святой церкви, пожелал, чтобы, согласно установленному Им закону, Святой престол был главой и правителем всех Церквей». Несмотря на договоренность постоянно обмениваться всеми сведениями, «вы предприняли эту акцию, арестовав множество тамплиеров и захватив их имущество и людей, хотя члены ордена подчиняются непосредственно Римской церкви и нам лично». И поэтому, писал далее папа, он посылает кардиналов, с тем чтобы они внимательно изучили данную проблему совместно с королем Франции. Имущество же, принадлежащее тамплиерам, папа требовал передать посланным кардиналам, действующим от имени Римской церкви.

Так, папа Климент V, чьи предки родом были из Ренне-ле-Шато, где много веков спустя сельский священник Беранжер Соньер наткнется в своих раскопках на некую тайну, решил принять активное участие в разыгравшейся исторической

драме, не желая мириться с ролью простого статиста.

Процесс, который король и его верный легат Ногаре собирались закончить к Рождеству 1307 года, стал затягиваться из-за упрямства папы. В общей сложности этому судебному разбирательству суждено было продлиться долгих 7 лет, что дало возможность заключенным рыцарям собраться с духом и начать по примеру своих стойких четырех братьев вести борьбу с королем на его же поле, то есть на поле закона.

Неожиданно выяснилось, что в среде рыцарей были не только банкиры и воины, но и прекрасные юристы, способные, как в шахматы, обыграть и самого Гийома де Ногаре.

В результате настойчивых действий папы Великий Магистр и еще двести пятьдесят тамплиеров были переданы в распоряжение представителей Климента V.

Взбешенный тем, что у тамплиеров появился серьезный шанс на спасение, Филипп Красивый письменно обратился к папе, требуя вынести храмовникам обвинительный приговор, иначе он, король Франции, будет считать и Климента, и его кардиналов еретиками.

Папа ответил, что он готов скорее умереть, чем осудить невиновных. И даже если они все же оказались виновны, но выказали раскаяние, он, папа Климент V, готов был простить их, вернуть имущество и создать для ордена новый устав.

Одобренный поддержкой папы, Магистр слов-

но вышел из долгой спячки и начал действовать. Скорее всего, на него оказал неизгладимое впечатление пример четырех простых рыцарей, которые всем показали, как надо вести себя в подобной ситуации. Стало известно, что более тридцати тамплиеров скончалось под пытками в застенках инквизиции. Получалось так, что против храмовников начали не судебное разбирательство, а полномасштабные боевые действия, и братство понесло первые тяжелые потери. В этой обострившейся ситуации де Моле решил поддержать всех братьев своим отказом от первоначального признания. Великий Магистр, обратившись к услугам некоего юного брата, который сумел втереться в доверие к врагу, стал распространять среди осужденных восковые таблички, которые содержали призыв отказаться от прежних показаний.

Пророчества Великого Магистра

Последнее слово Жака де Моле

По тайному распоряжению короля, решившего не дожидаться исхода затянувшегося процесса, пятьдесят четыре тамплиера были вывезены на телегах в поле в окрестностях Парижа, неподалеку от монастыря Сент-Антуан, и там сожжены на костре.

Через несколько недель еще четыре храмовника нашли свою смерть на костре; а прах бывшего казначея парижского Тампля Жана де Тура был извлечен из могилы и сожжен. Король хотел вспокоить не только мир живых, но и мир мертвых.

Вскоре еще девять человек были сожжены в Санлисе по приказу совета в провинции Реймс.

Сколько-нибудь точный список сожженных просто невозможно составить. Сопротивление было окончательно сломлено, и наступила очередь самого Жака де Моле.

Подлинное свое завершение процесс тамплиеров получил в 1314 году. 18 марта кардиналы созвали в Париже специальный совет. Перед ним предстали Жак де Моле, Гуго де Пейро, Жоффруа де Гонневиль и Жоффруа де Шарне. Папа предал тамплиеров, собственноручно подписав приговор руководителям ордена.

Сцена совета одним из современников была описана следующим образом: «Поскольку все четверо прилюдно и добровольно признались в преступлениях, вменявшихся им в вину, и не отрицали своих первоначальных показаний, совет тщательнейшим образом рассмотрел множество сопряженных вопросов и, заседа в дворе собора Нотр-Дам в Париже, в понедельник после дня св. Георгия вынес решение, согласно которому они приговаривались к пожизненному тюремному заключению в особо суровых условиях. Но, увы, когда кардиналы уже сочли дело закрытым, совершенно неожиданно двое из осужденных, а именно Великий Магистр и приор Нормандии, выступили с ошеломившей всех самозащитой, обращая слова свои к кардиналу, который только что прочитал проповедь, и к архиепископу Санскому, и отреклись от своих показаний, сделанных ранее, а также от всего того, в чем когда-либо признавались».

— Я хочу обратиться к совету, — начал Магистр. Он знал, что отныне каждым новым произнесенным словом подписывает себе смертный приговор. Отречься от признаний в ереси — это самое страшное обвинение по тем временам по отношению к подсудимому. Но сейчас можно было гово-

рить, ибо корабли уже достигли своей цели. И теперь можно было открыто защитить старый, как сам де Моле, развалившийся Храм, чтобы новому Храму было чем гордиться.

Магистр встал. И никто из собравшихся еще и предположить не мог, что будет дальше. Де Моле видел, как на губах кардиналов начала расцветать презрительная усмешка, как к лжесамоубийцам, которые ищут всегда места в реке, где помельче.

Магистр продолжал молчать. Он думал, что их, иерархов ордена, тоже четыре, как и тех простых рыцарей, которых до смерти замучили в подвалах инквизиции. Магистр специально выдерживал паузу, чтобы братья смогли опомниться и встать вместе с ним. Но они сидели. Сидели и терпеливо ждали. Чего? Неужели братья предали его? Пауза явно затянулась.

Магистр видел, что кардиналы продолжают ухмыляться. Мол, погеройствовал, и ладно. Дело сделано и тюрьма лучше, чем костер. Предали. Предали в такую минуту! Неужели они решили продолжить свое жалкое существование в обществе тюремных крыс, вместо того чтобы сгореть всем вместе ярким ослепительным факелом?

А усмешка все расцветала и расцветала на губах кардиналов, все нелепее и нелепее становилась затянувшаяся пауза. И тут Магистр почувствовал, как его туники коснулись старческие скрюченные пальцы. Это был приор Нормандии. Он тянул тунику на себя и делал какие-то знаки. Магистр не сразу понял, в чем дело. «Помоги встать! — еле слышно прошептал сидящий внизу старик. — Помо-

ги, слышишь!» Ему просто нужно было опереться на руку друга, чтобы оторвать от ненавистной скамьи свое вконец измученное и непослушное тело. И тогда они встали оба. Обнявшись, два дряхлых рыцаря стояли и смотрели в глаза своим судьям. Жалкое и величественное зрелище. А два других старца смотрели теперь в пол, боясь поднять свои головы. Им было сейчас одиноко и стыдно оттого, что они так и не смогли протянуть руки своей к спасительной тунике Магистра, не смогли уцепиться за нее скрюченными пальцами, чтобы оторвать отяжелевшие от страха зады от деревянной скамьи.

— Я хочу обратиться к совету, — прервал наконец свою затянувшуюся паузу Магистр, — и напомнить об огромной роли, сыгранной тамплиерами в борьбе с сарацинами, особенно во времена Людовика Святого, деда нашего достославного короля. Хочу напомнить совету о прекрасной смерти Великого Магистра ордена Гийома де Боже в битве при Акре, где вместе с ним погибли еще 300 рыцарей. Именно храмовники несли Святой крест в страны Востока, а также в Кастилию и Арагон. Шипы тернового венца Создателя расцветали в руках наших капелланов в Святой четверг. И они бы не расцвели, если бы братья были виновны. И сердце святой Ефимии не явилось бы нам, храмовникам, в Замке Паломников милостью Господней, излучая поистине чудесный свет, если бы мы были виновны. И не были бы мы способны собрать столько святых реликвий, сколько нет даже у самой Римской церкви, если бы были виновны. Более 20 ты-

сяч братьев пали во имя святой веры в заморских странах. Это они, а не вы поливали своей кровью пески Палестины. Они, а не вы страдали от голода, болезней и от палящего солнца. Поэтому и не вы, а я от имени всех братьев, как живых, так и мертвых, обвиняю и вас, и весь королевский суд.

В зале возникло замешательство. Никто не знал, что делать с взбунтовавшимися еретиками. А Магистр между тем продолжал:

— Вы устроили суд. Вы осудили цвет французского рыцарства. Но вы забыли, что ваш суд не единственный. И поэтому я заявляю, что король Франции Филипп Красивый и папа Климент V предстанут вместе со мной на другом Суде. И Господь призовет их к себе в течение двенадцати месяцев, которые истекут с момента нашей казни.

— Аминь! — заключил это пророчество приор Нормандии.

Из воспоминаний современника: «Как только новость о том, что произошло на совете, достигла королевского дворца, король, посоветовавшись с опытными людьми из своего окружения, однако не спрашивая совета у представителей духовенства, к вечеру того же дня приказал сжечь обоих преступников на одном из маленьких островов Сены, находящемся между королевским садом и монастырем святого Августина. Можно было наблюдать, как они готовятся принять смерть на костре — исповедавшись, с легкой душой и чистой совестью, проявляя волю и мужество, и все, кто это видел,

были восхищены и поражены их стойкостью в отрицании своей вины».

Казнь была проведена столь поспешно, что позднее обнаружилось, что островок Иль-де-Жавио, или Еврейский остров, на котором сожгли иерархов ордена, принадлежал не королю, а монахам Сен-Жермен-де-Пре, так что Филиппу пришлось послать письменные разъяснения, подтверждавшие, что это ни в коей мере не является посягательством на права монастыря.

Виллани писал, что «ночью, после того как Великий Магистр ордена и его товарищ погибли мученической смертью, их пепел и прах были собраны братьями мирянами и другими верующими и, подобно священным реликвиям, унесены и спрятаны в надежные и святые места».

Значит, несмотря ни на что, орден продолжал жить. Один Храм сгорел, чтобы уступить место другому, тайному Храму.

Исполнение пророчества

Итак, перед тем как быть сожженным на костре, Жак де Моле призвал папу и короля явиться с ним вместе на Суд Божий не позднее чем через год.

Папа Климент V умер 20 апреля 1314 года всеми покинутый и забытый, напрасно пытаясь заглушить в себе неумолчный голос совести. Пожаром уничтожена была ночью та церковь, в которой

был помещен труп несчастного папы. Сгорела также и нижняя часть тела покойника. Останки его были затем перенесены в мавзолей, воздвигнутый его родственниками, которым он оставил несметные богатства. Но и здесь последним останкам первосвященника не суждено было найти полного успокоения. Яростные толпы кальвинистов разрушили в 1577 году мавзолей, останки тела бросили в огонь, а пепел развеяли по ветру.

Филипп IV умер 29 ноября 1314 года, едва достигнув 46 лет, от какой-то загадочной болезни. Какую ненависть и озлобление возбудило его отягощенное проклятием царствование, явствует из того факта, что его сыну и преемнику Людовику X приходилось иногда прибегать к силе, заставляя духовенство Франции совершать панихиды по усопшему королю.

Сыновья Филиппа Красивого рано последовали за отцом в могилу. Плохие времена настали для Франции, и некоторые видели в несчастной Столетней войне с Англией кару за преступления, совершенные Филиппом IV, и искупление общей вины всего французского народа, пассивно участвовавшего в процессе над тамплиерами.

Вслед за своим хозяином ушел на тот свет, так и не сумев воплотить в жизнь свой грандиозный план, и Гийом де Ногаре. Что касается Мариньи, то после смерти короля он был заподозрен в расстрате. Враги обвинили его в колдовстве, и верный камергер короля был повешен.

Но на этом пророчества Великого Магистра не

закончились. Большой дом тамплиеров в Париже после падения ордена сделался достоянием короны. Никто не предполагал тогда, в самом начале XIV века, что мрачное здание это послужит со временем последним печальным обиталищем для несчастного потомка Филиппа Красивого Людовика XVI и его семьи. И в день, когда был обезглавлен король Франции, некто неизвестный взобрался на эшафот, взял из корзины гильотины за волосы окровавленную голову и крикнул в толпу: «Жак де Моле, ты отомщен!»

Что касается священной реликвии, то знаменитый средневековый писатель Вольфрам фон Эйшенбах утверждает, что Святой Грааль был надежно спрятан в одном из замков тамплиеров и представлял из себя чашу, в которую, по преданию, Иосиф Аримоефский сумел собрать кровь распятого Христа.

По мнению некоторых историков, орден продолжает жить. Он поменял свое название, но не отказался от грандиозных замыслов. Многие утверждают прямую связь между храмовниками и масонами. В Шотландии, где находят до сих пор захоронения рыцарей Храма, и зародилось общество свободных каменщиков, учение которых также было ориентировано на восстановление знаменитого Храма царя Соломона. Говорить же о влиянии масонов на современную политику не приходится. Это влияние повсеместно, начиная с мировой банковской системы, которую тоже, кстати сказать, впервые придумали храмовники.

Содержание

Пролог.	3
Сокровища тамплиеров.	19
Процесс.	108
Пророчества Великого Магистра	181

Литературно-художественное издание

Евгений Викторович Жаринов

ЖАК ДЕ МОЛЕ

Редактор *И. Д. Шведова*

Художественный редактор *О. Н. Адашкина*

Технический редактор *Н. В. Сидорова*

Корректор *Г. И. Иванова*

Сдано в набор 06.08.99. Подписано в печать 20.08.99.

Формат 84 X 108 ¹/₃₂. Гарнитура «Академическая».

Усл. печ. л. 10,08. Тираж 11 000 экз. Заказ № 4992.

Налоговая льгота — общероссийский
классификатор продукции ОК-00-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

Гигиенический сертификат
№ 77.ЦС.01.952.П.01659.Т.98 от 01.09.98 г.

КРПА «Олимп»

Изд. лиц. ЛР № 070190 от 25.10.96

123007, г. Москва, а/я 92

E-mail: olimpus@dol.ru

ООО «Издательство Астрель»

Изд. лиц. ЛР № 066647 от 01.06.99

143900, Московская обл., г. Балашиха, пр-т Ленина, д. 81

ООО «Фирма «Издательство АСТ»

Изд. лиц. ЛР № 066236 от 22.12.98

366720, РФ, Республика Ингушетия,

г. Назрань, ул. Московская, 13а

www.ast.ru

E-mail: ast@postman.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в полиграфической фирме «КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ»
103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

ЛУЧШИЕ КНИГИ ДЛЯ ВСЕХ И ДЛЯ КАЖДОГО

◆ **Популярнейшие многотомные детские энциклопедии:** "Всё обо всем", "Я познаю мир", "Всё обо всех", "Современная энциклопедия для девочек", "Современная энциклопедия для мальчиков".

◆ **Лучшие серии для самых маленьких** – "Моя первая библиотека", "Русские народные сказки", "Фигурные книжки-игрушки", незаменимые "Азбука" и "Букварь", замечательные книги известных детских авторов: Э.Успенского, А.Волкова, Н.Носова, Л.Толстого, С.Маршака, К.Чуковского, А.Барто, А.Линдгрен.

◆ **Школьникам и студентам** – книги и серии "Справочник школьника", "Школа классики", "Справочник абитуриента", "333 лучших школьных сочинения", "Все произведения школьной программы в кратком изложении".

◆ Богатый выбор учебников, словарей, справочников по решению задач, пособий для подготовки к экзаменам. А также разнообразная энциклопедическая и прикладная литература на любой вкус.

Все эти и многие другие издания вы можете приобрести по почте, заказав

Б Е С П Л А Т Н Ы Й К А Т А Л О Г

по адресу: 107140, Москва, д/я 140. "Книги по почте".

Наши фирменные магазины в Москве:

Каретный ряд, д.5/10. Тел.: 299-6584, 209-6601. Арбат, д.12. Тел. 291-6101.

Татарская, д.14. Тел. 9592095. Звездный бульвар, д.21. Тел. 232-1905

Б.Факельный пер., д.3. Тел. 911-2107. Лутанская, д.7 Тел. 322-2822.

2-я Владимирская, д.52. Тел. 306-1898.

Уникальная услуга для жителей Москвы – "Книги на дом".

Позвоните по тел. 933-64-64 и вам их доставят!

ЛУЧШИЕ КНИГИ ДЛЯ ВСЕХ И ДЛЯ КАЖДОГО

◆ **Любителям крутого детектива** — собрания сочинений Ф.Незнанского, Э.Тополя, В.Шитова, В.Пронина, суперсериалы А.Воронина "Комбат", "Слепой", "Му-му", "Атаман", а также классики детективного жанра — А.Кристи и Дж.Х.Чейз.

◆ **Сенсационные документально-художественные произведения** В. Суворова, В. Красковой и Л. Васильевой, а также уникальная серия "Всемирная история в лицах" и собрания бестселлеров С. Шелдона.

◆ **Для увлекающихся таинственным и необъяснимым** — серии "Линия судьбы", "Уроки колдовства", "Энциклопедия загадочного и неведомого", "Великие пророки", "Необъяснимые явления".

◆ **Поклонникам любовного романа** — произведения "королев" жанра: Дж.Макнот, Д.Линдсей, Б.Смолл, Дж.Коллинз, С.Браун, Б.Картленд, Дж.Остен, сестер Бронте, Д.Стил — в сериях "Шарм", "Очарование", "Страсть", "Интрига", "Обольщение", "Рандеву".

◆ **Почитателям фантастики** — циклы романов Р.Асприна, Р.Джордана, А.Сапковского, Т.Гудкайнда, Г.Кука, К.Сташефа, а также самые полные собрания произведений братьев Стругацких и С.Кинга; "Новая библиотека приключений и фантастики", где читатель встретится с героями произведений А.К. Дойла, А.Дюма, Г.Манна, Г.Сенкевича, Р.Желязны и Р.Шекли.

Все эти и многие другие издания вы можете приобрести по почте, заказав
БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ
по адресу: 107140, Москва, д/я 140. "Книги по почте".

Наши фирменные магазины в Москве:

Каретный ряд, д.5/10. Тел.: 299-6584, 209-6601. Арбат, д.12. Тел. 251-6101.
Татарская, д.14. Тел. 9592095. Звездный бульвар, д.21. Тел. 232-1905
Б.Факельный пер., д.3. Тел. 911-2107. Лутанская, д.7 Тел. 322-2822.

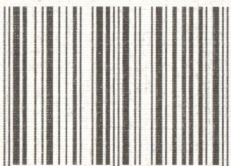
2-я Владимирская, д.52. Тел. 306-1898.

Уникальная услуга для жителей Москвы — "Книги на дом".

Позвоните по тел. 933-64-64 и вам их доставят!

Последний Великий магистр самого загадочного и мистического ордена средневековья — ордена тамплиеров. Человек, который, как говорили, владел самыми странными колдовскими тайнами Востока, — тайнами, что и привели его в итоге на костер инквизиции. Человек, который из пламени костра предсказал скорую гибель своих убийц — папы Климента V и короля Филиппа Красивого, — и предсказание это сбылось. Однако последнее провидение Жака де Моле — лишь одно из многих его пророчеств, о которых рассказывает эта книга...

ISBN 5-237-03911-1

9 785237 039115

act
ИЗДАТЕЛЬСТВО